

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Киров
2018

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник материалов
VI Международной научно-практической конференции
(9 ноября 2018 г., г. Тамбов)

Киров
2018

© АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании», 2018
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 2018
© Коллектив авторов, 2018

УДК 80
ББК 80/84
С 568

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор **И. М. Попова**;
кандидат филологических наук, доцент **М. М. Глазкова**;
кандидат филологических наук, доцент **О. В. Нарбекова**;
кандидат филологических наук **О. В. Толмачева**

С568 Современные проблемы филологии [Электронный ресурс]: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции (9 ноября 2018 г., г. Тамбов) / Электрон. текст. дан. (1,7 Мб). – Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц, 512 Мб RAM, 1,7 Мб свобод. диск. пространства; CD-привод; ОС Windows XP и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-907091-28-3

Научное электронное издание

В сборник вошли научные статьи и доклады ученых России и дальнего зарубежья по филологическим направлениям научно-образовательной деятельности. Представленные на международную научно-практическую интернет-конференцию работы способствуют апробации научных разработок и изысканий, содействуют формированию научных школ и информационно-образовательной среды.

Сборник адресован студентам гуманитарных специальностей, аспирантам, преподавателям вузов, а также всем интересующимся проблемами современной литературы и методикой преподавания русского языка.

ISBN 978-5-907091-28-3

УДК 372.8
ББК 74.6

Оформление и верстка Е. Сунцова

Дата подписания к использованию: 28.11.2018

Объем издания: 1,7 Мб. Комплектация: 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Тираж 7 экз.

Издательство АНО ДПО «Межрегиональный центр
инновационных технологий в образовании»

610047, г. Киров, ул. Свердлова, 32а, пом. 1003

Тел.: 8-800-222-30-98

<https://mcito.ru/publishing>; e-mail: book@mcito.ru

Содержание

СЕКЦИЯ 1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Баркова Татьяна Петровна

Деятельностная сущность языка и художественный текст
(на материале романа Захара Прилепина «Обитель») 6

Жукова Татьяна Евгеньевна

Философская концепция истории в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»
(к 190-летию писателя) 14

Иванова Ирина Сергеевна

Концепт «любовь» в романе З. Прилепина «Обитель» 21

Игумнова Елена Сергеевна

Специфика функционирования имени собственного в современной
региональной литературе (на материале произведений Ю. Селенского) 25

Иконникова Яна Владимировна

Повесть А. И. Куприна «Поединок»:
женские образы как способ реализации концепта «свое-чужое» 29

Попова Ирина Михайловна, Глазкова Марина Михайловна

Художественный смысл реализации библейских концептов
в романе Захара Прилепина «Обитель» 35

СЕКЦИЯ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова Любовь Владимировна

К вопросу о сильном и слабом глагольном управлении 43

Гальцева Анжелика Александровна

Грамматические ошибки в потоке эфирной речи 48

Губанова Тамара Васильевна, Максимов Ольга Васильевна

Изучение темы «Имя прилагательное» на уроках русского языка
как иностранного (из опыта работы с иностранными учащимися
по учебному пособию «Прилагательные – краски русского языка») 52

Иванова Ирина Сергеевна, Ильина Светлана Анатольевна

Презентация феминативов на уроках русского языка как иностранного 59

Нарбекова Оксана Владимировна, Начёрная Светлана Владимировна

Работа с текстом художественного произведения на уроках РКИ:
анализ и пересказ 64

Толмачева Оксана Васильевна

Инфографика как инструмент при обучении говорению
на занятиях по русскому языку как иностранному 70

Товт Анастасия Михайловна, Шахова Лариса Александровна,

Диалог культур на примере праздника «Масленица»
при обучении русскому языку как иностранному 75

АВТОРЫ 80

СЕКЦИЯ 1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Баркова Татьяна Петровна,

старший преподаватель кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

barkova06@mail.ru

Деятельностная сущность языка и художественный текст (на материале романа Захара Прилепина «Обитель»)

Аннотация. В статье ставится вопрос о способности художественного текста эксплицировать потенциальные возможности различных элементов и механизмов языковой системы и рассматривается экспликация некоторых из них в деятельностном аспекте (именование, переименование, образование диминутивов) на примере текста романа Захара Прилепина «Обитель».

Ключевые слова.

Язык, речь, речевая деятельность, художественный текст, элементы и механизмы языковой системы, номинация, различные виды номинации, переименование, диминутивы.

Очевидно, что мы не можем наблюдать язык во всех формах его существования непосредственно, однако его проявление (манифестация) наблюдается как в процессе продуцирования и восприятия речи, так и в самых разнообразных текстах, которые появляются в результате такого рода процессов.

С одной стороны, язык и речь противопоставлены друг другу, а с другой стороны, они неразрывно связаны (вспомним дихотомию язык – речь). В основу рассуждений о деятельностной сущности языка могут быть положены следующие принятые в языкознании утверждения: 1) язык, признаваемый системой, функционирует именно в речи, а речь в свою очередь обеспечивает функционирование и развитие языка; 2) язык обладает способностью к саморазвитию и изменяется с течением времени; 3) речевая деятельность, с точки зрения психологии, организована так же, как и другие виды деятельности

В языке, являющем собой систему, большинство его носителей видят нечто абстрактное, возможно, застывшее и статичное, в известном смысле даже пассивное. Совершенно иначе воспринимается текст, в особенности художественный. По-видимому, можно утверждать, что текст способен продемонстрировать и демонстрирует потенциальные возможности разнообразных элементов языковой системы и ее различных механизмов.

Попробуем показать это на примере художественного текста – известного романа Захара Прилепина «Обитель».

Так, на страницах этого романа нами отмечены особые приемы номинации (одного из механизмов языковой системы), которые представляются нам очень важными

не только для понимания идейного содержания данного художественного произведения и выявления авторской позиции, но и для создания ярких, самобытных художественных образов.

Под номинацией, как известно, понимают и собственно языковой процесс, и его результат (он может быть представлен различными языковыми единицами), а в основе акта номинации лежит классическое логическое трехчленное соотношение: реалия – понятие – имя. Очевидно, что понятия отражают самые важные, характерные признаки предмета (в том числе и экспрессивные), они раскрывают смысл имени. Называние предмета, которое имеет место в речевом акте, осуществляется по законам номинации, действующим в языке, и основывается на выборе одного характерологического признака предмета или целого ряда его важнейших признаков. В результате именования появляется имя, которое уже в процессе своего «рождения» оформляется по действующим в языке законам.

Номинация как процесс, как некий акт речевой деятельности, осуществляемый «здесь и сейчас», а на самом деле являющийся проекцией языковой деятельности, присущей каждой языковой личности, разворачивается перед нами в одном из эпизодов романа «Обитель», когда Артем и Афанасьев получают наряд вязать березовые веники. Бечевка, которую используют заключенные, быстро заканчивается, поэтому они (по инициативе Афанасьева) заменяют ее колючей проволокой, найденной в лесу. Понятно, что колючая проволока совсем не подходящий в данном случае соединительный материал, ведь банные веники такого рода могут причинить человеку боль и даже поранить его.

Совершенно очевидно, что колючая проволока – известный символ ограничения свободы – появляется в данном эпизоде романа не случайно. Изготовив первый веник с колючей проволокой, Афанасьев продекламировал строки Сергея Есенина из «Сорокоуста», намеренно несколько исказив их: «И *всыпает* им в толстые задницы окровавленный веник зари!» В оригинальном контексте они звучат так: «Полно кротостью мордищ праздниться. / Любо ль, не любо ль – знай бери. / Хорошо, когда сумерки дразнятся / И *всыпают* нам в толстые задницы / Окровавленный веник зари» [1]. Сергея как в воду глядел, – резюмирует Афанасьев. [2: 104] Цитируя Сергея Есенина, он, как кажется, оправдывает то, что они с Артемом замыслили и принялись осуществлять с явным энтузиазмом и восторгом.

Вынужденная замена бечевки, которой связывались веники, и использование вместо нее колючей проволоки привели к появлению веников «новой конструкции», что естественным образом повлекло за собой их именование. Веник с одной «длинной, когтистой проволоочной жилой» называли «веничком секирским», с двумя жилами колючки – «веничком чекистским», «с тремя рогатыми жилами наломанной колючей проволоки» – «Памяти безвременно ушедшего товарища Дзержинского»; огромный толстый веник, в котором было с десяток проволоочных жил, получил название «Суровая чекистская жопа», а «две хилые березовые веточки, сплетенные с одной жилой колючки», – «Терновый венчик каэровский» [2: 103-104].

Очевидно, что диминутив от слова веник, используемый при именовании ряда веников, свидетельствует отнюдь не об уменьшенном размере называемого объекта («веничек секирский», «веничек чекистский»), а о превалировании в данных именовании экспрессивно-оценочного компонента. При присоединении суффикса *-ек-* к существительному *веник* ни размеры, ни функция этого объекта не меняются (ср.: *стол* и *туалетный столик*, *зеркало* и *дамское зеркальце*), но именно благодаря появлению аффикса в этом обозначении очень ярко проявляется отношение номинаторов (Артема и Афанасьева) к вычленяемому и обозначаемому ими фрагменту реальной действительности. Использование диминутива в данном случае – это тот способ номинации, к которому прибегают герои романа с целью выразить свое отношение к

тем людям, кому эти веники предназначены, чтобы продемонстрировать свое интеллектуальное и моральное превосходство перед ними.

В результате весьма специфического акта номинации, развернувшегося перед читателями на страницах романа Захара Прилепина, возникают номинации-словосочетания, построенные по следующим моделям: существительное + прилагательное («*веничек соловецкий*», «*веничек секирский*», «*веничек чекистский*» прилагательное + прилагательное + существительное («*суровая чекистская жопа*»); прилагательное + существительное + прилагательное («*терновый венчик казровский*»).

Используемые в данном случае в качестве названия словосочетания атрибутивного характера формально приписывают объектам те или иные свойства, а по сути являются языковой репрезентацией неких целостных событий. Например, за названием «*секирский веничек*» стоит Секирская гора (Секирка) – место штрафного изолятора в Соловецком лагере, где холод был для заключенных страшнее голода и унижений. Едкое, ироничное название «*Памяти безвременно ушедшего товарища Дзержинского*» связано с именем человека, запустившего в России страшную репрессивную машину, которая в 20-ые годы XX века только набирала обороты. Нейтральное название веника «*чекистский*» и экспрессивно окрашенное «*Суровая чекистская жопа*» не только отсылают к тем, кому предназначены эти веники, но и свидетельствуют о ярко выраженном негативном отношении лагерников к чекистам, которые были «винтиками» этой репрессивной машины. Интересно название «*Терновый венчик казровский*». Прилагательное *терновый* ассоциируется с терновым венцом, возложенным на голову Иисуса Христа во время его поругания, а *венчик* здесь – производное, уменьшительно-ласкательное то ли от *венец*, то ли от *веник* (т.е. венчик можно понимать как искаженное *веничек*). Само же описание веника казровского свидетельствует об особом отношении Артема и Афанасьева к каэрам (может быть, ими самими не вполне осознаваемом) как к людям слабым и несостоятельным, которые не смогли (и уже не смогут) одержать победу в борьбе против революции.

Можно констатировать, что коммуникативный контакт между Артемом и Афанасьевым состоялся, что коммуникативная цель инициатора в приведенном нами акте номинации реализована полностью. Произошло это, по-видимому, по той причине, что имплицитруемая в наименованиях информация понимается коммуникантами (и одновременно номинаторами) одинаково. При этом внутренняя форма номинантов отражает признаки объектов, которые положены в основу их обозначения.

В данном случае имеет место так называемая искусственная номинация, противопоставляемая естественной, когда можно говорить о некоем преднамеренном словотворчестве, которое тесно связано с творческим потенциалом языковой личности и, очевидно, включено в определенный исторический и социальный континуум [3].

Безусловно, описанные здесь акты номинации следует рассматривать в рамках индивидуальных актов языковой деятельности, но их результаты актуальны и значимы не только в контексте данного художественного произведения, но и шире – в рамках «определенного исторического и социального континуума» [3].

Процесс именования, который разворачивается на наших глазах, обусловлен личностным опытом героев романа (реалиями советской жизни той поры, лагерной жизнью героев, их личными переживаниями). Героями движет огромное желание с помощью «изобретенных», изготовленных и поименованных ими веников наказывать всех своих «обидчиков». Каким образом это может произойти, очень натуралистично описано Афанасьевым в гипотетической сцене прихода «чекистской морды» в баню: – Банщик постарался-постарался и тоже понемногу успокоился... И вот дым рассеялся. Стоит банщик и видит: вокруг кровяща... клочья мяса!.. вместо чекиста – кровавая капуста [2: 104]! И вот уже березовый веник, который на Руси издавна используется для банных процедур и приносит несомненную пользу, благодаря Артему и Афанасьеву, на наших глазах превращается в орудие наказания, орудие пыток, орудие

мщения всем, кто нарушил привычный ход жизни тысяч людей, отнял у них свободу, бесчеловечно относится к заключенным. Заметим, что в силу сложившихся обстоятельств и Артем, и Афанасьев ограничены в своих действиях, они не могут изменить что-либо в своей теперешней (лагерной) жизни, поэтому языковая деятельность – это едва ли не единственный вид деятельности, где они могут реализовать себя как люди мыслящие, имеющие определенный багаж знаний и жизненный опыт, способные оценивать происходящее, как языковые личности, наконец.

Процесс номинации, за которым с интересом наблюдают читатели, можно считать стихийным, но осуществляется он в соответствии с закономерностями, существующими в коммуникативном сознании языковой личности, и действующими в языке законами.

Описанные выше наименования, безусловно, не только отражают мысли, чувства, намерения номинаторов, но и уровень их образованности, их социальный статус в прошлом, их униженное положение в обществе в настоящем. Следует заметить, что такого рода наименования представляют интерес не только для лингвистов, но и в большой степени для культурологов.

На страницах романа Захара Прилепина находит отражение и переименование – языковое явление, которое считается частным случаем номинации. Под переименованием понимают замену уже существующей в языке лексемы для обозначения объекта, явления реальной действительности и т. п. другой языковой единицей; обычно этот процесс сопровождается дополнительной коннотацией. Наиболее типичными единицами переименования считаются топонимы и антропонимы.

Так, беседуя однажды с Артемом, Осип Троянский рассуждает о том, что Белое озеро переименовали в Красное, а Святое озеро Кремля – в Трудовое, и это вызывает у него постоянную путаницу. Он очень недоволен этим, так как ему сложно привести в порядок свои представления об острове. Осип считает утопической мысль большевиков о том, что переименование мира должно неизбежно привести к его изменению: – Они думают, что, если переименовать мир, – мир изменится. Но если вас называть не Андрей, а, скажем Серафим – станете ли вы другим человеком [2:201] ?

Как известно, язык чутко реагирует на все происходящее в окружающей нас действительности: все крупные события, кардинально меняющие жизнь общества, с неизбежностью находят отражение в языке, т.е. вовлекают в свою орбиту и язык. Изменился общественно-политический строй в России, к власти пришли большевики и Белое озеро переименовали в Красное, Святое – в Трудовое. Логика переименования и символика предложенных большевиками новых названий понятна и очевидцам тех событий, и современному читателю. Бесспорно, что эти названия, помещенные в конкретный исторический и социальный континуум, приобретают отрицательную коннотацию: достаточно вспомнить реакцию на этот акт переименования Осипа Троянского. Кроме того, сам акт переименования воспринимается им в данном случае как попытка большевиков переустроить мир по своему образу и подобию, что ему (и не только ему), безусловно, не нравится. Добавим, что в данном случае язык выступает как некое орудие идеологического господства, как некий акт манипулирования сознанием [4].

Результаты переименования в его более «безобидном» виде по сравнению с описанными выше представлены в тексте романа Захара Прилепина социолектными переименованиями – лексическими единицами, употребительными в ограниченной социальной группе людей. Появление социолектов объясняется необходимостью обслуживания коммуникативных потребностей определенных социальных групп, а использование социолектных единиц в романе – описанием жизни заключенных Соловецкого лагеря. Установлено, что социолектные переименования выполняют следующие функции: конспиративную (они не всегда понятны непосвященному), идентифицирующую и эмоционально-экспрессивную. Подобные переименования, используе-

мые членами определенной социальной группы, или полностью вытесняют общеязыковые варианты, или сосуществуют с ними. В тексте автор приводит оба варианта, вводя социолектный различными способами: формой глаголов *называть, звать* или личным местоимением 3 лица и частицей же: «Штаны дед *называл* шкерами, бритву – мойкой, ...» [1: 11]; «дрыны *называли* еще и шутильниками» [2: 86]; «Секирой *звали* штрафной изолятор на Секировой горе, ... там убивали людей» [2: 62]; «карты, *они же* «святцы», *они же* «колотушки» [2: 103].

Воздействием прагматических факторов на акт номинации объясняется и появление таких образований, как диминутивы.

Диминутивность относят к особому языковому значению, указывающему на уменьшение размера предмета и имеющему морфологическое выражение: к именной (иногда к глагольной) основе добавляются уменьшительные аффиксы. Известно, что значение уменьшительности у диминутивов очень часто сопряжено с оценочным значением. «К субъективно-оценочным относятся следующие значения, выражаемые суффиксальным способом: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное. Образования с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной речи» [5: 208]. Безусловно, это связано с тем, что ряд объектов окружающего нас мира вообще не поддается измерению (например, вещества). В таких случаях присоединение диминутивного суффикса к основе производящего слова придает значению производного экспрессивную и оценочную окраску. Не лишены оценочных компонентов и производные от предметных имен, ср.: *домик* – это ведь не просто «маленький дом», но «маленький и хороший», «маленький и симпатичный». В подавляющем большинстве случаев уменьшительный суффикс выражает положительную оценку и значит «хороший, симпатичный, приятный, славный и т.п.», хотя встречаются и другие примеры: *идейка, интеллигентик, типчик, хозяйчик* и т.п.

Использование диминутивов можно объяснить желанием говорящего выразить собственное отношение к предмету (или лицу), о котором говорится, как бы приблизить его к себе, в известном смысле сделать своим.

Диминутивы, встречающиеся на страницах романа «Обитель», являются обозначениями: а) лиц (владычка, казюлька, монашек, деточка, Тёмонька, мужичок и др.) и б) предметов (в том числе и одушевленных):

- 1) собачка, Олешка;
- 2) хвостик, сердечко, глазок;
- 3) сметанка, лучок, картошечка, хлебушек, сахарок, яичко, медок, ягодка, кипяточек;
- 4) шинелька, пиджачок, обновочки, подушечка;
- 5) часовенка, больничка, бережок, лавочка, окошко, гробик;
- 6) папироска, самокруточка, свечечка, веничек, проволочка;
- 7) оперетка, свиданочка, командировочка, вальсок, балаганчик.

Собственно диминутивные значения, предполагающие изменение нормальных размеров объекта, и зафиксированные словарями, имеют, пожалуй, только существительные *больничка, часовенка, окошко*. Однако диминутивы *больничка* и *часовенка* приобретают в тексте еще и оценочный смысловой компонент. Во время вечерней прогулки по монастырю, на которую Артем с удовольствием согласился и во время которой чувствовал себя почти довольным, они с Василием Петровичем прошли мимо часовенки для водосвятия. В этот «пресветлый вечер», когда «воздух был пышен, небо насыщено и старательно раскрашено» [2: 40] оправданным представляется употребление диминутива *часовенка*, так как, кроме представления об уменьшенных размерах названного объекта, он несет в себе и положительные коннотации:

происходит некое качественное изменение в восприятии Артема и Василия Петровича (а соответственно и читательском) всего того, что попадает в поле их зрения, что они могут наблюдать во время своей вечерней прогулки.

Диминутив *больничка* первый раз встречается в романе, когда Артем получает наряд «разгребать свалку мусора у больнички». Идея уменьшительности, которая появилась у существительного *больничка* вследствие присоединения диминутивного суффикса к его производящему – существительному *больница*, отходит на второй план после знакомства с описанием лагерной больнички: «трехэтажное здание неподалеку от ворот кремля» [2: 129]. А употребление этого диминутивного образования в контексте повествования определяется скорее отношением людей к этому лечебному заведению как к месту, где можно рассчитывать на медицинскую помощь, милосердие, сострадание, и как следствие этого несет положительные коннотации. Любопытно, что после того, как Артем попал в эту больничку, после всего, что он там увидел, услышал и испытал, для именования данного медицинского учреждения автор прибегает к существительному *лазарет*, не имеющему оценочного значения, основным компонентом семантической структуры которого является компонент «*небольшое* лечебное заведение»,

Артем боялся потерять *подушечку* в пестренькой наволочке, присланную мать: «отчего-то она была ему дорога: он даже не клал ее под голову, а куда-то прятал под сердце и так спал на ней, да и то не всегда» [2: 234]. Эта подушечка вызвала у него теплые чувства (хотя он вряд ли признался бы себе в этом), так как она служила ему напоминанием о совершенно другой, прошлой, жизни, о родном доме, о матери.

Шинелька воспринимается Артемом как убежище, как спасительное укрытие от мерзостей окружающей его действительности. Завернувшись в шинельку, Артем как бы отгораживается от «пропахшей мерзостью и копошением трапезной», в которой размещалась двенадцатая рота: «влез в шинельку и пропал. Быть может, даже умер» [2: 81].

Вспомним эпизод, когда Афанасьев вслед за Артемом также попадает на Секирку. Радуюсь встрече с товарищем (пусть и в таких нечеловеческих условиях, не сулящих им обоим ничего хорошего), понимая, что с Афанасьевым произошло что-то страшное, Артем на правах секирского «старожила» предлагает ему свою помощь: «Раздевайся пока, посушим твоё бельё. ... А я тебе пиджачок дам поносить со своего плеча» [2: 522]. Как кажется, именно в использовании диминутива *пиджачок* и проявляется чувство жалости и сострадания, которое испытывает Артем по отношению к Афанасьеву, а также радость от того, что вновь увиделся с ним. Афанасьев же при встрече выражает свою радость открыто: « - Ай, Тёмочка, как хорошо тебя увидеть» [2: 522]. Здесь и использование уменьшительно-ласкательной формы *Тёмочка* (ср.: *Тёма*, *Артем*), и наличие оценочного суждения *хорошо увидеть*.

Особое, «пиететное» отношение к еде (конечно, не лагерной), которое проявляется в таких словоупотреблениях, как *сметанка*, *лучок* (*сметанка с лучком*), *яичко*, *хлебушек*, *картошечка* (*картошечка с лучком*), *медок*, *сахарок* и др., можно объяснить постоянным чувством голода, которые испытывали заключенные, однообразием лагерного рациона и отвратительным качеством лагерной пищи.

Идея уменьшительности часто воспринимается как связанная с детскими представлениями, равно как и с представлениями о ребенке. Для ряда диминутивных производных характерны дополнительные значения «обращенный к ребенку», «принадлежащий ребенку», «имеющий отношение к ребенку», «связанный с детством»: – ... что же ты, *Тёмонька*, в самый трудный час злобишься? Может твоя доброта и спасла бы и тебя, и слабых духом приободрила бы?» [2: 539]; – В детстве играешь в *песочке*, а сам размышляешь: вот идет тетя, смотрит на меня и думает: – Какой хороший мальчик! [2: 518]. Показательно в этом отношении использование диминутивов в словах владычки, обращенных к лагерникам на Секирке: – Помолюсь за вас, *деточки*. ... А

проснетесь, и *солнышко* выйдет, и господь снова всех приголубит [2: 517]. Употребление такого рода диминутивов свидетельствует о человеколюбии, о гуманном отношении отца Иоанна к лагерникам, о его отношении к ним как к детям, как к существам еще не вполне разумным, которых необходимо наставлять на путь истинный. Оно проявляется в частности и в использовании диминутива *сердечко*: – Артему казалось, что владычка целую ночь слушает сердце каждого, кто рядом. – пересчитывая, как цыплят, людей в штабеле: вот одно *сердечко*, вот пятое, вот седьмое, вот десятое – все торопятся, бегут, не отставайте, милые [2: 517]. Использование диминутивных суффиксов в приведенных существительных (*солнышко*, *сердечко*, *деточки*) свидетельствует не столько об уменьшении размеров называемых ими предметов, сколько о добром, гуманном отношении говорящего к окружающему его миру, и особенно к тем, к кому обращены его слова. А доброта, по словам владычки Иоанна, адресованным Артему, может спасти его и всех слабых духом приободрить.

Употребление тех или иных диминутивов является отличительной чертой речи различных персонажей романа, а частое их использование может быть возведено в ранг характерологической речевой особенности отдельного персонажа, которая позволяет понять его сущность, характер, предопределить отношение к нему читателя. Так, речь батюшки-побирушки характеризуется заискивающе-просительными интонациями и изобилует диминутивами: – Не осталось с обеда хвостика селедочного? Очистков от картошечки может? [2: 156]; – А сахарочку? ... Сахарочку бы тоже? [2: 184]; – Была бы свинка – будет и щетинка [2: 157] Справедливости ради следует заметить, что в некоторых из приведенных случаев диминутивы имеют также и количественную характеристику и обозначают уменьшенное количество того, что обозначено существительным, т.е. в их значениях присутствует семантический компонент «немного, чуть-чуть».

Диминутивы в речи блатного, с которым Артем познакомился в лазарете, свидетельствуют не только об ограниченности его нового знакомого, бедности речи Жабры, но и о его неуверенности в своих словах: и тогда, когда он предлагает Артему сыграть в карты, зная, какое суровое наказание может последовать за этим (– А в *картишки*?» [2: 154]), и тогда, когда обещает ему встречу с бабой из бабьего лазарета, которую, по его словам, может устроить местный *монашек* [2, с.154].

Именование олененка *олешкой* – это свидетельство человечности, которая сохранилась в людях в тех бесчеловечных условиях, в которых они оказались в лагере: – Артем увидел олененка – захотел погреться о ласковое пахучее тепло. Так получилось, что он направился к *олешке* одновременно с женщиной, не замечая ее [2, с. 128].

Отца Иоанна в романе именуют *владычкой*. Формально это суффиксальное производное, образованное при помощи суффикса -к-, от существительного *владыка*, семантическая структура которого, по данным толковых словарей, включает в себя два значения: 1. Высок. Повелитель, властелин. 2. Почтительное именование архиерея, митрополита [6]. Можно ли добавлением диминутивного суффикса «уменьшить» владыку до владычки? Насколько логически обоснованно рассматриваемое диминутивное образование? По-видимому, это тот самый случай, когда и не следует искать никакого логического обоснования, а присоединение диминутивного суффикса к производящему лишь придает значению нового слова экспрессивную и оценочную окраску. Впервые услышав слово *владычка* (Василий Петрович, говоря об отце Иоанне, назвал его владычкой), «Артем успел подумать, какое хорошее слово – «владычка» ...» [2: 43]. Очевидно, что диминутив в данном случае следует рассматривать лишь как прием, который позволяет обозначить положительное отношение многих людей (Василия Петровича, Артема, других лагерников, автора романа, читателя) к обозначаемому этим диминутивом человеку, несущему в себе свет, добро, терпимость, веру в Бога и человека. Отношение Артема к отцу Иоанну формируется постепенно: настороженность и недоверие сменяются потребностью в общении, а однажды он признается

себе в том, что обожает этого человека и думает о нем «с таким невероятным чувством, с каким никогда ни об одном мужчине, кроме отца, не думал» [2: 518].

Значение уменьшительности, безусловно, является определяющим при именовании *мужичком* одного из лагерников, имени которого сначала никто не знал (усиление диминутивного значения субстантива *мужичок* достигается использованием при нем прилагательного *мелкий* в словосочетании *мелкий мужичок*): – Есть два золотых дня – вчера и завтра, – приговаривал мелкий, метра в полтора *мужичок*, стоявший возле Артема [2: 69]; – Мелкий *мужичок* прошелся туда и сюда вдоль берега, все повторяя: «Была бы спина – найдется и вина!» – а потом тоже шагнул в воду [2: 71]. Однако по мере развития сюжета на значение уменьшительности наслаиваются и оценочные значения, а само диминутивное образование приобретает такие смысловые оттенки, которые отражают жалость, презрение, пренебрежение, выражаемые окружающими по отношению к данному персонажу. Вспомним сцену, когда лагерники, отправленные в наряд на баланы, входят в воду: Моисей Соломонович «шел и шел по воде, и ему все было мелко; а мужичок, едва ступил, сразу как-то потерялся до подбородка и только вздыхал теперь: «Боже ты мой! Спаси, Господи!» Сделал еще шаг – и едва не пропал вовсе» [2: 71]. Мелкому мужичку из-за его малого роста и физической немощи работа на баланах была не по силам: «Сердце в горле торчит! Умру ведь! – умолял он десятника освободить его от работы [2: 76]. Артем пытался заступиться за мужичка, но десятник вместо работы придумал для него унижительное занятие – встать на пенек и две тысячи раз прокричать «Я филон! Я филон! Я паразит советской власти!» [2: 76], лишил его обеда, потом заставил его, покалеченного, с поломанной ногой, тащить огромный пень. Когда автор описывает заключение мелкого мужичка в лазарет, где ему ампутировали ногу, он называет его уже по имени – Филипп, иногда заменяя его диминутивом *Филиппок*. Понятно, что отношение к нему окружающих не изменилось: для них он по-прежнему жалкий мелкий мужичок, юродивый Филипп, Филиппок, за которого впрочем заступает отец Иоанн, он же просит Артема не обижать его.

Итак, в описанных выше случаях имеет место речевая номинация, основной задачей которой является не обозначение фрагмента внеязыковой действительности (он уже означен соответствующей лексической единицей при первичном именовании), а представление этого фрагмента под определенным углом зрения, в нужном продуценту речи ракурсе.

Иллюстрацией мысли о том, что слова служат языковой репрезентацией отдельных составляющих каких-либо целостных событий, становятся их номинантами, является использование в речи прадедом автора романа прилагательного *ненаряженный*. Прадед в шутку, даже с одобрением назвал Захара, лежащего с книжкой, *ненаряженным*: О, лежит ненаряженный ... [2: 11]. Очевидно, что формально и семантически слово *ненаряженный* восходит к существительному *наряд* и глаголу *нарядить*, т. е. «дать распоряжение исполнить какую-н. работу» [6]. Если следовать логике толкования, то это значит, что *ненаряженный* – это человек, не имеющий наряда, т. е. «распоряжения о выполнении какой-нибудь работы». Однако в представлении прадеда, бывшего заключенного, – это скорее такой человек, которому удалось избежать наряда на тяжелые работы (тайная мечта всех лагерников). Отсюда – и его одобрение «ничего неделания» правнука, которое он мог себе позволить и за что ему в шутку пенял прадед, хорошо помнивший совсем другие времена и наряды на изнурительные работы, например, на баланы. Слово *наряд* в восприятии бывших заключенных имеет шлейф отрицательных коннотаций, которые по понятным причинам не фиксируются ни толковыми, ни даже энциклопедическими словарями. Непредикативное атрибутивное словосочетание *ненаряженный некто*, равно как и предикативная структура *О, лежит ненаряженный* являются языковой репрезентацией целостной ситуации и относятся к области событийной номинации.

Итак, проведенный анализ языка художественного произведения, выполненный на материале романа Захара Прилепина «Обитель», позволяет сделать следующие выводы:

1) слова, извлеченные из художественного текста, могут (и должны) рассматриваться не только как языковые единицы, обладающие определенными лексико-грамматическими признаками, но и как факт речи, т.е. живого языка, который имеет непосредственное отношение к его носителю – к человеку, причем не к абстрактной языковой личности, а человеку, находящемуся в определенной точке временного и пространственного континуума, занимающему определенную нишу в социальном и историческом континууме;

2) художественный текст, представляющий собой речевую «продукцию» автора произведения, его персонажей, отчасти и самих читателей, позволяет говорить о языке в контексте его деятельностной сущности и рассматривать его как феномен, характеризующийся индивидуальностью и субъективностью, изменчивостью и активностью.

Ссылки на источники

1. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – С. 259
2. Прилепин Захар. Обитель: роман / Захар Прилепин. – М.: АСТ, 2015. – 746 с.
3. Лозовой А.Ю., Названова И.А. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – №10. – С. 27.
4. Баркова Т.П. Жизнь слова в языке и в художественном тексте (на материале романа Захара Прилепина «Обитель») // Трансформация концептосферы духовной лексики в новейшей русской литературе (на материале прозы Захара Прилепина): монография / под ред. С.А. Ильиной, О.В. Максимовай. – Тамбов. Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017. – С. 18-35.
5. Русская грамматика. Том 1. – Москва: Издательство «Наука», 1980. – С. 208.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред.
7. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. К – О. 1982. – 736 с.

Tatiana Barkova,

Senior Teacher at the chair of Russian Philology, Tambov State Technical University,
Tambov barkova06@mail.ru

The producing essence of language and literary text (Based on a novel «The Abode», Zakhar Prilepin)

Annotation. The author of the article is bringing attention to the question about a capability of literary text to explicate potential opportunities of the various Linguistics elements and mechanisms. The process of explication in the aspect of a producing essence of language is being considering (naming, renaming, diminutives), research is basing on a novel «The Abode», Zakhar Prilepin.

Key words: Language, enunciation, language behaviour, literary text, elements and mechanisms of linguistics, nomination, different types of nomination, renaming, diminutive.

Жукова Татьяна Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший педагог кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО «ТГТУ», г. Тамбов
tatianakorall@mail.ru

Философская концепция истории в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (к 190-летию писателя)

Аннотация. В статье определяется философская концепция историзма Л. Н. Толстого в романе «Война и мир» на основе структурного анализа романа, обосновываются «сцепки» разных начал и линий романа.

Ключевые слова: концепция, концептуальность, история искусства, эпические произведения, историзм, фатализм, историческая необходимость, художественный прием, структурный анализ, жанровые особенности.

Роман «Война и мир» - это монументальное произведение, и оно не могло не возникнуть, ибо Лев Николаевич Толстой был монументалистом. По словам М. Горького, Толстой рассказал о жизни столько, сколько почти вся наша русская литература [1].

Все, что было до «Войны и мира», - это написание монументальных эпических произведений. Замысел исторического произведения угадывался в самой эпохе: 1861 – 1863 годы – послереформенное время, когда исторические эпохи более актуальны, чем современные вопросы, ибо история становится «подмостками», с которых лучше подметить настоящее. Толстой обращается к истории еще и потому, что обнаруживает «внешние толчки»: всплеск науки, выход исторических произведений В. Соловьева, Н. Костомарова; смерть Николая I (возможность «заглянуть» в 1825 год – время «декабризма»), с другой стороны – возвращение декабристов из Сибири, обращение к истокам декабризма (1812 год – воспоминание о Наполеоне, войне с французами, о Крымской войне). Толстой ставит задачу рассказать об Аустерлице и возвращается к эпохе 1805 года. Факт возвращения Лабазова из Сибири является пророчеством эпилога. Таким образом Толстой намечает «исторические рамки» романа.

От современников Толстого до настоящего времени понимание исследователями жанровой природы романа весьма неоднозначно. Читателя увлекает семейный роман, который с вводом описания исторических сцен превращается в эпопею. На эту особенность указывал Г.Д. Гачев [2] Однако структура романа мало похожа на классический роман с четкой структуризацией кульминации, развязки и т.д. Исторические сцены, изображение исторических событий (Аустерлицкого, Шенграбенского сражений 1805 – 1807 годов и войны 1812 года, Бородинского сражения) дают основания определить жанр романа как роман исторический. Однако некоторые современники, например, И.С. Тургенев, у которого к тому времени с Толстым отношения «весьма прохладны», не находил «исторических красок» и восторгался более бытовыми сценами. Почему современники не ощущали историзма романа?

Для понимания специфики историзма толстовского романа существенное значение имеет толкование проблем истории самим Л.Н. Толстым. В этой связи значима статья Л.Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» [3]. В этой статье писатель обосновывает новый принцип изображения истории – «история-искусство». Толстой воспринимал свою «историю-искусство» как отрицание того, что называют «ученая история» - это труды по историографии, это объективный и беспристрастный подход к прошлому, и самое прошлое воспринимается через события, деяния, через изображение исторических лиц, государственных наставников, через описание битв и сражений.

Толстой противопоставляет «ученую», официальную историю истории искусства. Главное ее преимущество – это широта объекта рассмотрения. Объект истории искусства – это «жизнь всей Европы и описание месяца жизни одного мужика». В статье Толстой декларирует принципы подхода к изображению истории, которые впервые он выдвинул в рассказе «Люцерн» (1857 г.). по Толстому, история должна говорить не о деяниях, не о подвигах, а о людях, об их делах каждодневных, и таким образом, предмет истории – человек, его повседневная жизнь. Задача историка состоит в том, чтобы ответить на вопрос: «Счастлив ли человек? Как ему живется?» [4] История, по Толстому, погрузилась в каждодневное течение человеческой жизни. Это представление об истории отразилось в структуре романа.

Как уже отмечалось, современники определили толстовский роман с точки зрения жанра противоречиво: Страхов Н.Н. называет «Войну и мир» семейной хроникой и полной картиной того, что называется историей (в чем тоже есть противоречие). По Страхову, роман существует как история семейств и как картина самой истории. Тогда возникает вопрос: «Что же такое «Война и мир»?» [5] Современники Толстого уловили, что роман, казавшийся неожиданным и уникальным, основан на уже известных литературных принципах. Это заметил Страхов, который увидел в масштабах романа отражение

«Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Вопрос о связях «Капитанской дочки» и «Войны и мира» исследуется в книге А.В. Чичерина «Возникновение романов-эпопей» [6].

Связь историзма Толстого с историзмом Пушкина обнаруживается прежде всего в самом подходе к выбору материала, сюжета. Пушкинская концепция исторического романа – это концепция «исторической эпохи, развитой в вымышленном повествовании» [7]. Эти связи определяются сюжетными линиями: с одной стороны, семейные, с другой – исторические, где переплелись семейные традиции и история, ворвавшаяся в жизнь семьи. Эта связь обнаруживается в двух рядах героев: вымышленные персонажи и исторические лица (Екатерина II, Пугачев). То же самое и в «Войне и мире», где более пятисот героев, из них двести – исторические лица. Толстой объясняет выбор имен Курагиных, Трубецких, Болконских: они напоминают «привычные уху» аристократичные фамилии. Связь – это прежде всего сходство самого метода изображения истории. А.С. Пушкин в статье «О романах Вальтера Скотта» определяет такое отношение к истории как «домашнее» [8].

Способ изображения истории, по Толстому, имеет два ключа: 1) искать мысли в художественном произведении – «бессмыслица». Задача заключается в том, чтобы вести читателя в «бесконечном лабиринте сцеплений», в которых заключается сущность искусства. Задача критика – привести читателя к тем законам, которые служат основанием тех сцеплений [9].

2) в романе важно не разрешить вопросы, а полюбить жизнь («полюблять»). Толстой не ставил задачи поднять и решить глобальные вопросы; у него роль чисто человеческая - заставить людей плакать и смеяться.

Философская концепция «Войны и мира» «разлилась» по всему роману: она не вкрапливается в роман в виде рассуждений автора (или рассуждений Кутузова о войне) – она обнаруживается во всех сценах, пронизывает весь роман. С точки зрения Л.Н. Толстого, для понимания концепции романа одинаково важны Бородинское сражение и сцена охоты.

В 1873 году Л.Н. Толстой предпринял издание «Войны и мира», которое должно было понравиться читателям. Здесь писатель, идя навстречу пожеланиям современников, перенес все философские рассуждения в приложение к роману, многие из них вообще исключил, заставил тех героев, что говорили по-французски, говорить по-русски. Этот «эксперимент» показал, что исторические и философские рассуждения – это не «надстройка» к роману, это публицистика, но она не противоречит описательной части романа.

В структуре произведения эти рассуждения неоднозначны: их значительность и объем возрастают в третьем, четвертом томах и в эпилоге. С чем это связано? Увеличение «веса» рассуждений показывает, что они были подготовлены описательными картинами. Поэтому читатель должен воспринимать философские рассуждения как вывод, как теорию, определенные художественным анализом. Важно понять, что это рассуждения не политика, не полководца и даже не историка, а художника, который всем существом не принимал пафоса исторического описания.

Увидеть историю и философию в самых мелких проявлениях жизни человека, в «лабиринте сцеплений» - это значит увидеть механизм связи двух рядов событий, героев, увидеть, как в структуре толстовского романа соединены два начала: семейная хроника и исторический роман. Важно проследить жанровые особенности романа через анализ его структуры (метод Ю.М. Лотмана). Два начала, два жанра в структуре романа оказались предельно слитны. Эта слитность выражается в названии романа «Война и мир». Смысл романа в том, что в нем мир рождается из войны как новое состояние.

Анализируя структуру романа, можно проследить развитие тенденции приближения двух начал: событий семейных и исторических, героев вымышленных и исторических лиц. Они «переходят» друг в друга, и результат их смешения есть конечная цель романа – ощущение единства жизни: «движение народов приводит не власть, не умственная деятельность, а деятельность всех людей, принимавших участие в событиях» [10].

Художественно-формальным средством выражения сближения «двух рядов событий» в структуре романа становится сходство приемов изображения. Сцены военные и исторические одинаково построены, в их основе лежат приемы, обнаруживающие соединение двух начал. Толстой применяет характерный прием постоянного подчеркивания обычного, житейского в изображении исторических событий. Историческое событие воспринимается как событие каждодневное. Оно лишено атмосферы исключительности. Вспомним описание солдат перед началом Шенграбенского сражения: их лица спокойны. Война у Толстого утрачивает ощущение дела, она показана как «стоянка» на Родине.

Обычное же, каждодневное, напротив, Толстой изображает с оттенком исключительности, «торжественности» (в лице княжны Марьи во время похорон Болконского; в лице Наташи – подростка обнаруживается ощущение торжественности) [11]. Война, которая требовала бы торжественности (парадов, битв), изображена как обычное, а обыкновенная жизнь как торжественное.

Следующий прием в структуре сближения двух начал – прием разоблачения театральности поведения. Он равно действует применительно к историческим событиям и лицам (например, поведение Наполеона во время преподнесения ему его портрета, во время сражения) и к вымышленным лицам (например, сцена обращения князя Курагина к Элен). Театральность оказывается всеобщей. С другой стороны, Толстой показывает противоположенное чувство естественности поведения (описание смерти отца Пьера, который засыпает на диване; поведение Кутузова: он спит на советах).

Особенно отличительным в структуре романа является принцип повтора. Повтор обнаруживается в особой функции сравнений и метафор. Сравнение является отличительной изобразительной особенностью эпоса. У Толстого сравнения обширны: в момент, когда Москву покидают армия и жители, писатель уподобляет ее пчелиному улью. Любимые сравнения Толстого: сравнение с ульем, муравейником, рекой, водой.

В романе эти сравнения сближают два начала и выражают толстовскую концепцию единства жизни. Образ воды выполняет символическую функцию: вода – символ быстротечности, она лишена постоянства и конца. По Толстому, жизнь также бесконечна, текуча и изменяема. Писатель показывает форсирование реки русскими войсками в Австрии (в восприятии Несвитского), где движение воды «переходит» в движение армии. Вода «создает» ощущение жизни у Николая Ростова. И не случайно у Толстого вода – символ жизни, а люди, как реки, в которых течет разная вода.

Существенным приемом толстовского изображения является сравнение со стадом (например, описание французов, покидающих Москву: это стадо, во главе которого «баран») [12]. Это модель «толпа – герой», «общество – личность». В этом выражается полемический взгляд Толстого на личность Наполеона. Концепция изображения личности такова: это «баранам» кажется, что они личности (аналогия с портретом Наполеона). «Стадо» идет так потому, что его ведет «баран». Эти образы приложимы не только к французским, но и к русским сценам, например, приезд Багратиона в Москву.

Сравнения должны были сблизить ряды и выразить общий взгляд Толстого на жизнь и концепцию личности в истории.

Одним из главных сравнений в структуре романа является сравнение из области механики. Вспомним сцену начала вечера в салоне Анны Шерер: «Вечер был пущен...» [13]. На первый взгляд, автору важно было показать бессмысленность (механику), ритм светской жизни, которая исключала индивидуальное. Однако это же сравнение возникает применительно к Пьеру, когда он припоминает в Торжке всю историю с женой. Ему кажется, сломался какой-то винт [14]. Описывая Наполеона, Толстой сравнивает его с часами. Эти сравнения должны были «свести» ряды и показать неудержимость исторического движения: ломающиеся винты призваны передать стихию жизни и невозможность управлять ею.

Толстовская концепция жизни выражена в эпилоге. Мир предстает перед Толстым как средоточие молекул и атомов – это любимое выражение писателя. С точки

зрения Толстого, жизнь – это молекулы, распадающиеся на атомы (в этом смысле структура романа может быть раздроблена на атомы). «Каждый атом эфира есть шар» [15], и в этом смысле структура распадается на множество шаров разного размера и самостоятельности. Семья Ростовых, Болконские, семейство Курагиных, петербургский свет, армия, фронт, солдаты – все эти «атомы» изолированы, но внутри атомов существуют еще более мелкие: Наташа, Пьер, Андрей и др. Толстой показывает, что все эти атомы самостоятельны, но с другой стороны, тяготеют друг к другу. Эта тенденция к соприкосновению атомов объясняется в начале романа, в сцене «Вечер А.П. Шерер». Именно здесь мы находим зарождающееся будущее сближение начал Ростовых и Болконских, Пьера и Наташи.

Таким образом, мы можем говорить о романе «Война и мир» как о романе молекулярном. Самым любимым сравнением Толстого было сравнение «рой пчел», но именно в нем он находит атомы и молекулы.

По Толстому, все «атомы» сближаются в жизни в силу исторической необходимости. Это значит, что действие не может быть объяснено одной причиной, даже миллиардом причин. Особенно ярко это выражается во взглядах Толстого на исторические события. Писатель полемизирует с историками по поводу Бородинского сражения, опровергая их доводы о болезни Наполеона. Толстой убежден, что для совершения событий и действий нужны миллиарды причин, но ни одна из них «подлинной причиной не является» [16].

Подлинная же причина всего происходящего – это историческая необходимость. В эпилоге романа Наташа утрачивает все свои изящные краски: из разнообразия ее образ сведен к постоянству. Толстой строит это так, чтобы у читателя не возникало мысли: в превращении Наташи виновата она сама. Дело не в Наташе, а в исторической необходимости, выражающейся в том, что назначение жизни женщины – это семья.

Философия истории, по Толстому, выражается в законе исторической необходимости. Это всемогущий закон, который взрывает жизнь, меняет абсолютно все (вспомним суету во время приезда Анатоля Курагина: все испытывают ощущение вмешательства – и Болконский, и княжна Марья).

Концепция философии, по Толстому, противоречива. Это обнаруживается в теоретической части романа, в отступлениях. С одной стороны, по мнению писателя, всякий результат человеческой деятельности стихийен. Чем это объясняет Толстой? Он считает, что в совершении событий участвует множество волей, целей, интересов, и все они имеют разнонаправленный характер. Субъективно личность, стремясь к осуществлению своей цели, кажется себе свободной, человек считает, что событие совершается потому, что этого хочет он, значит, событие совершается целенаправленно. Однако в процессе осуществления события выясняется, что оно происходит при наталкивании его на другую волю. Событие требует коллектива участников, а не одного участника. Историческое же событие осуществляется при миллионах участников. «Движение народов производит не власть, не умственная деятельность ... но деятельность всех людей, принимающих участие в событии» [17].

Толстой считает, что зависимость события от разнонаправленных сил, воли делает личное участие человека в осуществлении события «нулевым», то есть событие происходит вне воли человека. Эта идея полно выражена в сцене изображения Бородинского сражения. Толстой обращается к огромному числу исторических фактов, его занимает то, как анализировали это сражение русские и французские историки. На первый взгляд, он строит описание как бы следуя историкам (дает чертежи и планы сражения). Однако смысл изображения Толстым заключается в доказательстве ложности описаний историков. В процессе описания сражения Толстой, ссылаясь на историков, называет массу планов проведения сражения с обеих сторон, но показывает, что сражение не могло происходить ни по одному плану: «было продолжавшееся убийство, которое ни к чему не могло привести ни русских, ни французов» [18].

По Толстому, Бородинское сражение или любое другое историческое или личное событие происходит «нечаянно» или благодаря «нечаянности» происходящего: «столкновение миллионов при столкновении случайностей». Это значило, что событие совершается само, по случайности, и исторические личности (Кутузов, Наполеон) тоже поступали случайно, и только потом историки приписали им их заслуги.

Таким образом, читатель оказывается перед вопросом: если всякое событие случайно, то не случайна ли победа русской армии? И тут возникает другая сторона толстовской концепции истории, которая противоречит первой. По Толстому, случайности только кажутся случайными по отношению к планам и целям определенных лиц. На самом деле, случайность есть проявление общих законов.

Общий закон, согласно Толстому, выражается в существовании некой сверхличной всеобщей воли – провидения как выражения мировой судьбы. «Почему происходит война или революция? Мы не знаем; мы знаем только, что для совершения того или иного действия люди складываются в известные соединения и участвуют все; и мы говорим, что это так есть, потому что нелегко иначе, что это закон» [19]. По Толстому, высшие цели недоступны людям и всегда поглощаются личными. Процесс же исторический, по мнению писателя, определяют высшие цели, судьба, провидение, именно они определяют «неизбежность хода истории»: «никто не может сказать, насколько дано человеку достигнуть понимания законов истории» [20]. Этот тезис дает основание для разговора о фатализме Толстого. Он правомерен в том смысле, что события в частной и исторической жизни предрешены и осуществляются не по воле людей. Концепция истории Толстого противоречива, так как источник событий, исторический результат Толстой определяет, с одной стороны, стихийной случайностью, а с другой – фатальной объективностью.

Концепция истории определяет и взгляд писателя на роль личности в истории. Обычно считают, что Толстой отрицает всякое влияние личности на ход истории. На наш взгляд, писатель отрицает не роль личности в истории, а попытку личности вмешаться в событие, игнорировать закон исторической необходимости. Толстой осуждает личный произвол, ход субъективных вмешательств.

По Толстому, сила Кутузова как личности заключается в том, что он «ничему не помешает», он не вторгается в объективный ход событий, в ход провидения. Для Кутузова важно лишь «терпение и время» [21], «и вместо ума [в нем] одна способность спокойного созерцания хода событий, тем более он был спокоен за то, что все будет так, как должно быть» [22].

Кутузов должен был «уловить» всенародный дух армии, который основывался на общей воле, а общая воля проявлялась в поведении людей: «чудесный, бесподобный народ!» [23]. Величие Кутузова Толстой объясняет тем, что тот обладал качествами всенародного «духа»: «простота, добро и правда», - присущими общей воле русского народа. Трагедия же Наполеона в том, что он нарушил общий ход событий: «Наполеону казалось только, что все дело происходит по его воле» [24].

Согласно Толстому, развитие истории – это развитие, которое определяется исторической необходимостью. Толстовская концепция истории четко выражается в самом названии романа - «Война и мир». По Толстому, это сближение военных и мирных сцен – сближение философское, ибо частные и исторические события развиваются по одному закону – закону исторической необходимости. Классическим примером такого сближения являются сцена охоты, которая изображается как война, и Шенграбенское сражение, которое изображается как охота.

Мотив охоты – главный мотив изображения Толстым войны. Писатель осуждает войну как травлю, как смерть. Именно поэтому в эпилоге Толстой большое внимание уделяет проблеме единения людей («притяжение атомов»), и чем больше счастливых семей, тем счастливее само общество.

Диалектический подход к истории, к философии жизни, к внутреннему миру человека – это величайшее открытие Толстого. Его пацифистские идеи объясняются великой и вместе с тем простой идеей – идеей всеобщего единения людей, «муравейных братьев». По Толстому, в мире, в котором многое предопределено, жизнь совершается по законам метафизики, астрономии и диалектики: «Как в астрономии ... мы не чувствуем движения земли, но, допустив ее неподвижность, мы приходим к бессмыслице; допустив же движение, которого мы не чувствуем, мы приходим к законам ... так и в истории ... мы не чувствуем нашей зависимости, но, допустив нашу свободу, мы приходим к бессмыслице; допустив же свою зависимость от внешнего мира, времени и причин, приходим к законам. ... надо признать неощущаемое нами движение ... точно так же необходимо отказаться от несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость» [25].

Таким образом, философская концепция жизни и истории строится Толстым на всеобщих законах физики, астрономии и философии. По Толстому, как земная жизнь подчиняется законам вселенского божества, так и жизнь человеческая зависима от общих законов бытия, где всему есть время: время войне и время миру.

Ссылки на источники:

1. Письмо М. Горького к неуставленному лицу о Толстом и Достоевском - Lib.ru/Классика - URL: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/text_1913_anon.shtml
2. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. – М.: Просвещение, 1968.
3. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Избранные сочинения. Т 3. – М. Изд-во Худож. лит-ра, 1988. С. 642 – 650.
4. Там же.
5. Страхов Н.Н. О жанровой особенности романа «Война и мир» // Портал «Литература и жизнь» [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/tolstoy/strahov_voyna_1-4.html
6. Чичерин Возникновение романа-эпопеи. М., Изд-во Худож. лит-ра, 1975.
7. Там же.
8. Пушкин А.С. О романах Вальтера Скотта – Сайт Александр Сергеевич Пушкин - URL: <http://www.as-pushkin.net/pushkin/text/articles/article-144.htm>
9. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Избранные сочинения. Т 3. – М. Изд-во Худож. лит-ра, 1988. С. 642 – 650.
10. Толстой Л.Н. Избранные сочинения. Т 3. – М. Изд-во Худож. лит-ра, 1988. С. 624.
11. Там же, с. 571.
12. Там же, с. 425.
13. Там же, с. 315.
14. Там же, с. 250.
15. Там же, с. 517.
16. Там же, с. 624.
17. Там же, с. 214.
18. Там же, с. 624.
19. Там же, с. 234.
20. Там же, с. 151.
21. Там же, с. 152.
22. Там же, с. 174.
23. Там же, с. 194.
24. Там же, с. 641.
25. Там же, с. 637.

Zhukova Tatyana Evgenyevna

Candidate of Philology, associate professor, senior teacher of Russian Philology department FGBOOU WAUGH of "TGTU", Tambov
tatianakorall@mail.ru

The philosophical concept of history in the novel by L.N. Tolstoy "War and peace" (to the 190 anniversary of the writer)

Summary: In article the philosophical concept of historicism of L.N. Tolstoy in the novel "War and peace" on the basis of the structural analysis of the novel is defined, "hitches" of the different beginnings and lines of the novel are proved.

Keywords: concept, conceptuality, art history, epic works, historicism, fatalism, historical need, artistic touch, structural analysis, genre features.

Иванова Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук, ст. пед. доп. обр., кафедры «Русская филология»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов
Iveera1@yandex.ru

Концепт «любовь» в романе З. Прилепина «Обитель»

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа концепта любовь в романе З. Прилепина «Обитель». Основное внимание уделяется собственно лексеме любовь и глаголу любить, анализируется ядро и способы реализации данного концепта в указанном литературном произведении.

Ключевые слова: З. Прилепин «Обитель», концепт, ядро концепта, реализация концепта «любовь»

Роман З. Прилепина «Обитель» [1] был признан одним из лучших образцов новейшей русской прозы и вызвал неподдельный интерес у исследователей. Так, в 2017 г. в свет вышла коллективная монография «Трансформация концептосферы духовной лексики в новейшей русской литературе (на материале прозы Захара Прилепина), [2], в которой предпринята попытка с различных сторон исследовать художественные связи между концептами, обнаруживающимися в категориях и формах русского языка и выражающими различные качества русского национального характера. Концепт «любовь», которому посвящена данная статья, несомненно, является одним из основополагающих концептов духовной сферы языковой картины мира как в мировой, так и в русской литературе.

Анализируя концепт «любовь» в романе З. Прилепина «Обитель» вначале следует рассмотреть значение данной лексемы в русской языковой картине мира.

Под языковой картиной мира, мы, как и О. А. Корнилов, понимаем «универсальное глобальное знание», являющееся результатом работы коллективного сознания, зафиксированного в лексическом и фразеологическом составе языка [3:4]. Такой подход подразумевает, что «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающих данный вид сознания», это позволяет говорить о множественности языковых картин мира [Там же], в том числе и о картине мира художественного произведения.

На наш взгляд, в различных словарях наиболее наглядно представлена «универсальная» языковая картина мира, под которой следует понимать «образ действительности, сложившийся в коллективном сознании того или иного народа» [4: 160].

В европейской культуре на формирование понятия любви и отношение к ней, к ее различным видам проявлениям оказали большое влияние древнегреческая философия и христианское мировоззрение.

Философский словарь утверждает, что любовь – это «глубинное экзистенциальное переживание. Общепринятого определения любви не существует. Слово «любовь» используется для описания различных взаимоотношений человека как с одушевленными, так и с неодушевленными объектами». [5: 301]

Согласно Библейской энциклопедии «... в заповедях заключаются два вида любви, то есть любовь к Богу и любовь к ближнему. ... Ближними нашими должно почитать всех, потому что все - создания единого Бога и произошли от одного человека. Но те, которые одной веры с нами должны быть особенно близки нам, как дети одного Отца небесного по вере Иисуса Христа. Любовь к себе самому свойственна всякому по закону естественному. Но любить себя должно только для бога, и частью для ближних; любить ближних должно для Бога, а любить Бога должно для него самого и больше всего. Любовь к себе должно приносить в жертву любви к ближним; а любовь к себе и ближним должно приносить в жертву любви к Богу». [6: 441]

Любовь – состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделение; охота, расположение к чему. [7: 282]

Любовь 1. Чувство самоотверженной сердечной привязанности. 2. Склонность пристрастие к чему-нибудь. [8: 286]

Любовь – состояние по глаголу любить. 1. Чувство глубокой привязанности к кому-чему-либо. 2. Чувство сердечной склонности к лицу другого пола. 3. Интерес, тяготение к чему-либо. – [9: 450]

Любовь - производное от глагола любить: 1. Чувствовать глубокую привязанность, быть преданным. 2. Чувствовать сердечную склонность влечение к лицу другого пола. 3. Испытывать чувство расположения, симпатии. 4. Чувствовать склонность, интерес, тяготение к кому-чему-либо, испытывать удовольствие от восприятия кого-чего-либо. 5. О пище: отдавать предпочтение чему-либо. 6. Нуждаться в определенных условиях. [10: 429]

Как видим, в лингвистических словарях в качестве первого значения лексемы дается «чувство самоотверженной или глубокой сердечной привязанности», «сердечная склонность к лицу противоположного пола», если оно приведено занимает второе место, далее в различных последовательных вариациях идут такие значения как интерес, тяготение, расположение, симпатия, предпочтение. Иллюстрируя лексему «любовь» примерами авторы словарных статей для первого значения приводят материнскую любовь и любовь к родине, а для второго приводятся такие определения как счастливая, с первого взгляда, безответная, взаимная и др.

В «Словаре русской ментальности» любовь объясняется как «межличностное духовное отношение как проявление личного чувства и душевного согласия между людьми, как социальный долг человека и нравственное требование совести, и как благодать, ниспосланная человеку выше – в образе страстной жажды, окрыленной надеждой. По мнению авторов словаря, основным содержанием любви в русском менталитете является «преодоление границ собственного «я», победа над естественным эгоизмом, бескорыстное стремление принести благо ближнему; величайшая жертва (отказ от личных интересов и страстей) оборачивается наивысшим блаженством». [11: 421]

По мнению Ю. Степанова, «в зеркале языка «Любовь» представлена как результат «попеременной инициативы», «круговорота общения» «себя» с «другим» [12: 421] Исследователь детально анализирует развитие и функционирование данного концепта в мировой культуре и приходит к выводу, что в русской культуре концепт «любовь» понятийно не развит или целомудренно не обсуждается» [12: 438]

И именно с «неразвитостью» концепта любовь с его «целомудренным необсуждением» мы сталкиваемся на страницах романа, что, на первый взгляд, нелогично для произведения, в котором основной сюжетной линией является история взаимоотношений Артема и Галины Кучеренко. Именно поэтому, мы начнем анализ данного концепта со второго лексического значения слова «любовь» - сердечная привязанность, склонность к лицу противоположного пола.

Собственно лексема «любовь» встречается в тексте романа всего семь раз. Впервые Галина произносит это слово во время свидания с Артемом в сторожке, когда читает ему любовные послания заключенных: *«Пойду к лепкому, и ты приходи. Без тебя таю как конфетка. Остаюсь до гроба твоя верная». А? Вот это любовь». [1: 347]* В ее словах чувствуется зависть к той женщине, которая не смотря на лагерные запреты назначает свидание возлюбленному. Дальнейшие примеры функционирования лексемы в тексте не раскрывают ни сути понятия и тех чувств, которые испытывают герои. Идет осмысление этого чувства, «примеривание» его к себе, своему жизненному опыту. *«Или как в моём случае называется то чувство, которое у людей зовётся «любовью»?..» [1: 602]* *«Пусть это будет не любовь (разве у меня только любовь?), пусть*

это будет что угодно, даже и ненависть». [1: 707] *«Пыталась поступить в университет на естественное отделение, голодала, была первая любовь, теперь её почти не помню, поймала себя на мысли, что не вспоминала целый год, надо же. А такая была любовь»*. [1: 711] *«Любовь внутри скобок, а смерть – за скобкой»* [1: 719]

Значительно чаще, около пятидесяти раз, встречается глагол любить в различных видо-временных формах. Если распределить эти глаголы по группам согласно их лексическим значениям, приведенным в Комплексном словаре русского языка [10], то мы увидим, что самой многочисленной группой являются слова, которые указывают на чувство склонности, интереса, тяготения к кому-чему-либо, удовольствие от восприятия кого-чего-либо. Таких примеров в тексте 17, два из них с отрицательной частицей *не*. Например, *успел полюбить монологи, любил стихи, любил кормить свою собаку, начальник любит флору и фауну, петь любит, любил этот запах, купаться не любил, слово, которое вообще не очень любил и др.* На втором месте по частотности (15) находятся слова, обозначающие чувство расположения и симпатии. В этой группе больше всего глаголов с отрицанием (10), указывающих на отсутствие данного чувства. Например, *«И я сразу готов всё простить ему. И даже полюбить его!», «Я любил тебя за то, что ты был самый независимый из всех нас...», «...подогнал блатных, которых не любил особенно и злобно...», «...сосланных сюда батюшек, ... монахи не любили» и др.* Третье место (9) занимают слова, которые говорят о сердечной склонности, влечении к лицу противоположного пола. Из девяти два указывают на отсутствие данного чувства. Например, *«По-моему, ты просто любишь его, – подумал Артём», «...неподалёку от сумасшедшей женщины, которую полюбил – ведь полюбил же?...», «Ты любишь меня? – спросила она», «Хочу влюбиться», «Я сразу почувствовала: этого могу полюбить и хочу полюбить», «Вдруг он сказал– Я люблю тебя», «Может быть, я правда её люблю? Люблю?», «...он не любит меня...», «...Галя, я тебя не люблю...»* По три примера мы находим на употребление глагола в первом - чувствовать глубокую привязанность, быть преданным, и в пятом – отдавать предпочтение какой-либо пище, лексическом значении: *«Неужели его кто-нибудь может любить? Мать? Жена? Дети? Бог, наконец?», «Как же люди могут полюбить Бога,...», «...я начинаю больше любить нашу революцию...», «!...он, знаете, любил сырые яйца почему-то...», «...батюшка любил сахарок...», «Артём не любил мёд – все любили, а он нет....»*. И два примера мы находим на шестое лексическое значение – нуждаться в определенных условиях, но опять же один из них используется с частицей *не*: *«...фуражку, которую носить не любил и часто снимал...» «...в первое своё явление зима любит тишину...»*.

Как видим, статистический анализ употребления в тексте лексем *любовь* и *любить* показывает, что в романе «Обитель» любовь, которую можно выразить словами, - это, прежде всего, чувство склонности, интереса, тяготения к кому-чему-либо, удовольствие от восприятия кого-чего-либо. А чувство глубокой привязанности, преданности или влечения к лицу противоположного пола в жестких условиях Обители словами не передается. Оно проявляется через поступки героев.

Как мы знаем, Галина любит Эйхманиса. Именно отчаяние отвергнутой женщины бросило ее в объятия к Артёму. Она любит Эйхманиса и, вступив с ним в незаконную, внебрачную связь, становится женщиной презираемой, потерявшей честь, так как в русском коллективном сознании, несмотря на все революционные изменения в идеологии, внебрачные отношения всегда осуждались: *«– А кто с ним был? – спросил Артём»*

– Это Галя, блядь Эйхманиса, вольнонаёмная, работает в ИСО – Информационно-следовательском отделе, ...» [1: 63] Начав встречаться с Артемом, Галина совершила еще и должностное преступление и может потерять свободу. В поисках любви эта женщина приносит себя в жертву и жестоко расплачивается за каждый свой поступок – *«неудачно жила с одним неудачным человеком»* [1: 722] и в результате не может иметь детей, Эйхманис оставил ее ради другой женщины, Артем, сначала из

страха и чувства самосохранения, затем из-за желания иметь нечто недоступное другим лагерникам был с ней. Вначале он ее боялся, старался угодить, не рассердить, затем хватался за нее как за спасительную соломинку, чтобы выжить. Он ее не любил, использовал, пока была возможность, как и другие мужчины в ее жизни. Галина, хоть и была сильной женщиной, искала в мужчине еще большей силы, а у Артема этой силы не было и не было никаких желаний, кроме как желания выжить. В результате связи с Артемом Галина лишается свободы, становится такой же заключенной, как и он. Отсутствие глубоких и искренних взаимных чувств у Галины и Артема особенно контрастно с теми чувствами, которые испытывает Мари – иностранка, встреченная ими на острове. Мари отчаянно пытается спасти своего мужчину.

Еще одна любовная пара в романе – это супруги Виоляр. Виоляр ждал, когда поведут женбарак, чтобы увидеть любимую. И в момент их «встречи» *«...женский строй, обычно матерящийся много хуже мужичья, при виде Виоляра стих – кажется, все знали, что у них свидание, и мешать не желали. Они даже чуть тише пошли – все, включая конвоиров»* [1: 378] Их супружеская любовь пользуется пониманием и уважением и у заключенных и у конвоиров. И жена Виоляра, грузинская княжна, тоже является жертвой. Очевидно, что брак с иностранцев в тех политических условиях являлся рискованным шагом с предсказуемыми последствиями, но она все же выходит за него замуж, жертвует своей свободой ради любви. И Виоляр принимает эту жертву, он не мог не предполагать, чем может закончиться для княжны эта связь и нее.

Еще один вид любви в романе – это материнская любовь. И авторы словарных статей, иллюстрируя примерами слово любовь в первом значении – чувство глубокой привязанности, преданности – дают словосочетание материнская любовь.

Елизавета Аверьяновна - мать Осипа Троянского - приезжает на Соловки, чтобы быть вместе с сыном, помогать ему, фактически добровольно вместе с ним находиться в заключении. И Осип, совершенно без зазрения совести, как должное, принимает эту жертву любящей его женщины. Ему даже не приходит в голову предложить матери еды, это делает Артем. Который гораздо человечнее. Артем по сравнению с Осипом намного теплее относится к своей матери. Он не хочет ее видеть, ему стыдно перед ней, он понимает, что ей здесь не место. А эгоизму и потребительскому отношению к матери Осипа нет границ.

Как противоположность «сыновьей любви» Осипа выступает «дочерняя любовь» девушки, которая вышла замуж за Эйхманиса, ради свободы своего отца. И эта, очевидно, юная и очень красивая девушка тоже приносит себя в жертву.

Как видим, у «любви» в романе женское лицо. И каждая любящая женщина приносит себя в жертву, ради любимого человека – любовника, мужа, сына, отца. Мужчины, принимая эти жертвы, зачастую не видят их, считают само собой разумеющимся. Таким образом, ядром концепта «любовь» в романе З. Прилепина «Обитель» является «самопожертвование», что приближает понимание этого концепта к библейскому пониманию любви, согласно которому «...Любовь к себе должно приносить в жертву любви к ближним...».

Ссылки на источники

1. Прилепин З. Обитель : роман. М. : АСТ : 2015. – 746 с.
2. Трансформация Концептосферы духовной лексики в новейшей русской литературе (на материале прозы Захара Прилепина): монография / Под. ред. С.А. Ильиной, О.В. Максимовой. – Тамбов. Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2017, 195 с. <http://www.tstu.ru/r.php?r=obuch.book.elib1&id=5&year=2017>
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Иванова И. С. «Человек», «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира как части картины мира // Современная филология: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 159-162., с.
5. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 201. – 719 с.
6. Библийская энциклопедия. – М.: Терра, 1990. – 902 с.

7. Даль. В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. – Т.2., 779 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю. Шведовой М.: Рус.яз., 1986. – 797 с.
9. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. И.А. Ширшов. – М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во «Русские словари»: 2004 . – 1022 с.
10. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов и др. - М.: Рус. яз. – Медиа, 2005 – XVI? 1228 с.
11. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2-х т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 592 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Ivanova Irina Sergeevna

Ph. D. in Philology, Senior teacher of supplementary education of Russian Philology Tambov State Technical University

Iveera1@yandex.ru

Concept "love" in the novel by Z. Prilepin "Monastery"

Abstract: In article an attempt of the analysis of a concept love in the novel by Z. Prilepin "Monastery" is made. The main attention is paid actually to a lexeme love and to a verb to love, the kernel and ways of realization of this concept in the specified literary work is analyzed.

Key words: Z. Prilepin "Monastery", concept, concept kernel, realization of a concept "love"

Игумнова Елена Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», г. Астрахань

igumnova01@rambler.ru

Специфика функционирования имени собственного в современной региональной литературе (на материале произведений Ю. Селенского)

Аннотация. *Статья посвящена анализу особенностей функционирования имен собственных в структуре литературно-художественного текста. Особое внимание уделяется региональному компоненту ономастического писателя.*

Ключевые слова: *ономастикон, имя собственное, языковая картина мира.*

В современной лингвистике все чаще появляются работы, в которых исследователи обращаются к изучению и анализу ономастического пространства того или иного писателя. Это связано с тем, что имена собственные составляют особую область художественного пространства литературного произведения, в которой вступают в наиболее тесное взаимодействие языковые и внеязыковые факторы. Лингвистическая роль имен собственных заключается в том, что языковые формы, ушедшие из языка, функционируют наравне с новыми явлениями в развитии языка, оказывая при этом существенное влияние на общезыковую систему в целом.

Имена собственные в их совокупности создают ономастическое пространство текста, изучив которое, возможно раскрыть связи и отношения, возникающие между разными героями произведения, в их движении, выявить особенности художественного мира произведения.

Закономерным является то, что анализ языка литературного произведения невозможен без особого изучения имен собственных, вплетенных в канву художественного текста. Исследование функций имен собственных в тексте литературного произведения является значимым и актуальным для современной лингвистики, что подтверждает большое количество работ, в которых проводят изучение структурной организации ономастического пространства художественного произведения, стилистических функций имен собственных, их взаимосвязей, соответствующих воплощению конкретного художественного образа, авторской позиции, замысла произведения.

В работах, касающихся изучения языковых особенностей литературного произведения, говорится о невероятных экспрессивных возможностях имен собственных в

тексте. Имя собственное, будь то антропоним или топоним, принимает прямое участие в создании образов персонажей художественного произведения, выявлении их основных тем и мотивов, формировании пространственно-временных отношений, включает в себе как фактическую, так и скрытую информацию, помогает в раскрытии идейного содержания произведения, зачастую выявляя его тайные смыслы.

Так, Н.А. Николина пишет о том, что «входя в художественный текст семантически недостаточным имя собственное выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений. Во-первых, имя собственное указывает на социальный статус персонажа, его национальную принадлежность и, кроме того, обладает определенным историко-культурным ореолом; во-вторых, в выборе того или иного имени персонажа, в учете его этимологии всегда проявляется авторская модальность; в-третьих, имена персонажей могут предопределять формы их поведения в тексте; в-четвертых, характер употребления антропонима в тексте отражает определенную точку зрения (повествователя или другого персонажа) и служит ее сигналом, а смена имени героя обычно связана с развитием сюжета; в тексте, наконец, могут актуализироваться символические смыслы антропонима и отдельных компонентов имени или фамилии» [1:198].

Современные исследователи ономастикона выделяют такие основные функции имен собственных в художественном произведении как «номинативную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символическую» [2].

В нашей работе мы обратимся к классификации имен собственных, которую разработал немецкий литературовед Дитер Лампинг [3]. Как отмечает Н.В. Васильева, «в качестве одной из предпосылок для своего исследования Лампинг называет следующую: классификация функций собственных имен должна учитывать три аспекта повествования: эстетический, «технический» и тематический. Под техническим аспектом Лампинг подразумевает различные нарративные стратегии, с помощью которых достигается эффект новой реальности, при этом ключевая роль принадлежит образу автор. Под эстетическим аспектом имеется в виду возможность вызвать в читателе эстетическое переживание; под тематическим – способность нарратива быть носителем определенного содержания и идей. Популярности классификации Лампинга немало способствовала выбранная им терминология. Термины-названия функций, во-первых, однословны, во-вторых, построены по единой словообразовательной модели и как девербативы несут в себе элемент глагольной энергии» [4:131].

Классификация Лампинга включает в себя следующие элементы:

1. Идентификацию персонажа/места.
2. Создание и поддержание иллюзии подлинности мира повествования.
3. Характеризацию персонажа/места.
4. Выделение и группировку персонажей.
5. Перспективацию, то есть участие в создании перспективы повествования (точка зрения, типы речи).
6. Эстетическую функцию.
7. Функцию мифологизации.

Обратимся к художественному творчеству Юрия Васильевича Селенского [5], астраханского писателя и журналиста, и проанализируем специфику функционирования имен собственных в его произведениях с точки зрения приведенной выше классификации Д. Лампинга.

Функция распознавания (идентификации) является первичной для всех классов имен собственных. Давая конкретные, пусть даже самые распространенные, собственные имена персонажам, писатель неизбежно индивидуализирует их, а читатель закономерно идентифицирует художественный образ с тем или иным лицом.

Характерность имен собственных в литературном произведении заключается в том, что распознавание в художественном произведении происходит при помощи текстовых

средств, не допускающих возможность визуализации. Для литературных имен идентификаторами могут являться слова, находящиеся справа или слева от имени собственного, благодаря которым читатель воспринимает образ персонажа. Подобными идентификаторами для героев литературного произведения чаще всего служат обозначения:

1) рода занятий: *«Звонарь Илия был одним из тех людей, которые составляли странную достопримечательность города. Он был, очевидно. Известен не меньше, чем перевозчик роялей Лева Агамов ...»*;

2) рода деятельности, места проживания и т.д.: *«... или инженер Босняцкий, умевший считать в уме быстрее, чем два арифмометра, вместе взятых», «Пока дантист одевался, супруга трещала неумолчно, но Ефим Евсеевич был далек от ее болтовни»*.

С осуществлением указанной выше функции связаны способы введения имени и персонажа в сюжет произведения. Можно выделить следующие текстовые ситуации введения имени и персонажа в литературный текст Ю. Селенского:

- персонаж и его имя вводятся одновременно, при этом указывается признак объекта: *«Кроме других обитателей дома и двора, не последнее место занимал безногий портной по прозвищу пан Мишель»*;

- сначала вводится имя, затем персонаж: *«Так или иначе, судьбе было угодно свести в бильярдной пана Мишеля и инженера Босняцкого», «Самой зловещей фигурой среди этих отверженных, как бы изжеванных людей был инвалид по кличке Ганька-Бык»*;

- сначала вводится персонаж, потом имя: *«- Чамра! Чамра зашла, - сказал звонарь и наспех, словно отмахнувшись от мухи, перекрестился»*;

- упоминание имени без введения персонажа: *«Конечно, сначала надо завернуть к деду Ашоту, разузнать, не клюет ли сазан в Казачьем ерикe, поглазеть, облазить некоторые объекты, и уж тогда можно и на Кутум податься»*.

Таким образом, взаимосвязь имени и персонажа заключается в наличии в тексте неких признаков, которые не только помогают распознать предмет речи, но и несут о нем дополнительную информацию.

Одной из основных функций литературных имен в повести Ю. Селенского «Не расти у дороги» является иллюзионизирующая, то есть «функция создания и поддержания иллюзии реальности вымышленного мира» [6: 135]. Так, Ю. Селенский создает противоположный миру взрослых мир детей со множеством героев, каждый из которых имеет свой язык, историю, культуру, а имена собственные принимают активное участие в его создании, являясь теми элементами, с помощью которых читатель пробует представить всю картину мира маленького мальчика – главного героя, становясь совместно с автором творцом параллельной реальности.

Особая роль в реализации этой функции принадлежит именам и названиям упоминаемых персонажей и объектов – антропонимы *Тайка, Семка, Физка, Чирик, Ворон*; топонимы *Крымская башня, Казанская церковь, Ямгурчев, Криуша, Братский садик, Эллинг, Селенье*; гидронимы *Кутум, Волга*. Эти и многие другие имена собственные способствуют ощущению широты регионального пространства и богатства мира в восприятии ребенка, для которого описываемые события являются лишь небольшим эпизодом из жизни.

Наиболее ярко иллюзионизирующая функция имен в повести «Не расти у дороги» проявляется в именах и названиях, взятых из астраханского городского ономастического словаря, например, таких названий как *Крымская башня, Казанская церковь, Криуша, Братский садик, Эллинг, Селенье*. Введение данных имен собственных в канву повествования должно убедить читателя в реальности всего происходящего.

Для реализации характеризующей функции служат семантика обращений, омонимичных именам собственным, экспрессивность имен собственных и содержащаяся в них оценочность. Например, антропонимы повести «Не расти у дороги» несут информацию о таких особенностях персонажа, как:

1) личностные качества: «сумасшедшая старуха – Собачья барыня»;

2) физическая характеристика: «Ты, Бланжа, зачем к безногому портняжке повадился ходить? – Почему я Бланжа? – Потому что бланжевый, коричневый с рыжим отливом ...», «Даже вонючий Горка-Смрад становился ближе».

Данная функция является особенно значимой для характеристики тех персонажей, информацию о которых можно извлечь лишь из их имени.

Таким образом, благодаря именам собственным, выполняющим в тексте информационно-характеризующую функцию, читатель, опираясь лишь на значение «говорящего» имени собственного, получает информацию об отличительных чертах того или иного персонажа или объекта, ключевых в процессе понимания художественного образа, культуры и уклада жизни людей, описываемых в повести, и всей повести в целом.

Эмоционально-экспрессивную характеризующую функцию выполняют, прежде всего, имена собственные с неясной внутренней формой. Для создания эмоционально окрашенных имен собственных Ю. Селенский прибегает к использованию в качестве имён усеченных и разговорных форм, которые обеспечивают положительную или отрицательную оценку у большинства читателей при восприятии имени. Так, например, главного героя повести с первых страниц и на всем ее протяжении автор называет не иначе как *Гошка Потехин*, а его друзей зовут *Лёва* или *Лёвка*, *Юрка*, *Наташка*, *Тайка*. Данные имена, обладая эмоционально-экспрессивной окраской, участвуют в формировании смысловой ценности именуемых образов и создают общий эмоциональный фон произведения Ю. Селенского.

Специфика образно-художественного осмысления слова сказывается и на функциях имен собственных, включенных в состав литературного произведения. В литературных произведениях Ю. Селенского имена собственные подвергаются функциональной перестройке, и главной функцией становится не столько номинативная, сколько иллюзионизирующая, характеризующая и другие функции, причем преобладание той или иной функции зависит в большей степени от жанра самого произведения.

Следует отметить, что языковой картине мира каждого писателя характерно наличие определенного ономастического, который составляет специфику его индивидуально-авторской языковой картины мира, где имя собственное является специфическим элементом авторского стиля. Выбор способа наименования зависит в большей степени от отношения к данному явлению автора, коммуникативной ситуации и социального статуса носителя.

Выше сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что изучение имени собственного как центрального стилиобразующего элемента в ономастической системе художественных текстов Ю. Селенского включает в себя не только исследование способов номинации персонажей, структурной организации ономастического пространства текста, но и стилистических функций имен собственных, соотношенных с воплощением конкретного образа, замысла произведения и позицией автора.

Таким образом, изучение имени собственного как важнейшего стилиобразующего элемента в ономастической системе текста включает исследование структурной организации ономастического пространства, принципов и способов номинации персонажей, стилистических функций имен, их ассоциативных связей, соотношенных с реализацией конкретного образа, замысла произведения, позицией автора.

Ссылки на источники.

1. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В. Д.Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224с
3. Lamping D. Der Name in der Erzählung: Zur Poetik des Personennamens. Bonn, 1983.- 135 с.
4. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
5. Селенский Ю.В. Не расти у дороги: Повести. – М.: Современник, 1987. – 316 с.
6. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

Igumnova Elena Sergeevna

candidate of philological Sciences, associate Professor of the Russian language Department of Astrakhan state technical University, Astrakhan
igumnova01@rambler.ru

The specifics of the functioning of the name of his own in the modern regional literature (on the material of the works of Selensky)

Annotation. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of proper names functioning in the structure of literary text. Special attention is paid to the regional component of the writer's onomasticon.

Key words: onomasticon, proper name, language picture of the world.

Иконникова Яна Владимировна,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
janakareva@yandex.ru

**Повесть А. И. Куприна «Поединок»:
женские образы как способ реализации концепта «свое-чужое»**

Аннотация. В статье анализируется повесть А. И. Куприна «Поединок» с точки зрения реализации в ней важнейшего для творчества писателя концепта «свое-чужое». Концепт актуализирован на всех уровнях идейно-поэтической системы произведения, в том числе в различных системах героев. Поэтика женских образов становится особой формы художественной репрезентации концепта «свое-чужое» в повести.

Ключевые слова: А. И. Куприн, концепт «свое-чужое», оппозиция, женские образы, поэтика.

Концептуально-культурологическое направление, сформировавшееся в конце двадцатого века, остается одним из наиболее актуальных в исследовании художественного текста. Разрушению терминологической неопределённости, закреплению границ бытования термина «концепт» посвящены работы Ю.С.Степанова, В.Г.Зусмана, С.Г.Воркачева, В.И.Карасика, В.З.Демьянкова, В.П.Нерознака, Е.М.Лукиновой, Н.Ю.Желтовой и других.

С.Г.Воркачев отмечает антропоцентричность концепта, то есть «ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания» [1]. В.Г.Зусман сближает концепт с художественным образом, отмечая при этом, что «смысловое колебание между понятийным и чувственным, разным полюсами делает концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа» [2]. Е.М.Лукинова, в свою очередь, подчеркивает: «Концепт связывает текстовую (художественную) и внетекстовую (социокультурную, культурно-историческую) реальность» [3]. Н.Ю.Желтова, описывая экстраполяцию базовых компонентов концепта на литературоведческое поле, подчеркивает связь концепта и поэтики произведения: «Бытующие в авторском сознании концепты определяют в конечном итоге выбор изобразительных средств для выполнения конкретной идейно-эстетической задачи» [4].

В качестве базового, центрального концепта, присущего всякой национальной культуре, можно выделить концепт «свое-чужое». В.Г.Зусман подчеркивает, что «в основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различия своего и чужого» [2]. Ю.С.Степанов определяет концепт «свои-чужие» как один из «главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [5].

Разграничение по национальному признаку является самым явным, основным в сопоставлении «своего» и «чужого». Но не менее важными дифференцирующими

факторами становятся гендерные, социальные, нравственные, идеологические, возрастные, профессиональные. Репрезентацию искомого концепта можно проследить в произведениях А.И.Куприна, написанных в различные периоды его творческой биографии, но особо острое столкновение «своего» и «чужого» мы находим в «армейской трилогии»: «На переломе (Кадеты)», «Поединок», «Юнкера».

Повесть «Поединок» (1905) - одно из самых резонансных произведений писателя, выход которого, по трагической случайности, совпал с громким поражением русского флота в Цусимском сражении. Изначально А.И.Куприн планировал написать роман, как позднее он сам признавался: «Я ненавижу годы моего детства и юности, годы кадетского корпуса, юнкерского училища и службы в полку. Обо всем, что я испытал и увидел, я должен написать. И своим романом я вызову на поединок царскую армию» [6]. Здесь мы видим явное противоречие с романом «Юнкера», написанным в эмиграции в совершенно иной тональности, но сам писатель разрешает наши сомнения в статье «Не по месту» (1926): «...Моими общениями всегда руководила любовь к каждому отдельному человеку и еще большая любовь к моей чудесной родине. Я ссорился с русским правительством только потому, что в корне своем оно было здорово и мощно» [7]. Таким образом, в повести А.И.Куприн четко разделяет «свое» и «чужое», нравственное и аморальное, идеальное и реальное. Куприн пишет повесть о становлении личности молодого офицера, о его прозрении, которое оборачивается тем, что герой становится чужим среди своих.

Место службы Ромашова, главного героя повести, - глухой провинциальный городишко, о подобных писал А.И.Деникин в своей книге «Путь русского офицера»: «Из года в год все то же, все то же. <...> Лишь два-три дома, где можно было ... поговорить на серьезные темы. <...> Словом, серенькая жизнь, маленькие интересы – «чеховские будни»» [8]. Ромашов попадает в липкую паутину устоявшегося быта офицерского общества, играет по правилам, становится практически своим, а позади – честолюбивые планы, мечты, желание развиваться. Но все же полностью перейти границу круга своих Ромашов не смог. Мы видим его отвращение к тому, как обращаются с простым солдатом офицеры, даже те, к которым наш герой относился изначально уважительно. Солдат – это «каналья», «скот», «мерзавец», которому можно выбивать зубы и глаза [9]. Запрет на телесные наказания офицеры полка воспринимают практически как личное оскорбление и не собираются его соблюдать. Необходимо отметить, что А.И.Деникин пишет о том, что рукоприкладство после законодательных изменений пресекалось и сохранялось лишь как «изнанка казарменного быта – скрываемая, осуждаемая и преследуемая» [8, с.84]. Однако жестокость и самодурство не сразу ушли в прошлое, продолжая царить именно в таких, наиболее удаленных от центра полках. Таким образом, неудовлетворенность местом службы, скукой и пошлостью окружавшей его жизни, тщетность духовных исканий разделяют жизнь Ромашова на два полюса - идеальный и реальный, тем самым маркируя концепт «свое-чужое».

Концепт «свое-чужое», отражая этапы становления личности главного героя, двойственность его мироощущения, реализуется через различные элементы поэтики повести, в том числе в различных системах героев. Особый интерес представляет изображение женских образов в повести в ракурсе оппозиции «свое-чужое». Повесть «Поединок» рассказывает, прежде всего, о жизни офицерского полка, поэтому женских образов в ней немного, у каждого из них свое место и своя роль: ни один образ не дан сам по себе, любая женщина или девушка в повести – это чья-то мать, сестра, жена, дочь.

Особый интерес представляет антропонимика повести. Фамилия женщины соответствует фамилии мужчины, с которым героиня находится в родстве, но в сочетании с именем и отчеством может рассказать о некоторых качествах своей носительницы. Но прежде чем приступить к анализу имен собственных в повести, следует обратить особое внимание на женский образ, ни имя, ни отчество которого не обозначены, -

образ матери. Нет никаких характеристик этого образа, кроме одного воспоминания героя, а безымянность матери, в свою очередь, имеет особую причину – глубокий автобиографизм.

Отношение самого писателя, рано потерявшего отца, к матери было неоднозначным. Исследователь творчества А.И. Куприна О. Михайлов писал: «Во вдовьем доме он по крайней мере не был оторван от матери, которую и боготворил, и втайне глухо ненавидел. Но это было детским чувством перенесенных обид и унижений <...>. И у шестидесятилетнего Куприна образ матери вызывает совершенно детски-восторженные признания» [6, с.23,25]. Действительно, трогательный, «обожаемый» образ матери мы встретим и на страницах повести «На переломе (Кадеты)», и в романе «Юнкера».

Картина прошлого, связанная с образом матери, символична. Ромашов вспоминает тонкую нить, которой мать привязывала его к кровати, и эта тонкая нить «оказывала на него странное гипнотизирующее действие» [9, с.271]. Представляется неслучайным, что этот эпизод из раннего детства вспоминается ему именно в тот момент, когда он, заключенный под домашний арест, вдруг захотел выйти не в собрание, а просто на свежий воздух, впервые осознав «цену свободе». Герой осознает свое я, понимает возможность и важность быть собой, а не кем-то из круга мнимых своих, осознает, что он сам привязал себя на тонкую нить к чуждой ему среде.

Основными женскими образами в повести являются Александра Петровна Николаева и Раиса Александровна Петерсон. В первую – герой искренне влюблен, со второй – имеет «длинную, грязную и скучную связь». Примечательно, что про связь с Раисой рассказывается в одном ряду с перечислением других событий и действий, наполняющих жизнь Ромашова в полку: «пьет много водки в собрании, имеет длинную, грязную и скучную связь с полковой дамой, ... играет в шtos и все чаще и чаще тяготится и службой, и товарищами, и собственной жизнью» [9, с.238]. Любовь к Шурочке – нетипичной представительнице полковых дам – станет отражением желания главного героя преодолеть серость окружающей жизни, вырваться из нее. Но ни Раиса, ни даже Шурочка не станут для Ромашова по-настоящему близкими, маркируя тем самым оппозицию «свое-чужое», показывая чуждость Ромашова окружающей его жизни и – шире – чуждость такой жизни любому думающему, нравственно здоровому человеку.

Антропонимический параллелизм подчеркивает близость двух внешне не похожих героинь. Сближают их две линии: имя и отчество, производные от мужского имени «Александр»; отчество и фамилия, производные от мужского имени «Петр»:

Александра Петровна Николаева

Раиса Александровна Петерсон

Имя Александр произошло от слияния двух греческих слов: в переводе – «защищать» и «мужчина» [10]. Имя Петр в переводе с древнегреческого языка означает «камень» [10, с.177]. Если камень можно считать символом непоколебимой веры апостола Петра, то твердость главных героинь едва ли можно рассматривать в положительном ключе.

Сокращенным именем к Александре является Шура. Но в этом сокращении чувствуется что-то фамильярное, просторечное, мещанское. Сама Шура просит Ромашова не называть ее так. И в этом отрицании имени Шура выражается стремление героини вырваться из обывательской среды маленького городка и прозябания, на ее взгляд, в недостойном, пошлом офицерском обществе. Но ее честолюбивые мечты не идут дальше такой же обыденности и пошлости: она мечтает о столичной, насыщенной пустыми светскими событиями, обеспеченной жизни. Стоит отметить, что на протяжении всей повести она чаще всего именуется Шурочкой, что и символизирует

ее обыденность, приземленность, но уменьшительно-ласкательное Шурочка вместо Шура в то же время подчеркивает ее молодость, обаяние, женскую притягательность.

Шурочка тверда, как камень. Холодный разум, но не живые чувства диктует ей линию поведения. Красноречивый пример – ее отношение к Назанскому и Ромашову. В разговоре с Ромашовым она резко отзывается о Назанском: «Если бы от меня зависело, я бы таких людей стреляла, как бешеных собак. Такие офицеры – позор для полка, мерзость!» [9, с.251]. Но Шурочку и Назанского связывали романтические отношения, при этом она предпочла нелюбимого мужа, его карьерный рост бесперспективному в этом смысле Назанскому. Похожая ситуация и с Ромашовым, в продвижение которого по служебной лестнице она также не верит: «Верю что вы хотите, голубчик, верю, но вы ничего не сделаете. <...> О, если бы я хоть чуть-чуть надеялась на вас, я бросила бы все и пошла за вами» [9, с.354].

Именно Шурочка, нежная и в то же время властная и расчетливая, губит Ромашова, обманом – вольным или невольным – отправляя его на дуэль. Женщина, которая должна быть чужда любому проявлению жестокости, смерти, которая олицетворяет собой жизнь, напротив, поддерживает само явление дуэли как единственной возможности проявить себя офицеру, мужчине в мирное время. Именно Шурочка, которая хочет «поклонения, власти», не может позволить, чтобы ее мужа не допустили до очередного экзамена, чтобы на репутации будущего офицера генерального штаба было хоть одно темное пятно. Таким образом, Шурочка стоит выше всех полковых дам по уровню образования, развития, при этом желает вырваться из ненавистного «мещанского, нищенского офицерского общества», четко очерчивая круг «своего» и «чужого» [9, с.435].

Образу Раисы Александровны Петерсон в повести также отведено важное место. Это самолюбивая, эгоистичная, бессердечная женщина, цель которой – произвести эффект на окружающих. Раиса так же, как и Шурочка, хочет поклонения и власти, но в рамках общества полковых дам и офицеров. В частности, это проявляется в ее желании быть первой дамой полкового общества, о чем говорят ее игривость, постоянное и при этом показное кокетство. Ей необходима атмосфера восхищения: «Петерсон, только что открывшая бал, что всегда для дам служило предметом особой гордости...» [9, с.302]. Ее лживость и лицемерие явно показаны в сцене разговора с Ромашовым на этом балу: «Я пожертвовала для вас всем, отдала вам все, что может отдать честная женщина... Я не смела взглянуть в глаза моему мужу, этому идеальному, прекрасному человеку» [9, с.305, 306]. Замечательным аккомпанементом к этому служат мысли Ромашова: «Ее многочисленные романы со всеми молодыми офицерами, приезжавшими на службу, были прекрасно известны в полку... Ему теперь вспомнились выражения вроде: «мой дурак», «этот презренный человек», «этот болван, который вечно торчит» и другие не менее сильные выражения, которые расточала Раиса в письмах и устно о своем муже» [9, с. 306].

Антропонимический параллелизм сближает образ Шурочки с образом Раисы, подчеркивая, что, совершенно разные на первый взгляд, обе героини имеют одинаковые запросы – блистать, главенствовать, а разница лишь в уровне этих запросов. Жестокость, душевная черствость, отсутствие нравственных ориентиров главных женских образов становятся особой реализацией концепта «свое-чужое» в повести, подчеркивая внешнее и внутреннее одиночество Ромашова и, главное, невозможность его преодолеть.

Обеих героинь мы видим глазами Ромашова. Портретная характеристика Шурочки дается в свете ее желания вырваться из полкового общества и, кроме того, глазами любящего Ромашова. С гневом и раздражением говоря о полковых дамах, их пошлых «балках», игре в винт, суточных и прогонных, она восклицает: «Неужели я уж так неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической

карте» [9, с. 246]. Расплакавшись «злыми, самолюбивыми, горькими слезами», она очень быстро берет себя в руки и уже со смехом, кокетливо спрашивает у Ромашова: «Отвечайте же, неуклюжий Ромочка, хороша я или нет?» [9, с. 306]. Ответив: «Очень красивы!», Ромашов продолжает вести с Шурочкой воображаемый, внутренний диалог. Если до этого Ромашов говорит Шурочке - вы, то в своем мысленном обращении к ней – ты, что показывает его отношение к молодой женщине. В этом небольшом фрагменте местоимения «ты», «твоих», «тебя» употребляются очень часто, что подчеркивает внутреннее стремление Ромашова к Шурочке. Само описание внешности героини относительно невелико, фактов о ее внешнем виде дается не так много. Зато в тексте много сравнений, оценочных прилагательных, тактильных описаний.

На протяжении всего произведения в описании образа Шурочки значительное место уделено рукам, они упоминаются практически во всех сценах с ее участием, зачастую при отсутствии других характеристик: «она взяла обе его руки и крепко сжимала их»; «когда же он находил губами ее руку, она сама прижимала ладонь ко рту»; «она удерживала его за шею рукой»; «она обняла его обеими руками»; «он опять хотел высвободиться из ее рук, но она его не пускала»; «освободиться от ее мягких и сильных рук» [9, с. 340, 354, 436, 437]. В этих сценах по жестам, движениям рук и ответной реакции можно проследить внутреннее состояние Ромашова и Шурочки, некоторые черты их характеров и, что самое главное, их отношение друг к другу.

Во внешних характеристиках Шурочки преобладает не описательная, а оценочная лексика, дается не портрет, а общее впечатление, производимое героиней, раскрываются те чувства, которые она вызывает: «...Не видел он милого, то ласкового, то насмешливого, то дружески-внимательного лица Шурочки, не чувствовал на себе ее нежного и властного обаяния»; «В этом взгляде было опять что-то совершенно незнакомое Ромашову»; «...Легкая и стройная, мелькая, точно светлый лесной дух...»; «...Причудливо менялось в темноте все ее знакомо-незнакомое лицо» [9, с. 329, 340, 350, 353]. Но в сцене прощального свидания всего лишь пара штрихов снижают образ главной героини: «Она засмеялась долгим и злым смешком»; «...Лицо Шурочки светится странным белым светом, точно лицо мраморной статуи» [9, с. 434, 438]. Полюбив эту молодую женщину, Ромашов рассудком не может понять ее тонкий расчет в отношениях с ним, ее прагматизм, калькуляцию чувств, но настойчивые движения рук, злой смех, сравнение с неживой статуей показывают нам, что герой чувствует фальшь их отношений. Неслучайно: «Ромашов почувствовал, как между ними незримо проползало что-то тайное, гадкое, склизкое, от чего пахло холодом на его душу» [9, с.437]. Но высвободиться из цепких рук Шурочки он не смог.

Портретная характеристика Раисы Петерсон дана отдельными штрихами в нескольких сценах. Наряду с эпитетами конкретно-изобразительными, употребляются эпитеты эмоционально-оценочные. Лицо «рыжеволосое» – само по себе такое сочетание невозможно, рыжеволосым может быть человек, но в сочетании со следующими определениями – «маленькое», «лживое» – получается нетипичная градация: от рыжеволосого до лживого [9, с.240]. Куприн дает портретную характеристику постепенно, отдельными штрихами, с помощью нее он подчеркивает и внутренние качества персонажа. На маленьком и лживом лице – маленькие глаза, само лицо – «худое и губастое» [9, с.294]. Создается впечатление мелочности, мстительности героини, само выражение лица говорит об этом: «рот, искривленный от злости»; «лицо опять сразу приняло сердитое выражение» [9, с.306, 310]. «Насморочный», неестественный голос, а также «деланные улыбки» создают общее лицемерное, ненатуральное, отталкивающее впечатление [9, с.304]. Дополняется искусственность ее поведения еще более пошлой характеристикой: «...Олизар глядел на ее плоское декольте, она стала часто и неестественно дышать» [9, с.302]. Сочетание «плоского декольте», «большого, тонкого, увядшего рта» с ее игривым поведением, деланным, показным кокетством, многочисленными романами и изменами создает впечатление вульгарной и

пустой женщины. Неслучайно Ромашов в одном из описаний Раисы Петерсон подбирает следующую характеристику ее выражению лица: «точно у разозленного насекомого» [9, с.306].

Остальные женские образы даны небольшими зарисовками. Предваряя описание отдельных представительниц общества полковых дам, Куприн дает их общую характеристику через размышления Ромашова, разочаровавшегося в окружавших его женщинах: «Ему смешным и претенциозным казалось их общее пристрастие к разным эгреткам, шарфикам, огромным поддельным камням, к перьям и обилию лент: в этом сказывалась какая-то тряпичная, безвкусная, домашнего изделия роскошь» [9, 293]. Ключевыми являются оценочные определения: «смешным», «претенциозным». К существительному «роскошь» Куприн подбирает, на первый взгляд, неподходящие прилагательные-определения: «тряпичная», «безвкусная»; одно из определений является несогласованным: «домашнего изделия». Получается своеобразный оксюморон, при помощи которого подчеркивается вся фальшь, наигранность, пустота жизни полковых дам.

От описания общего внешнего вида Куприн переходит к общей же жизни внутренней: «...Он, как и все в полку, знал закулисные истории каждого бала, каждого платья, чуть ли не каждой кокетливой фразы; он знал, как за ними скрывались: жалкая бедность, усилия, ухищрения, сплетни, взаимная ненависть, бессильная провинциальная игра в светскость и наконец скучные пошлые связи...» [9, 293]. Обращает внимание местоимение «все» и троекратное употребление местоимения «каждый», что явно характеризует однообразие жизни, ее заранее известный порядок; заканчивается предложение упоминанием «скучных пошлых связей», которые являются порождением подобной жизни.

Еще одним способом раскрытия женских образов, помимо портретных характеристик, является письменная речь, то есть письма и записки главных героинь повести. И Раиса Петерсон, и Шурочка Николаева написали Ромашову по два послания, причем в каждом случае первое письмо было нежным, второе – содержащим упреки и претензии. Письма Раисы Петерсон содержали пошлые обращения («усатенький Жоржик», «слепец»), нелепые поэтические строки, неуместные для взрослой женщины лексические повторы («крепко, крепко, крепко расцелую», «непременно, непременно должны быть»), глупо-игривые намеки («по значению!!!!!!»), преувеличения («целую тебя 1000000000 ... раз»), бесчисленное количество ошибок и просторечных выражений («за тобой скучилась», «с меня смеяться», «глоток с пузырька», «умру на чахотку», «сгрызет совесть») [9, 239, 267]. Эта переписка отражает всю сущность бездумной, пошлой жизни героя в полку.

Записки Шурочки написаны грамотным, легким языком. В одной из них говорится о нежностях «во вкусе Ромео и Джульетты», которые, по мнению героини, смешны, особенно в их полку [9, 394]. Подобное упоминание, с одной стороны, показывает уровень образования Шурочки, но с другой – характеризует как холодную, далекую от искреннего проявления чувств женщину.

А.И.Куприн описывает не только стиль письма героинь, но и почерк, который соответствует их характерам, причем почерк воспринимается самим Ромашовым, поэтому характеристики почерка во многом можно перенести на личностные качества героинь. Вульгарной, необразованной, грубой Раисе Петерсон полностью соответствует манера письма: «катыющиеся вниз, неряшливые строки» [9, 239]. Шурочке, сочетающей в себе совершенно противоположные качества, отличающейся острым умом, целеустремленностью, соответствует необычный почерк: «Письмо было написано крупным, нервным, тонким почерком, который мог принадлежать только одной Александре Петровне – так он был своеобразен, неправилен и изящен» [9, 265].

Военная среда стала своеобразным катализатором развития концепта «свое-чужое», его структурно-художественных составляющих. Элементы поэтики художественного текста становятся особыми маркерами концепта, позволяя выявить дифференцирующие признаки каждого элемента оппозиции. Концепт актуализирован в различных системах героев: офицер-офицер, офицер-солдат, мужчина-женщина. Поэтика женских образов, не столь явная в повести, раскрываясь через концепт «свое-чужое», позволяет глубже понять идейно-художественный замысел писателя.

Ссылки на источники

1. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 5.
2. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – 2003. – №2. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html> (дата обращения 20.10.2018).
3. Лукинова Е.М. Концепция человека в малой прозе Эрнста Вихерта: монография. – Тамбов: Тамбовский филиал ОРАГС, 2008. – С. 12.
4. Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // Вестник ТГТУ. – 2004. – Т.10. – №3. – С. 878-879.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – С.126.
6. Михайлов О.Н. Жизнь Куприна. «Настоящий художник – громадный талант». – «Бессмертные имена». – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – С. 87. – Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
7. Куприн А.И. Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919-1934. – М.: Собрание, 2006. – С. 478, 479.
8. Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: Эксмо, 2014. – С. 59. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
9. Куприн А.И. Собр. соч.: в 5 т. – Т.2. – М.: Правда, 1982. – С. 319. – Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
10. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 28. – Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

Yana Ikonnikova,

Candidate of Philological Sciences, Chief Lecturer, Russian Philology Chair, Tambov State Technical University, Tambov

janakareva@yandex.ru

The novel by A. Kuprin «Duel»: female images as identification mark of the concept «own-other»

Abstract. The article explores the novel by A. Kuprin «Duel» from the point of view of realization of the most important concept for the writer «own-other». The concept is actualized at all levels of the ideological and poetic system of the work, including in various systems of heroes. The poetics of female images becomes a special form of artistic representation of the concept «own-other» in the novel.

Key words: A.I. Kuprin, concept «own-other», opposition, female images, poetics.

Попова Ирина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой «Русская филология»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

kafruss@mail.ru

Глазкова Марина Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО

«Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

rusfilol37@mail.ru

Художественный смысл реализации библейских концептов в романе Захара Прилепина «Обитель»

Аннотация. Изучается динамика ментального концепта ХОЛОД в аспекте его сближения со смыслом библейских выражений: «теплохладность» и «мерзость за-

пустение». Заявляется, что художественная реализация этих библейских концептов в романе Захара Прилепина «Обитель» происходит путем противопоставления измененных смыслов слов «холод» и «тепло», в результате чего утверждается самая высокая степень опустошенности душ персонажей, ставших «теплохладными», то есть, неблагоутробными, равнодушными к добру и ко злу, к живому и мертвому и т.п. Особенно глубоко проникновение «теплохладности» в души людские показано писателем на примере судьбы протагониста романа «Обитель» Артема Горяинова, так и не сумевшего встать на сторону добра и сострадания. Смысл художественной реализации концепта заключается в обнажении ментальных сторон изменений этого концепта для раскрытия глубины духовного кризиса 1920-х годов в России.

Ключевые слова и фразы: библейский концепт; исторические коннотации концептума; художественный дискурс произведения; метафоризация концептума.

В ментальном сознании русского человека во все времена холод и тепло были антонимичными понятиями. Тепло воспринималось как благо, а холод метафорически символизировал зло. В «Словаре русской ментальности» дается такое определение концепту ХОЛОД: «Стужа, отсутствие физического или душевного тепла, которое ожидается от источника света, обусловившее определенные свойства вещей и явлений отрицательного характера (например, собачий холод)» [1; Т.2, с.45].

«Словарь русской ментальности» свидетельствует также о том, что русским человеком концепт ХОЛОД (мороз, стужа) всегда воспринимался как отсутствие не столько физического, сколько именно душевного тепла. Холодность расценивалась прежде всего, как следует из древнерусского фольклора, в качестве отрицательного свойства, подчеркивающего внешнее проявление равнодушия, то есть, бесстрастного, неприязненного отношения к другому человеку.

«Теплохладность» – библейский концепт, более сложный по смыслу, тоже связывается с равнодушием, бесчувственностью, безразличием к бедам ближнего и ассоциируется с жестокостью, жесткостью, которые в сумме символизируют «окаменение в грехах». Поскольку человек способен к исправлению и покаянию, то вводится два корня: «тепло» и «хладность», оставляющие надежду на изменения души к лучшему.

Концепт ХОЛОД часто соседствует с негативными определениями, такими как убийственный, адский, безумный, волчий, жуткий, зверский, лютый, могильный, нестерпимый, сильный, страшный, ужасный, чудовищный.

В художественной системе романа Захара Прилепина «Обитель» особая важность концепта ТЕПЛОХЛАДНОСТЬ неоспорима и выступает в качестве библейского образа, являясь знаком «оскудения любви», ведущего ко всеобщей гибели и превращающего человека в «медь звенящую или кимвал звучащий» (2; деян. 13:1). Но названный концепт означает и веру в воскресение в человеческом сердце добрых чувств. Хотя в романе «Обитель» показаны, в основном, негативные процессы.

Отец Иоанн, прозванный в соловецком монастыре владычкой, с сожалением говорит о заключенных концлагеря как о страдальцах, которые ненавидят своих братьев по несчастью и жестоко относятся к слабым и униженным, подобным им.

Первосмысл концепта ХОЛОД существует в романе как метафорическая коннотации от родственного слова «мороз»: отморозок, мразь, мерзавец, «мерзость» и т.п.

Все смыслы перечисленных слов означают грубые нарушения нравственных законов бытия. Например, мерзавец – это человек, который в целях извлечения выгоды поступает настолько подло, что свидетель его поступка испытывает ощущение холода и отвращения к такому безнравственному человеку, совершающему смертный грех. Синонимами этого слова являются слова пакость, гнусность, подлость, низость.

«Мерзость» творит Артем Горяинов, когда вместе с другими лагерниками он разоряет монашеский погост, который Эйхманис приказал сделать в скотном дворе. Поначалу «святотатство» над святыми мощами стало причиной некоторой сердечной горечи в душе Артема: «Мы безродные теперь <...> мертвецы отныне и навек в земле голые. Были прикрытые, а теперь – как дети без одеял в стылом доме» [3; 36], – рассуждает протагонист.

«Стылым», то есть, холодным домом он называет обитель, за которой стоит «мерзость запустения». Устроенное на святом месте возле единственного уцелевшего от разгрома храма Святого Онуфрия кладбище являет собой «мерзость запустения», вызывает гнев только у чеченца, категорически заявившего, что нету больше Бога, поскольку нет в него веры!

Не меньшее святотатство представляет параша, установленная на месте алтаря в бывшем храме Успения Богородицы, где веками ежедневно совершались Евхаристии. Известно, что мощи преподобного Савватия, который основал соловецкий монастырь в 1429 году, были погребены в специально для этого отведенной часовне за алтарем церкви Успения Пресвятой Богородицы. Святого Зосиму захоронили за алтарем Спасо-Преображенского храма, разоренного и сожженного большевиками.

Соловки – это, действительно, знаковое место в нашем Отечестве, в котором как будто нашла отражение история России, тесно связанная с историей православия на Руси. Иноками Савватий и Герман, основатели соловецкой обители, искали «безмолвное житие». Местные жители говорили, что жить на острове Соловецком совсем нельзя. На отговоры здесь селиться Савватий ответил, что у него такой Владыка, который старикам дает силы юношеские силы. Первые несколько лет иночества на Соловках до 1429 года стали для преподобных отцов годами не только невероятного тетанического труда, но и временем радости от Благодати Божией.

В хрониках Соловецкого монастыря тщательно фиксировались многочисленные чудесные проявления. Многие схимники, например, видели часто Пресвятую Богородицу. Преподобному Елеазару Анзерскому Богоматерь приказала Секирную гору назвать Голгофой, подсказав, что все это место займет кладбище будущих стадальцев. А на вершине горы по слову Богородицы был выстроен храм во имя Распятия Иисуса Христа. Царица Небесная обещала пребывать на этой горе всегда. Широко известно чудо, совершенное Богородицей во время событий Крымской войны 1853-56 годов, когда на Соловки пришли два английских шестидесятипушечных фрегата. У иноков было только две пушки. Под обстрелом начался крестный ход. Хотя англичане выпустили по монастырю две тысячи снарядов и бомб, которые могли бы разрушить множество европейских городов, стены святой обители выдержали. Со стороны монастырских жителей не было ни одной жертвы, даже ни одной чайки не пострадало. Неразорвавшееся ядро обнаружили за иконой Богородицы, которая не получила ни одной царапины. В канве поражений и просчетов в Крымской войны это событие имело огромное нравственное значение для независимости России.

На протяжении столетий Соловки служили «вещим зеркалом России». А в 1920 году большевистские власти национализировали земли Соловков, превратив их в пустыню. На островах осталось двести человек братии. Великая соловецкая святыня была приговорена к ритуальному поруганию: храмы и кельи переоборудовали в узилища. Концлагерь СЛОН, переименованный в 1937 году в СТОН, уничтожил несколько десятков тысяч узников. Соловки сегодня – антиминс под открытым небом, поскольку здесь вся земля полита кровью мучеников.

В романе «Обитель» доказывается, что создание исправительного концлагеря - «монастыря наоборот» – цель, которую ставили и добивались большевики, не была достигнута. В 1920-е годы в Соловках разверзлась повсюду «мерзость запустения», потому что люди потеряли Веру и любовь.

В русском языке обычно слово «холод» имеет почти в девяноста процентах случаев употребление этого слова в отрицательном смысле, как отсутствие сердечного тепла, доброжелательного отношения ко всем людям. Холод – есть отсутствие любви.

В романе «Обитель» концепт ХОЛОД употребляется сто три раза, и лишь один дается с положительной коннотацией, когда это относится к святой воде. Подавляющее большинство характеристик посредством концепта ХОЛОД негативны в моральном плане. Например, в следующем фрагменте: «Своим голосом, произнося в темноту комнаты слова, Артём словно пробовал, есть ли тут жизнь, и если есть – то какая она: тёплая, млекопитающая – или холодная, вздорная и пожирающая людей целиком» [Там же; 346]. Холодная жизнь традиционно символизирует отсутствие душевных или сердечных отношений. Артем уверен, что предпочел первую из них (млекопитающую), связывая ее с теплотой физической, которую дает сытость. Но его существование в концлагере «от набранного в пути холода» было все тяжелее: трудно было отказаться от ненависти и холодного отторжения от людей, когда нескончаемые обиды, несчастья и испытания следовали одни за другими. Он чувствовал, что даже его «лицо будто свело от холода» [Там же; 346].

Для протагониста в штрафном изоляторе на Секирке холод стал синонимом ада: «Многие дрожали, лязгая челюстями, - хотя тут не поймешь, от холода или от ужаса» [Там же; 341]. Герою было трудно разобраться, что же в людях преобладает – тепло или холод, потому что они, как и он сам, испытывали пограничное состояние – теплохладность, то есть равнодушие к добру и злу, к жизни и смерти, к любви и ненависти.

Холод, то есть ощущение «окамененного нечувствия», охватывает людей. Когда физически люди замерзают, то они испытывают ужас приближающейся смерти. В романе «Обитель» ХОЛОД связывается с состоянием души: с победой греха, отказом от покаяния, с «чувством богооставленности».

Холод не сопрягался с шуткой, с возможностью пошутить – следовательно, он являлся непобедимым. Холод страшнее смерти: над смертью часто шутят те, кто уверен в существовании вечной жизни. Именно так переживает Артем Горяинов. Чем-то незначительным, терпимым, даже вызывающим саркастический смех, вспоминаются ему щедрые побои Горшкова, дрын Крапина, которые, конечно, вполне могли оборвать жизнь молодого человека. Холод же стал для Артема ужаснее пыток этих палачей, «... про холод нельзя было пошутить, разум Артема отказывался видеть в жизни хорошее» [Там же; 505]. Мысли героя обращены не к духовной сфере (молитва, обращенная к Богу), а к материальной: «Тело застывало и молило о любой хоть сколько-нибудь тёплой вещи, как о вечной жизни, - Артём и представить не мог, сколько бы отдал за горячую кружку кипятка... Вот эту самую вечную жизнь и отдал бы - даже не за кипятком, а просто за пустую горячую кружку» [Там же; 505-506], – эти кошунственные мысли свидетельствовали, что, действительно, надежды у персонажа никакой не было.

Даже чудо появления иконы под штукатуркой стены не приносит протагонисту сил для очищения своей души покаянием: он отказывается от причастия, надеется на свои собственные силы, и в который раз отвергает помощь Бога. Герой чувствует в себе только живот, который хочет есть, и кожу, которая замерзает, а душа его не желает воспарить к Богу, хотя он неоднократно видел, что святые отшельники живут еще в более сложных условиях, но крепко стоят на земле. Артем упрямо не верит: видя не видит, слыша не слышит.

В кульминационный момент, во время всеобщего причастия в церкви на Секирной горе, «Артем с бесноватой радостью соглашался», что не смог превозмочь испытания физические, потому что не осознавал, что это его грех, в котором необходимо раскаяться. Он констатирует: «мерзну, хочу жрать и мерзну!» [Там же; 501], а не молит Бога его спасти.

На предостережения батюшки: «Согрешил ненадеянием на спасение... недоверием к милосердию Божию...» Артем отвечает неверием, кивая «с тем бесстыдным

лицом, с которым пьяница ждёт у кабака, что ему нальют» [Там же; 501], тем самым отрезая себе путь к спасению, поскольку в Евангелии говорится, что пьяницы не могут получить царствия небесного. Путь к спасению герой отрезает себе сам.

После того, как Артему чудом удалось покинуть штрафной изолятор, ему стало понятно, что «холод никуда не делся, а остался у него внутри. И вода, которой он умывался, была не просто холодная, а «страшная» [Там же; 586].

Во время побега, когда Артема и Галю, плывущих в лодке, окружала ледяная вода, герой понял, что везде в мире, «вокруг была гибель, одинаковая и холодная» [Там же; 610]. Это был уже вселенский холод, вмешавший в себя «ужас», переживаемый замерзающими на ветру перепуганными людьми [Там же; 610].

Когда беглецы лишились топлива для лодки, Артем вновь подумал о беззащитности и слабости брэнного человека перед всемогущей свободной природой.

Концепт ХОЛОД претерпевает в художественном пространстве романа последнюю стадию, символизирующую смерть, выраженную словом ЛЕД, «заледевание»: Артем и Галина думают мысленно сосредоточены только на своем настоящем ощущении – ощущении холода; существо каждого из них жаждет избавления от этого мучительного, извлекающего их из жизни чувства. Вокруг них была свинцовая от снега вода и «белая, путаная снежная круговерть»: «Внутри головы тоже было что-то холодное, жирное и спутанное» [Там же; 619]. Артем силился определить, где ему было холоднее: здесь или на Секирке. Но холод не давал возможности сравнивать. Даже мысли «были ледяными и угловатыми - они не складывались, как сколотые и скользкие кубики» [Там же; 619-620]. Он так «проморозился – что если резко ткнуть пальцем в лоб, то думал, что он продырявит его» [Там же; 614].

Холод присутствует не только в природе, но и во сне протагониста, характеризуя его ужасное внутреннее состояние. Автор прибегает к метафоре, когда говорит, что у него стали холодными глаза! А бывшая возлюбленная Артема на фото сидит с «холодной, почти ледяной щекой», что так естественно на берегу «белого от холода моря» [Там же; 703], – подчеркивает повествователь. Низкое кризисное состояние страха двух этих заключенных определяется именно их взаимоотношением, поэтому они обращаются друг к другу посредством слова «мразь», и каждый из них характеризует другого этим же словом. Артем себя чувствует мразью возле Галины, которая также называет и его мразью, и думают оба, что любви в мире нет вообще.

Многочисленно используемое слово «мерзость» по отношению ко всему человечеству говорит о тотальном духовном кризисе: «человеческая мерзость»; «мерзость общества»; «мерзость хворобы»; «мерзостно жить»; «мирская мерзость клубится вокруг». Сожительство без любви – это мерзость; презрение к народу – тоже мерзость; убийство – это «языческая римская мерзость», и потому сапоги, на которых осталась кровь убитых, освещены «каким-то незнакомым мерзостным светом». Мерзость означает человеческое грехопадение: «омерзительные клубки змей», «разлагающееся мясо человека», совершившего первородный грех – это все предательство Бога, жестокость, мстительность людям – все мерзость.

Мерзостью названы в романе «Обитель» чаще всего человеконенавистничество и надругательство над святынями, «вызывающее отвращение до озноба» [1; Т. 1, 437], что ярко передает авторское отношение к происходящему, так как оценка происходящего содержится в словах повествователя.

Подобно гнусности и скверности, мерзость представляет собой нравственное преступление. Это можно объясняется тем, что субъект, находясь в состоянии варварства, сам является нечистым. «Мерзость – относительная характеристика, так как определение зависит от степени духовной зрелости оценивающего» [Там же].

Фраза «мерзость запустения», например, встречается трижды в Книге Пророка Даниила, в контексте апокалиптических видений: «... и на крыле [святилища] буде

мерзость запустения, и окончательная predetermined гибель постигнет опустошителя» [4; Дан. 9:27].

«И поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву, и оставит мерзость запустения» [4; Дан. 11:31]. «Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней» [4; Дан. 12:11].

Новый Завет, Евангелие от Матфея также повторяет это выражение (24:1): «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет» [5; Мф 24:1].

Мерзость запустения обозначает место поклонения Богу без Бога. Это разруха и заброшенность, опустошение, попрание святыни и грязь в том месте, которое было прежде святым и почитаемым.

Следовательно, именно о мерзости запустения идет речь в рассказе Гали Артему о цветущем месте, перевоплощенном в пепелище: пятьсот лет назад при первых, приплывших сюда монахах здесь был зеленый луг, а после пришествия большевиков осталось выжженное пространство. Отхожем местом кощунственно заменили Святой жертвенник, а в бывшей храме устроили эшафоты.

В духовной литературе слово утроба означало до конца XIX века внутренний мир человека. В молитвах сказано. «Дух прав обнови в утробе моей, Господи Человеколюбче», «Богу благоутробному принеси» [Там же; 21]. Здесь же слово «Благоутробен» объясняется так: «милосерден, добр» [6; 429]. Прилепинские герои понимают только то, что «утроба» – это желудок, который требует еды.

Будучи пространством насильственного исправления людей, преступивших законы, концлагерь не сможет спасти души: закон не спасает – спасает Благодать. Артем Горяинов – «плотский» человек, поэтому при побеге из Соловков он склоняет слово «плоть», синоним утробе, чтобы уравновесить свое душевное состояние и вернуть способность анализировать ситуацию, а в снах он прячется в утробе матери, понимая под утробой «родовой мешок для плода». Концептум слова «утроба», согласно определению в «Словаре русской ментальности», означает «плотское средоточие жизненных сил, внутреннюю, скрытую, глубинную сущность (сердце),местилище чувств; характеристику личности («волк по утробе вор, а человек от зависти»). Общеславянское слово «нутро», «внутренности»; древнерусское – сердце, а затем «утроба – подсознание» [1; Т2, 442]. Но в духовном смысле «благоутробие» – это внутренний, скрытый мир человека.

Протагонист романа, как и многие другие его персонажи, не может преодолеть «теплохладность», которую, по словам Господа, изрыгают из уст своих, потому что носит в себе без покаяния «ветхий гордый человек – Артем. Мерзость отцеубийства была совершена Артемом еще в студенческие годы, но он, в отличие от Мити Карамазова из романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, не испытывает вины, не считает нужным покаяться, а стремится забыть об отце и даже об оставшейся без семьи своей матери, страдающей от своей вины перед сыном. Мерзость греха становится тотальной, разрушает героя изнутри и превращает его в «теплохладное» существо, которое, по словам Библии, «будет извергнуто вон».

О переходе в «теплохладное» состояние говорят и попойки, которые устраивал Артем на даче отца, где было уничтожено пианино (наследство предков) во время пьяного дебоша и пожара, охватившего дом. Дыра в старинном пианино, черная и страшная, символизирует разлад в душе героя, его спуск в преисподнюю из-за своих порочных страстей.

Не случайно концепт ХОЛОД в разных коннотациях более ста раз используется в романе, слово «мерзость» – пятьдесят раз; слово «мразь» – более тридцати раз.

Чаще всего холод в романе «Обитель» упоминается в сочетании с отвратительной грязной водой. Так, говоря о своих давно умерших предках, автор в своих снах

оказывается в родной деревне. Он с тревогой в сердце бродит речному берегу, «у холодной и грязной воды», которая сменяется видением захламленного сарая, на него валится всякий хлам: «ему больно», он задыхается от пыли [3; 12].

Трагедию безблагодатной жизни не могут изменить ни страстное телесное влечение, ни призывы отца Иоанна подумать о бессмертии и подобию Богу. Холодная речная вода, грязная и мутная символизирует духовную особенность быта в семьях, где не было Веры и «черт» поминался значительно чаще, чем Бог.

Протагониста романа Артема Горяинова, как и других заключенных, зачастую окружает сырость, грязь, дождь и холод ветра. Священник отец Иоанн, зрящий во всем благодать и промысел Божий, уверен, что «на сердце иногда холодок, – так зиму в сердце пережить проще, чем зиму соловецкую», при условии, что сердце ищет и находит себе приют в любви Христовой [Там же; 44].

Священник, отдавший свою жизнь, чтобы согреть заключенных, ошибся: не «холодок», а ледяной камень лежал в груди Артема даже в конце романа, перед нелепой кончиной протагониста «без креста» на Соловках, где каждый камень освящен крестом. Общеизвестно, что в конце 18 – начале 19 веков на Соловецких островах сложилась особая ставрография. Крест был одним из основных памятников священного монастыря, опорной точкой духовно-символического пространства Соловков. Перед закрытием монастыря на островах насчитывалось около трех тысяч крестов: обетных, поклонных, придорожных, маячных, памятных. Кресты не просто были памятниками народной культуры, а навигационными значками символами спасения физического и почитаемыми знаками спасения духовного.

В 1920-е годы, когда ставить кресты на безымянных могилах убиенных и умученных заключенных запрещалось, выросла береза в форме креста. Казалось, что сама природа по воле Господа совершила чудо. Владыка Лавр, предстоятель русской зарубежной церкви, посетивший Соловки в 2001 году, написал об этом. Он поклонился Анзерскому Живому Кресту (особенно много было крестов на Анзере). Когда охранительные кресты воздвигались на древних языческих капищах Соловецкого архипелага, тогда капище теряло первоначальный смысл и становилось христианским памятником. Но святость места при жизни героев Захара Прилепина спасла не всех их.

Таким образом, можно констатировать, что концептум слова ХОЛОД и его коннотации (холодок, холодать, мерзнуть, мороз, мразь, мерзость другие) используются в романе в точном древнеславянском смысле, как и связанный с ними концептум УТРОБА. Изменение смысла этих слов, относящихся к духовной сфере, их примитивизация становится синонимом слова «чрево» как внутреннего физиологического (слова утроба) пространства (от чрева матери моей), отражает кризисные изменения в духовном мире русского человека, в котором «естественное мировоззрение в категориях и формах родного языка» в процессе познания соединяет и телесные данные, духовные и волевые качества национального характера в типических проявлениях» [6].

В романе «Обитель» происходит семантический сдвиг обоих концептумов: и «утроба», и «мороз», изменяющих свое первоначальное религиозное содержание. Меняется смысл у многих других слов: например, «обитель» превращается в место выживания физического.

В массовом религиозном сознании монастырь всегда выступал прообразом «Небесного Иерусалима», в который, согласно «Откровению Иоанна Богослова», не войдет ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи» [7]. Но в послереволюционное время Соловецкий монастырь хотели превратить в антимонастырь, что доказывается, в том числе, и введением автором-повествователем в текст романа большого количества коннотаций концепта ХОЛОД, означающего, по сути, одно – «утробный холод» человека, то есть, «оскудение» и полное исчезновение любви в сердце человека, согласно с Библейскими выражениями, «теплохладность», «мерзость запустения» и «благоутробие».

Ссылки на источники

1. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности В 2Т. // В.В. Колесов, Д.В. Колесова, Д.А. Харитонов - СПб.: «Златоуст», 2014.
2. Книга пророка Даниила // Библия // [Электронный ресурс] URL: <http://bibliya-online.ru/chitat-kniga-proroka-daniila-onlayn/>
3. Прилепин Захар. Обитель: роман.// З. Прилепин –М.: АСТ:, 2015. -746 с.
4. Евангелие по Матфею // [Библия] // [Электронный ресурс] URL: <http://bibliya-online.ru/chitat-evangelie-ot-matfey-onlayn/>
5. Православный молитвослов. - М.: ОЛМА Медиа-групп, 2013. -448 с.
6. Сухих, О.С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2015. №1,- С. 294-304.
7. Попова И. М., Глазкова М. М. Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 12 (декабрь). – С. 1–5. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15407.htm>.

Popova Irina Mikhaelovna,

Doctor of Philology, professor Tambov state technical university Tambov
kafruss@mail.ru

Glazkova Marina Mikhaelovna,

Candidate of Philology, associate professor The Russian philology The Tambov State Technical University, Tambov.

The artistic sense of realization of Biblical concepts in the novel by Zakhar Prilepin " the Monastery

Abstract. We study the dynamics of the mental concept of COLD in the aspect of its convergence with the meaning of Biblical expressions: "heat-coolness" and "abomination desolation". It is claimed that the artistic implementation of these Biblical concepts in the novel of Zahara prilepina "Resident" is derived by contrasting the changed meanings of the words "cold" and "warm", the result of which argues the highest degree of emptiness of the souls of the characters that have become "lukewarm", that is, blagodarnyi, indifferent to good and evil, the living and the dead, etc. Especially deep penetration "of teploplast" in the souls of men is shown by the writer on the example of the fate of the protagonist of the novel "Resident" Artem Goryainov, it never managed to stand on the side of kindness and compassion. The meaning of the artistic realization of the concept is to expose the mental aspects of the changes in this concept to reveal the depth of the spiritual crisis of the 1920s in Russia.

Key words and phrases: biblical concept; historical connotations of the concept.

СЕКЦИЯ 2

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова Любовь Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
pchelka-tmb@mail.ru

К вопросу о сильном и слабом глагольном управлении

Аннотация. В статье автор обращается к истории изучения вопроса сильного и слабого управления в русском языкознании. Исходя из семантики слова, в теоретическом плане анализируются обязательные и содержательно и структурно факультативные распространители глаголов лексико-семантической группы созидания. На общем анализе предложных и предложно-падежных словосочетаний глаголов делается вывод о том, что семантика глагола и управляемого им имени существительного имеет большое значение для характеристики сильного и слабого управления.

Ключевые слова: глаголы созидания, глагольное слово, лексическое значение, модель управления, падеж, синтаксическая позиция, распространитель, семантика слова, семантическая сочетаемость, сильное управление, слабое управление, управляемое слово, управляющее слово.

В семантической структуре предложения глагол, как известно, занимает центральное положение, он образует его ядро. Семантические свойства глагола-предиката определяют собой наличие в конструкции того или иного распространителя, сочетаемость же глагола с различными субстантивами объясняется характером обозначаемого им действия в реальной действительности [сравните: 6, с. 156]. По мнению А. Л. Шарандина, «как по следам птиц и животных можно расшифровать какой-нибудь эпизод из жизни леса, описать ситуацию, участников, которых на месте уже нет, так и в предложении по глаголу-предикату мы можем воссоздать общую картину действительности, ситуации и определить ее участников» [16, с. 111].

Многие образованные глаголом-предикатом сочетания с именами существительными оформляются по способу управления. Надо отметить, что словосочетания, в которых глагол управляет зависимым словом, требуя его постановки в определенной падежной форме с предлогом или без него, – это самый разнообразный вид глагольных словосочетаний. И у ведущих русских лингвистов многие вопросы управления вызвали немалый интерес. Над проблемами управления в определенной степени работали такие известные ученые прошлого, как А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Х. Востоков, С. И. Абакумов, а также современ-

ные известные языковеды Ю. Д. Апресян, Н. Ю. Шведова, Г. А. Золотова, Г. М. Дорофеева, М. В. Всеволодова, З. Д. Попова, Е. С. Скобликова и многие другие. В работах А. М. Пешковского, А. Х. Востокова, С. И. Абакумова, Е. С. Скобликовой и многих других ученых прошлого и современности управление понимается как вид «подчинительной связи в словосочетании, при котором главное слово требует постановки зависимого в определенной словоизменительной форме» [3]. Такое определение понятия управления в грамматике считается традиционным.

Научно понятие «управление» впервые глубоко и разносторонне представлено в работе А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении». Им же разработано и учение о двух видах управления: слабым и сильным. Сильное управление в его понимании – это такая «зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь» [12, с. 285–286]. А если ни словарная, ни грамматическая сторона глагола не влияет на управление, то управление следует считать слабым. Слабая связь не существенна для значения глагола, и в такой связи с именами существительным могут находиться почти все глаголы. А. М. Пешковский также отмечал, что сильное управление может различаться степенью силы и что иногда между сильным и слабым управлением могут быть переходные случаи [12, с. 288]. Кроме того, ученый обращал внимание и на тот факт, что в роли зависимых слов при управлении могут выступать слова только одного лексико-грамматического разряда – существительные. Развивая учение об управлении, многие языковеды отходили от взглядов А. М. Пешковского, сужая или, напротив, расширяя понимание управления ученого, что, безусловно, свидетельствует о сложности данной проблемы. Так, например, ряд исследователей предложно-падежные сочетания с обстоятельственным значением склонны причислять к слабому управлению или вообще не видят в них управления, причем это иногда наблюдается даже в тех случаях, когда очевидна зависимость от семантики глагольного слова, например: *жить в деревне, приехать в страну, отдыхать в парке*. Тенденцию сужения понятия управления можно проследить в работах Н. Ю. Шведовой. Ученый считает управляемыми именными формами только те, в которых заключены объектные, субъектные и комплетивные значения. Формы имен с обстоятельственным значением Н. Ю. Шведова относит к «именному примыканию» [17]. Другие исследователи в подобных случаях говорят о «свободном присоединении» [9], о «мотивированном управлении» [5] или об «аналоге управления» [7]. М. Д. Лесник придерживается мнения, что употребление косвенного падежа имени существительного при управлении обусловлено лексическим значением управляющего слова [9, с. 97], и понимает под управлением лишь сильное управление, как это трактует А. М. Пешковский. Если же управляемая форма в словосочетании не зависит от лексических и грамматических свойств глагола, то в подобных случаях М. Д. Лесник усматривает «падежное примыкание». З. Д. Попова не соглашается с данным подходом ученого и утверждает, что «относить слабо управляемые косвенные падежи к примыкающим нет оснований» [13, с. 310]. Отмечая предметный характер управления как его особенность, Е. С. Скобликова пишет, что имена существительные в определенных падежах при управлении употребляются «в соответствии с потребностью выразить реальное соотношение обозначаемого этим словом предмета с другим предметом и явлением и в соответствии с теми специфическими для каждого языка традиционными нормами, которые определяют способ грамматически обобщенного обозначения подобных соотношений» [15, с. 26].

В результате разных взглядов на определение круга явлений, касающихся понятия управления, сегодня в отечественном языкознании обозначилось два направления понимания этого вида подчинительной связи в словосочетании: широкое и узкое. Со-

глашаясь с неточностью традиционного определения управления, с различной совокупностью факторов, которые определяют выбор управляемой формы при управлении, представители «широкого» понимания управления сходятся во мнении, что «традиционная схема не требует конкретной перестройки», но «ее теоретическая трактовка и обоснование нуждаются в существенных уточнениях» [15, с. 23]. Они убеждены в том, что выделение сильного и слабого управления не способствует выяснению особенностей управления как одного из способов грамматической связи слов и что вопрос о видах управления относится к области семантики. По утверждению Е. С. Скобликовой, «различия, связанные с “силой” управления, не отражаются на грамматической форме управляемого слова: она не реагирует на эти различия. И естественно, неправомерно видеть разные синтаксические приемы там, где именно синтаксически характер соотношения с предметом выражается неодинаково» [15, с. 67].

Относительно вопроса связей между словами нам представляется интересным позиция Г. А. Золотовой, которая выделяет три типа слов. А) Слова абсолютного значения, т.е. слова закрытой семантики, которые самодостаточны и не нуждаются в обязательном распространителе. В) Слова открытой семантики, нуждающиеся в обязательном распространителе в определенной форме. С) Слова открытой семантики, которые нуждаются в обязательном уточнении в одной из ряда форм, выражающих нужный смысл [8, с. 48]. Думается, что именно учет семантико-синтаксических свойств слов в определении их связей позволит решить многие вопросы, касающиеся глагольного управления. При коммуникативном аспекте, безусловно, все словосочетания являются важными. Коммуникативное задание диктует необходимость использования конкретных слов, значение которых становится явным либо при абсолютном их употреблении (самодостаточные слова), либо в сочетании с другими словами, если это слова открытой семантики.

Исследуемые нами в синтаксическом аспекте глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) созидания в силу своей переходности не отличаются своей самостоятельностью. Они требуют уточнения, поэтому позиция прямого объекта действия для данной группы глаголов обязательна, в сочетании с ним глаголы созидания реализуют свое номинативное значение. Изучение сочетаемости глаголов созидания показало, что форма управляемого слова определяется лексическим значением глагольного слова. А это в свою очередь свидетельствует о том, что глагольное управление имеет лексический характер. А. М. Мухин, говоря о лингвистической природе управления, полагает, что «управление в сущности является лексической связью, которая реализуется в минимальной лексической, относительно актуализованной синтагме в определенной форме» [11, с. 51].

Давно отмечено, что в сочетаемости глагола с падежными формами существительных наблюдается определенная закономерность: признаки глагола семантически подчиняют себе признаки субстантивов, которые дополняют содержание глагола. Именно эта закономерность в сочетаемости глагола с объектными именами позволяет считать управление лексической связью по своей природе. В процессе акта коммуникации глагол конкретизирует свое значение, и в зависимости от целей говорящего формируется круг сочетающихся с ним имен. Как известно, «значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова; оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений...» [4, с. 65]. Из вышеприведенного утверждения В. В. Виноградова следует, что номинативную значимость слова составляет все то, что закрепляется за этим словом в результате его функционирования в речи и что в итоге составляет его семантическую

структуру, или содержательный аспект. Глагольное управление отражает связи, относящиеся к явлениям объективного мира. За падежными формами кроется значение связи управляющего и управляемого слова; это результат воздействия глагола на управляемое слово. З. Д. Попова, на наш взгляд, дает очень точное определение управлению. Она понимает под управлением «такой вид связи слов, который путем выбора косвенного падежа с предлогом или без предлога отражает осознанные мышлением объективные связи, зависимости, взаимодействия между предметами, явлениями, процессами, признаками и т.п., мыслимыми как отдельные самостоятельные сущности» [13, с. 310].

В рамках управления нами рассматриваются объектные и обстоятельственные распространители; различается содержательно обязательная/факультативная и структурно факультативная сочетаемость глаголов ЛСГ созидания. Обязательность и факультативность глагольных распространителей различается по необходимости их включения в завершённую синтаксическую конструкцию. Для глаголов созидания обязательной является позиция прямого объекта, который конкретизирует значение глагольной лексемы. Содержательно факультативные распространители называют элементы ситуации, которые входят в нее и определяют ее специфику, но реализуются при особой коммуникативной необходимости. Им свойствен ограниченный круг распространителей, а также допускается возможность их замены тождественными формами. Так, например, в позиции орудия действия могут выступать существительные в *Тв.п.* без предлога, *П.п.* с предлогом *на*, *Род.п.* с предлогами *при помощи*, *с помощью*. А содержательно факультативная позиция способа действия при глаголах созидания может быть представлена формами *Тв.п.* без предлога, *Тв.п.* с предлогом *с*, *Дат.п.* с предлогом *по*, *Вин.п.* с предлогом *на*, *Род.п.* с предлогом *с* [см. подробнее 2]. Содержательно обязательная / факультативная сочетаемость, оформляемая по способу управления, представляет собой содержательное ядро лексического значения глаголов ЛСГ созидания. Семантическая структура глаголов ЛСГ созидания может быть представлена в виде следующей формулы:

субъект (² им.п.) + глагол + объект (В.п) + материал (Р.п.)

+ инструмент (¹ Тв.п., Р.п., П.п.) + способ действия (Тв.п., Д.п., В.п., Р.п.)

Сейчас появилось много фирм, изготавливающих окна из поливинилхлорида экономическим способом. Дверь надежная, задвижка скована из хорошего шведского железа с соблюдением соответствующих параметров. Мальчик лепил своих зверушек из мягкого пластилина, конечно, по памяти. Прежде носки вязали спицами из неокрашенной шерсти (Из газет).

Основу этой семантической формулы составляет простая модель «глагол + сущ.». Действие модели следующий: существительные с предлогом и существительные без предлога относятся по смыслу к сочетанию «глагол + сущ.» в целом, а грамматически имена в словосочетаниях находятся в зависимости от глагола, поскольку он является стержневым словом всей модели. Приведенная выше семантическая формула представляет собой типичные условия воспроизведения денотативного значения глаголов изготовления. А круг в представленных позициях модели сочетающихся слов есть постоянный их семантический контекст. Лексическая наполняемость объектных позиций именами существительными или их эквивалентами непосредственно зависит от значения конкретного глагола и им определяется. Реализуя вещественное значение глагола, данная семантическая формула получает синтаксическую завершенность, и это по праву позволяет считать ее коммуникативно-синтаксической единицей, иначе говоря, употребляться в качестве самостоятельного предложения.

Вышеуказанная семантическая формула сочетаемости глаголов созидания отражает их коммуникативную значимость, в ней отражено все то, что закрепляется за словом в результате его функционирования в речи и что составляет его содержательный аспект. В процессе реализации формулы семантической сочетаемости глагола

при выражении объектных отношений наблюдается взаимодействие лексического значения глагольного слова и грамматического значения управляемых падежных и предложно-падежных форм имен существительных. В значениях сочетающихся с глаголом словоформ практически повторяется один и тот же смысловой компонент. Такое совместное участие (лексическое значение глагола и грамматическое значение существительного) позволяет установить наиболее тесную и необходимую связь между сочетающимися словами, сравните: *ткать ковер, ткать из шерсти, ткать на станке; дуть колбы, дуть из стекла, дуть обычным способом*. Однако в условиях конкретного употребления максимальный контекст выступает не всегда, а лишь по мере необходимости. В основном глаголы созидания реализуют свое значение в минимальном контексте, называя деятеля и прямой объект, на который переходит действие. Это объясняется тем, что дополнительные распространители образуют в языке стереотип. Ведь материал, инструмент (орудие), средство или способ действия, выступая в качестве атрибутов процесса действия, однотипны и в силу языковой экономии остаются незадействованными, однако имплицитно они всегда наличествуют в ситуации создания объекта.

Значение глаголов созидания очень тесно связано с обстоятельственными характеристиками [см. подробнее 1]. Локальный, финальный, каузальный, темпоральный распространитель, а также обстоятельства условия и уступки представляют структурно факультативные позиции глаголов созидания. Не входя явно в значение глагола, они предопределены его предметно-вещественным значением и реализуются в речи лишь при особой коммуникативной необходимости. Сочетаемость глаголов созидания с обстоятельственными распространителями объясняется характером обозначаемого семей «деятельность» трудового процесса в реальной действительности. (Сема «деятельность» определяет родовое понятие ЛСГ созидания). Мы подробно обращаемся к семантике глаголов ЛСГ созидания потому, что, как нам представляется, именно семантика глагольного слова и управляемого им имени существительного имеет решающее значение для характеристики сильного и слабого управления. При сильном управлении форма управляемого имени существительного предопределяется лексическим значением управляющего глагольного слова, поскольку она определяет его значение, воспроизводит денотат этого слова. Следовательно, сильное управление существует там, где связь сочетающихся между собой слов вызвана лексической семантикой глагола и где управляемая форма имени существительного конкретизирует значение глагола. Структурно факультативные распространители глагола также важны как единицы информации в плане номинации ситуации. Связь глаголов созидания с субстантивами в данных позициях определяется категориальными свойствами слова. И в подобных случаях управление следует считать слабым.

Итак, глагол реализует свое значение, сочетаясь с определенными падежными и предложно-падежными формами имен существительных в составе предложения. Любая разновидность сочетаемости глагола с именем оформляется посредством управления, специфичным признаком для которого является предопределенное семантикой глагола употребление определенной падежной формы имени или одной из ряда возможных. Учение об управлении, по нашему убеждению, должно рассматриваться как учение об употреблении падежей, которое задается семантикой слов, образующих словосочетание. Семантика глагольного слова и управляемого существительного, на наш взгляд, позволяет определить рамки сильного и слабого управления.

Ссылки на источники

1. Архипова Л. В. Структурно факультативные обстоятельственные распространители глаголов класса действия как закономерное проявление их категориальных свойств// Язык – достояние науки, культуры и общества. – Тамбов, 2007. – С. 7–12.

2. Архипова Л. В. Формула сочетаемости глагольного слова как речевая реализация виртуального знака в практике обучения иностранных учащихся русскому языку // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги, перспективы. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 245–253.
3. Википедия. [Электронный ресурс]. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Управление\(лингвистика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Управление(лингвистика)) (дата обращения 28.09.2018).
4. Виноградов В. В. Избранные труды / Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 375 с.
5. Дорофеева Т. М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола. – М.: Русский язык, 1986. – 112 с.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1730300/> (дата обращения 04.10.2018).
7. Золотова Г. А. К понятию управления. // Рус. яз. за рубежом. – 1971. – No 2. – С. 58–62.
8. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1845057/> (дата обращения 11.09.2018).
9. Лесник М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском литературном языке // К вопросу управления (приглагольного и приименного). – Рига, 1957. – С. 5–34.
10. Малащенко В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1972. – 171 с.
11. Мухин А. М. Управление как лексическая связь // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. – М., 1971. – Ч. 2. – С. 50–53.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lektsii.org/8-15825.html> (дата обращения 01.10.2018).
13. Попова З. Д. Виды подчинительной связи слов как отражение категории объективной действительности // Мат-лы по рус.-слав. языкознанию. – Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та. 1963. – С. 307–310.
14. Прокопович Н. Н. Некоторые вопросы управления в современном русском языке // РЯНШ, 1959. – No 3. – С. 28–36.
15. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1597493/> (дата обращения 11.09.2018).
16. Шарандин А. Л. Лексическая семантика русского глагола в морфологическом освещении: Учебное пособие. – Л., 1990. – 137 с.
17. Шведова Н. Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания // Грамматика современного русского литературного языка. – М.: 1970. – С. 486–511.

Arkhipova Lyubov' Vladimirovna,

Candidate of Philology, Ph. D. in Philology of the Tambov state technical university, Tambov
pchelka-tmb@mail.ru

The issue of strong and weak verbal government

Annotation: In the article the author refers to the history of studying the issue of strong and weak government in Russian linguistics. Based on the word semantics, mandatory and optional in structure and meaning verb expanders of the lexico-semantic group of creation are analyzed. Based on a common analysis of prepositional and prepositional-nominal verb phrases it is concluded that the verb semantics and semantics of the governed noun is important for the characteristics of strong and weak government.

Key words: verbs of creation, verbal word, lexical meaning, government model, case, syntactic position, expander, word semantics, strong government, weak government, governed word, governor.

Гальцева Анжелика Александровна,

кандидат филологических наук, доцент, старший педагог дополнительного образования ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
angel30111974@yandex.ru

Грамматические ошибки в потоке эфирной речи

Аннотация. Предметом исследования послужили грамматические ошибки, допускаемые в речи телеведущими, государственными и общественно-политическими деятелями, работниками шоу-бизнеса, актерами театра и кино в прямом эфире телеканалов НТВ, Россия, Первый, зафиксированные в результате личных наблюдений за последние три года. Целью данного исследования явилось выявление воз-

можных причин отклонения от норм языка в каждом конкретном случае. Приведенные примеры нарушения грамматических норм помогут любому заинтересованному лицу исключить из собственной речи похожие ошибки.

Ключевые слова: Грамматическая ошибка, грамматическая норма, речевая культура, потоковая речь.

Речевая культура является неотъемлемой частью каждого человека. Умение четко и правильно формулировать свои мысли – залог успеха в любой сфере человеческой деятельности. Владея нормами родного языка, умело используя его выразительные средства, говорящий легко достигает целей коммуникации.

Правильность речи, её коммуникативная значимость, логичность и точность изложения, ясность, доступность и чистота, а также выразительность и эстетичность – это основные составляющие речевой культуры, которыми не должен пренебрегать любой образованный человек.

Обратившись к истории языка, нельзя не вспомнить периоды, когда нормы речевой культуры ощутимо пошатнулись. Например, в постреволюционный период 20-х годов прошлого столетия речь людей, занимавшихся общественной деятельностью, была наполнена диалектными, а часто и жаргонными выражениями.

Похожая ситуация наблюдалась и в 90-е годы, когда в речь газет и телевидения вошел разговорный язык, так как возможность высказаться публично появилась у людей, которые раньше были лишены такой возможности.

Несомненно, СМИ того периода предоставили возможность познакомиться обществу с новыми словами и явлениями действительности. Весте с тем, «перестроенное» телевидение ввело в оборот не только калькированные выражения типа «оставьтесь с нами», «уходим на рекламу», но и восходящие интонации обращения друг к другу ведущих: «Антон?» - «Анна?», чуждые русскому языку. Если раньше с экранов телевидения звучала грамотная, отредактированная речь, бывшая эталоном для российских граждан, то теперь в прямом эфире слышим неподготовленную и часто неграмотную речь.

К сожалению, на мой взгляд, проблема «неидеальности» телевизионной речи остается актуальной. Не будем брать во внимание звучащие в эфире интервью некоторых молодых «звёзд», пытающихся выделиться из тысяч подобных «известностей» оригинальной манерой изъясняться, где оригинальность заключается, видимо, в том, что они совершенно не стесняются своей безграмотности. Наверное, во всякого рода ток-шоу, где выставляется на всеобщее обозрение личная жизнь публичных людей, это возможно, хотя и с большим трудом, считать оправданным и допустимым.

Речь дикторов и ведущих новостных программ, бесспорно, должна быть грамотной.

Больше всего огорчают допускаемые ими грамматические недочеты и грубые ошибки. Рассмотрим самые распространённые из них.

1. Нарушение связи между подлежащим и сказуемым:

- 1) *Он вместе с женой решились на усыновление осиротевшего ребёнка;*
- 2) *Она первая, кто раскрыла тайну усыновления;*
- 3) *Соседи известили компетентные органы, что к детям, проживающим в данной квартире, никто, даже представители опеки, за последние несколько дней не приходили;*
- 4) *Большинство экстренных служб уже уехали.*
Именно об этом захотели узнать большинство зрителей канала НТВ.
- 5) *Прошло почти минута времени.*

Анализируя данные отступления от грамматической нормы, в некоторых случаях можно попытаться предположить причины ошибок. В первом предложении предлог *вместе* провоцирует использование множественного числа при употреблении сказуемого. В данном случае правильным следует считать употребление местоимения *они*,

чтобы подчеркнуть именно обоюдность принятия решения об усыновлении. Если же в высказывании делается акцент на главу семьи, то целесообразнее подчеркнуть такой приоритет употреблением глагола в форме мужского рода *усыновил*.

Во втором предложении не может быть никаких других вариантов употребления, кроме глагола в форме мужского рода, так как конструкции типа *первые, кто пришли; последние, кто записались* с субстантивированным прилагательным-подлежащим в главном предложении являются разговорными и неуместны в официальных новостных сообщениях.

Грамматикой русского языка оговорена допустимость употребления глагола в форме множественного числа в придаточном предложении после относительного местоимения *кто* (в функции союзного слова) при условии, что в главном предложении соотносительное слово и сказуемое тоже стоят во множественном числе, что подчеркивает множественность производителей действия.

Похожая ситуация складывается и в четвертом предложении, где при подлежащем, которое имеет в своем составе собирательное существительное *большинство*, сказуемое может стоять в единственном числе (грамматическое согласование) и во множественном числе (согласование по смыслу) при определенных условиях. Но наблюдения показали, что в последнее время в телевизионной речи отдается необоснованное предпочтение употреблению сказуемого во множественном числе после местоимения *кто*, собирательных существительных *меньшинство*, *большинство* и слов *много*, *мало*, *немного*, *немало*, *сколько*, *столько* без учета смысловых и грамматических нюансов, а в случаях с местоимением *кто* даже в вопросительных конструкциях. Например, *Кто из отличившихся выпускников были награждены почётной грамотой?* Считаю данную тенденцию, настойчиво пытающуюся сделаться нормой, нелогичной, безосновательной. Выбор правильной формы сказуемого осложняется тем, что опорные слова подлежащего типа *ряд*, *большинство*, *множество* фактически обозначают множество предметов или явлений как совокупность. Отсюда появляется вольность в согласовании сказуемого, и, как следствие, провоцирование грамматических ошибок.

В третьем и пятом предложениях налицо грубейшие нарушения грамматических норм русского языка. При неопределенных и отрицательных местоимениях *некто*, *кто-то*, *никто* и пр. сказуемое ставится исключительно в единственном числе, а в прошедшем времени глагола – в форме мужского рода, даже в том случае, когда говорится о лице женского пола. В пятом же предложении употребление сказуемого в форме среднего рода, видимо, спровоцировано существительным *время*, тогда как оно должно быть согласовано с существительным *минута*.

2. Нарушение управления – наиболее распространенная ошибка. Часто практически невозможно обосновать причину её возникновения.

1) *Для Вас легко дался процесс выхода из СССР?* Причиной данной ошибки, возможно, явилось смешение управления прилагательного *легким* (*для кого?*) и глагола *дался* (*кому?*). В потоке речи говорящий синтезировал две синонимичные фразы: *Для Вас лёгким оказался процесс выхода из СССР?* и *Вам легко дался процесс выхода из СССР?*

2) *Налицо полное несоответствие с героями, показанными на экране.* В данном предложении имеет место синтез словосочетаний *несоответствие героям* и *несовпадение с героями*.

3) *Общественность настаивает на суровом наказании виновным.* Имеет место смешение словосочетания *назначать наказание виновным* и *настаивать на наказании виновных*.

4) *Яблоки проходят между двух пресс.* Причиной употребления неправильной падежной формы в данном случае можно считать устаревшую традицию употребле-

ния Р.п. после предлога *между*, а также функционирующий в современном языке фразеологизм *между двух огней*. В настоящее время нормой считается употребление падежной формы Т.п., то есть *между двумя прессами*.

5) *Хотелось бы, чтобы об этом увидели люди*. Здесь происходит смешение словосочетаний *увидели это* и *узнали об этом*.

6) *Каждая единица товара оснащена штрихкодом и гарантирует нас от подделок*. Синтезируются словосочетания *гарантирует нам* и *оберегает/ограждает от подделок*.

7) *МИД России пытался достучаться российским туристам о том, что следует думать, куда они едут*. В данном случае грамматическая ошибка в отсутствии предлога *до* после глагола с одноимённой приставкой и соответственно и в неправильном употреблении падежной формы в нескольких словах, а также пропуск слова и неуместное употребление указательного местоимения. Налицо синтез словосочетаний *достучаться до российских туристов* и *объяснить, что...* и *пытался объяснить, что ...*.

8) *Погибшая была помощником прокурора города за рассмотрением дел о несовершеннолетних*. Ошибка в употреблении предлога. Вместо *за рассмотрением* следовало употребить *по рассмотрению*.

9) *Чиновник бесполезно пытался объяснить ситуацию для присутствующих*. Ошибка в употреблении ненужного предлога. Правильно *объяснить присутствующим*.

10) *Для многодетной матери оказанная неизвестным лицом помощь была большая поддержка на данном моменте*. Ошибка в способе выражения именной части в составном сказуемом после глагола-связки. Правильно употребить именную часть в Т.п., то есть *была большой поддержкой*, а также имеет место смешение словосочетаний *поддержка в данный момент* и *поддержка на данном этапе*.

11) *Молодой поэт посвятил стихотворение на эту тему*. Синтезируются словосочетания *посвятил этой теме* / *написал на эту тему* и *стихотворение на тему*.

12) *...вопреки о том, что мы сегодня обсуждаем*. Распространенная ошибка во употреблении предлогов *вопреки* и *согласно*. В соответствии с грамматической нормой следует употреблять Д.п.

3. Нарушение в построении сложного предложения. Самой распространенной ошибкой здесь является употребление двух однотипных членов предложения (предложения 1, 3) и неоправданное соседство двух подчинительных союзов в придаточном предложении (предложение 2).

1) *Для художников, которые работали после революции, их роль заключалась в том, чтобы плакаты были яркими и наглядными*.

2) *На встрече с избирателями кандидат рассказал, что откуда он родом и как собирается воплощать свои обещания в жизнь*.

3) *Артисты - они творческие люди и в некоторых ситуациях бывают очень наивными*.

4) *Чтобы не заболеть, мама даёт мне витамины*. В данном случае нарушение в построении сложного предложения ведёт к искажению смысла или к неоднозначной его трактовке: *мама дает лекарство сыну, чтобы не заболеть самой или чтобы не заболел сын?*

4. Нарушение порядка слов в предложении.

1) Ошибочное местоположение частицы, место которой закреплено после слова, к которому оно относится: *Обрести снова маму – это же разве не счастье?*

2) Ошибочное местоположение или наличие ненужного предлога: *Давайте встретимся через минут десять; Вернулся подозреваемый поздно, в двадцать минут второго ночи*.

5. Употребление общего зависимого слова при однородных сказуемых с разным управлением:

- 1) *Россия помнит и гордится своими героями.*
- 2) *Сюжет фильма о том, что у героев будет шанс сравнить и поспорить с новым поколением.*

В заключение следует сказать, что в большинстве случаев в потоковой эфирной речи грамматические ошибки имеют случайный характер и возникают спонтанно вследствие высокого темпа передаваемой информации, но стремление сделать экранную речь эталонной должно быть приоритетным, так как в современном мире, к сожалению, интернет и телевидение оказывают влияние на молодое поколение больше, чем школа и семья, следовательно, их основным назначением должно быть повышение уровня образованности своих зрителей, слушателей и пользователей.

Ссылки на источники

1. Справочно-информационный портал Грамота РУ – русский язык для всех. - <http://new.gramota.ru/spravka/phrases>. [Дата обращения 06.11.2018]
2. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке. Печатное издание: М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2005.

Angelica Galtseva,

candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Teacher of Additional Education, Tambov State Technical University, Tambov

angel30111974@yandex.ru

Grammatical errors in the stream of ether speech

Annotation: The subject of the study was grammatical errors made in speech by TV presenters, government and public figures, show business workers, theater and film actors live on NTV television channels, Russia, Pervaya, recorded as a result of personal observations over the past three years. The purpose of this study was to identify the possible causes of deviations from the norms of the language in each particular case. The given examples of violations of grammatical norms will help any interested person to exclude similar mistakes from his own speech.

Key words: Grammar mistake, grammatical norm, speech culture, stream speech.

Губанова Тамара Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, старший педагог дополнительного образования Тамбовского государственного технического университета г. Тамбов

gubanowatoma@mail.ru

Максимова Ольга Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, старший педагог дополнительного образования Тамбовского государственного технического университета г. Тамбов

OMax.jvfx@yandex.ru

Изучение темы «Имя прилагательное» на уроках русского языка как иностранного (из опыта работы с иностранными учащимися по учебному пособию «Прилагательные – краски русского языка»)

Аннотация. В статье обобщается опыт работы с иностранными учащимися по учебному пособию «Прилагательные – краски русского языка» авторов Губановой Т.В. и Максимовой О.В. Описывается и анализируется система упражнений, направленная на быстрое и эффективное усвоение темы «Имя прилагательное» иностранцами, изучающими русский язык на подготовительном факультете Тамбовского государственного технического университета.

Ключевые слова: имя прилагательное, русский язык как иностранный, учебное пособие.

В.В. Виноградов [1], характеризуя своеобразие грамматических форм имен прилагательных, писал: «В современном русском языке имена прилагательные — это самая многочисленная после имен существительных армия слов». Целью преподавания русского языка иностранным учащимся является их подготовка к сложной речевой деятельности — обучению на русском языке, что предполагает высокий уровень понимания морфологических и синтаксических функций всех частей речи, и в первую очередь, основных: имени существительного, глагола и имени прилагательного. Вот почему остро назрела необходимость в создании учебного пособия, охватывающего основные аспекты функционирования имени прилагательного в русской речи. В 2017 году на кафедре «Русская филология» Тамбовского государственного технического университета было подготовлено и издано учебное пособие для иностранных учащихся «Прилагательные – краски русского языка»

Настоящее пособие предназначено для работы с иностранными студентами, изучающими русский язык на подготовительных факультетах в российских вузах, и может быть использовано параллельно с учебниками по русскому языку или независимо от них. Пособие включает упражнения, охватывающие один из важных для иностранцев разделов морфологии: имя прилагательное, а также теоретический материал, представленный в обобщающих таблицах, наличие которых дает учащимся возможность выполнять задания не только под руководством преподавателя, но и самостоятельно.

Специально разработанные упражнения направлены на закрепление, активизацию и развитие навыков владения русским языком и построены на основе наиболее частотных конструкций разговорного, научного и научно-популярного стилей. В пособие включены пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания и отрывки из русской поэзии, а также тексты из энциклопедий.

Каждый раздел пособия построен по принципу: от простого к сложному, что позволяет сформировать умения и навыки употребления полных и кратких прилагательных, а также прилагательных в сравнительной и превосходной степени в устной и письменной речи. Особое место отводится заданиям, требующим анализа художественно-поэтического текста и его интерпретации, а также нахождения изучаемых форм имени прилагательного или их подстановки в нужной форме [2].

Знакомство иностранных учащихся с именем прилагательным начинается с вопроса: «Зачем нужны прилагательные? Можно ли без них обойтись?» [2]. Далее учащимся предлагается сравнительная таблица, в которой приведены два текста, характеризующих студента, университет и курс. Первый текст лаконичен и не содержит конкретной информации: «Я студент. Это университет. А это наш курс». Второй обогащен прилагательными, характеризующими данные объекты: «Я новый студент. Это Тамбовский государственный технический университет. А это наш подготовительный курс». Учащиеся без труда выявляют отличия в полноте содержания текстов и точности информации. На основе наблюдений делается вывод об основной функции имени прилагательного – признак, характеристика предмета.

Далее учащимся предлагается текст «Рисунок», составленный авторами пособия, сопровождающийся заданиями нетворческого (чтение и ответы на вопросы по содержанию текста) и творческого характера, предполагающего ответ на вопрос «Какого цвета ваш мир? Какого цвета ваше счастье?»:

«Маленький мальчик рисует. Вот высокое голубое небо и круглое жёлтое солнце, белые облака. Внизу широкая синяя река. Плывёт большая коричневая лодка. Вот берег, зелёная трава, красные и синие цветы. Вот маленький дом. Мальчик рисует маленький мир и большое счастье» [2].

Знакомство с именем прилагательным продолжается путем введения большого лексического материала, построенного таким образом, чтобы, с одной стороны облег-

читать учащимся освоение большого объема лексики (антонимичные пары прилагательных), с другой стороны, материал разбит на несколько тематических блоков: цвет, характеристика человека, вкус и так далее.

Затем, поскольку больше всего имен прилагательных производится от основ существительных, следует ознакомительная информация о способах образования имен прилагательных, что необходимо для того, чтобы учащиеся поняли механизм превращения имени существительного в прилагательное.

Информация о морфологических моделях имен прилагательных представлена в таблице в упрощенном виде, что позволяет обучаемым прийти к выводу о том, что в русском языке существуют следующие модели имен прилагательных:

Модель	Как <u>ой</u> ?	Как <u>ая</u> ?	Как <u>ое</u> ?	Как <u>ие</u> ?
1 А)	<u>-ой</u> голуб <u>ой</u> прост <u>ой</u> молод <u>ой</u> жив <u>ой</u>	<u>-ая</u> голуб <u>ая</u> прост <u>ая</u> молод <u>ая</u> жив <u>ая</u>	<u>-ое</u> голуб <u>ое</u> прост <u>ое</u> молод <u>ое</u> жив <u>ое</u>	<u>-ые</u> голуб <u>ые</u> прост <u>ые</u> молод <u>ые</u> жив <u>ые</u>
Б)	-г- дорог <u>ой</u> -к- городск <u>ой</u> -х- плох <u>ой</u> -ж- чуж <u>ой</u> -ш- больш <u>ой</u>	дорог <u>ая</u> городск <u>ая</u> плох <u>ая</u> чуж <u>ая</u> больш <u>ая</u>	дорог <u>ое</u> городск <u>ое</u> плох <u>ое</u> чуж <u>ое</u> больш <u>ое</u>	<u>-ие</u> дорог <u>ие</u> городск <u>ие</u> плох <u>ие</u> чуж <u>ие</u> больш <u>ие</u>
2 А)	<u>-ый</u> нов <u>ый</u> стар <u>ый</u> зелён <u>ый</u>	<u>-ая</u> нов <u>ая</u> стар <u>ая</u> зелён <u>ая</u>	<u>-ое</u> нов <u>ое</u> стар <u>ое</u> зелён <u>ое</u>	<u>-ые</u> нов <u>ые</u> стар <u>ые</u> зелён <u>ые</u>
Б)	<u>-ий</u> -г- строг <u>ий</u> -к- русск <u>ий</u> -х- тух <u>ий</u>	<u>-ая</u> строг <u>ая</u> русская <u>я</u> тух <u>ая</u>	<u>-ое</u> строг <u>ое</u> русское <u>е</u> тух <u>ое</u>	<u>-ие</u> строг <u>ие</u> руссские <u>е</u> тух <u>ие</u>
В)	<u>-ий</u> -ж- свеж <u>ий</u> -ш- хорош <u>ий</u> -ч- горяч <u>ий</u> -щ- общ <u>ий</u>	свеж <u>ая</u> хорош <u>ая</u> горяч <u>ая</u> общ <u>ая</u>	<u>-ее</u> свеж <u>ее</u> хорош <u>ее</u> горяч <u>ее</u> общ <u>ее</u>	<u>-ие</u> свеж <u>ие</u> хорош <u>ие</u> горяч <u>ие</u> общ <u>ие</u>
3	<u>-ий</u> сүн <u>ий</u>	<u>-яя</u> сүн <u>яя</u>	<u>-ее</u> сүн <u>ее</u>	<u>-ие</u> сүн <u>ие</u>

Несомненно, особое внимание авторы пособия обращают на прилагательные 3 типа (на –ний), сопоставляя их с прилагательными 2-го типа (на –ный). Что впоследствии закрепляется системой упражнений, направленных на выработку навыков употребления прилагательных с твердой и мягкой основой.

Для того, чтобы учащиеся имели представление о зависимости имени прилагательного в роде, числе и падеже от формы имени существительного, их вниманию предлагается сказка «Об имени прилагательном»:

«Жило-было в стране Грамматика Имя Прилагательное. Было оно бедным и одиноким. Однажды решило Прилагательное найти себе друга. Но Глагол сказал, что занят спряжением и у него уже есть друг Наречие. Местоимения вообще ничего не сказали и убежали.

Мимо проходило Имя Существительное и пригласило Прилагательное в гости. Конечно, Прилагательное с радостью согласилось. Оно на всё было согласное! Друзья пили чай, разговаривали. Потом Существительное показало Прилагательному свои

богатства: мужской, женский и средний род, единственное и множественное число, и шесть падежей! Прилагательное загрустило, так как у него ничего не было. Доброе Существительное поделилось с другом своими богатствами: и родом, и числом, и падежом.

С тех пор Прилагательное очень часто встречается с Существительным. Они дружат и согласуются в роде, числе и падеже.

Кто из них главнее? Догадались! Конечно, Существительное. Прочитайте эти предложения, и вы всё поймёте.

У меня есть хороший друг^[м.р., ед.ч., Им.п.] и хорошая подруга^[ж.р., ед.ч. Им.п.]. У нас всегда хорошее настроение^[ср.р., ед.ч., Им.п.]. Мы очень хорошие друзья^[мн.ч. Им.п.]» [2].

К тексту сказки составлены вопросы, позволяющие обобщить первые морфологические знания, полученные при знакомстве с новой для них частью речи.

Далее следует большой блок упражнений, направленных на формирование автоматических навыков согласования форм имен прилагательных с существительными, к которым они относятся.

С целью закрепления освоенного ранее лексического материала учащиеся должны выполнить занимательные задания. Например: Прочитайте характеристики и догадайтесь, какие это люди. Поставьте вместо точек прилагательные в нужной форме.

1. Андрей очень много читает и много знает. Он ... студент.
2. У Марины много друзей. Она ... девушка.
3. Олег любит только себя. Он ... человек.
4. Игорь быстро бегают и хорошо играет в футбол. Он ... мальчик.
5. Серёжа любит спать и мало работает. Он ... человек.
6. Мария работает целый день и мало отдыхает. Она ... женщина.
7. Денис всегда помогает людям. Он ... юноша.
8. Саша часто обижает людей. Он ... мальчик.
9. Лариса редко улыбается. Она очень ... студентка.
10. Мои друзья всегда помогают мне. Они ... друзья.
11. А какой человек вы?
12. Охарактеризуйте ваших друзей.

Слова для справок: любознательный, эгоистичный, энергичный, ленивый, трудолюбивый, дружелюбный, добрый, злой, серьёзный, умный, настоящий [2].

Для введения имени прилагательного в речь следует система упражнений, направленная на продуцирование связного текста-описания внешности человека.

В качестве образца предлагается текст-полилог с системой вопросов, подводящих учащихся к осмыслению текста и составлению собственного высказывания на заданную тему:

«Меня зовут Пол. Я и мои друзья часто обедаем в кафе. Сегодня у нас был очень интересный разговор. Сначала Али сказал:

– Моя Фатима очень красивая. У неё такие большие чёрные глаза!

– А у моей Эллы карие глаза! Это тоже очень красиво! – ответил я.

– Самые красивые глаза – синие, как небо! Как у моей Марины! – сказал наш друг Саша. Мы долго спорили, какие глаза самые красивые, но не нашли ответ.

Потом я сказал:

– Моя Элла очень стройная, у неё такая тонкая талия!

– Извини, я не люблю худых девушек, – ответил Али.

– А я люблю спортивные фигуры, – сказал Саша. И мы опять долго спорили, какая фигура самая красивая, но ничего не решили.

– У Фатимы прекрасные волосы: длинные, чёрные, как ночь! – сказал Али.

– Да, волосы должны быть длинные, – согласился Саша, – и светлые, как золото.

Моя Марина – натуральная блондинка.

– А какие волосы у Эллы? – спросил Али. Я улыбнулся.

- У Эллы короткие кудрявые волосы. Но она и её подруги часто делают причёски «африканские косички». И их волосы могут быть синие, красные, жёлтые или зелёные.
- Да, эти девушки такие непостоянные! – сказал Саша.
- И капризные! – вздохнул Али.
- И упрямые! – согласился я.

Мы так и не решили, какие глаза и волосы самые красивые. А как вы думаете?

Ответьте на вопросы: 1. Как зовут друзей? 2. Как зовут девушку Пола? 3. Как зовут девушку Али? 4. Как зовут девушку Саши? 5. Какие глаза у Фатимы? 6. А какие глаза у Эллы? 7. Какие глаза у Марины? 8. Какая фигура у Эллы? 9. Какие фигуры любит Али? 10. Какие фигуры любит Саша? 11. Какие волосы у Фатимы? 12. А у Марины? 13. Какие волосы у Эллы? 14. какой спор был у друзей? 15. Как вы думаете, какие глаза самые красивые? 16. Как вы считаете, какая женская фигура самая красивая? 17. Как вы думаете, какие волосы самые красивые? Задание для девушек: Расскажите, какие мужчины самые красивые» [2].

Далее авторы учебного пособия вводят блок «Падежные формы имени прилагательного», состоящий из семи частей: Винительный падеж при неодушевленных именах существительных, Винительный падеж при одушевленных именах существительных, Дательный падеж, Родительный падеж, Творительный падеж, Предложный падеж, Падежные формы имени прилагательного. Обобщение. Каждая из частей построена по принципу «от простого к сложному». Теоретическая информация представлена в виде таблиц, после которых следует система упражнений на закрепление употребления падежных форм. Завершают каждый подраздел задания, направленные на развитие речи и требующие от учащихся творческого подхода: составление собственных высказываний, текстов, анализа и интерпретации художественно-поэтических текстов.

Например, при изучении форм винительного падежа прилагательных при одушевленных именах существительных обучаемым предлагается прочитать и проанализировать стихотворение М.И. Цветаевой «Полюбил богатый - бедную...»

Полюбил богáтый – бédную,	золотой – золотая монета
Полюбил учёный – глúпую,	медная полушка – ½ медной копейки
Полюбил румяный – блédную,	купец – merchant
Полюбил хоро́ший – врédную:	роскошество – богатство – wealth, luxury
Золотóй – полу́шку ме́дную.	дырявый – full of holes
– Где, купéц, твоё роско́шество?	лукошечко – bast basket
– Во дыря́вом во луко́шечке!	гордец – arrogant man
– Где, горде́ц, твой учёности?	щёки – cheeks
– Под поду́шкой у девчо́нки!	
– Где, красáвец, щёки áлые?	
– За ночь чёрную – растáяли.	
– Крест сере́бряный с цепóчкой?	
– У девчо́нки под сапо́жками!	
Не люби́, богáтый, – бédную,	
Не люби́, учёный, – глúпую,	
Не люби́, румяный, – блédную,	
Не люби́, хоро́ший, – врédную.	
Золотóй – полу́шку ме́дную! [3]	

Вопросы, составленные к тексту стихотворения, позволяют учащимся не только затренировать формы винительного падежа прилагательных при одушевленных существительных, но и осмыслить идейно-поэтическое содержание художественного произведения. Вопросы: 1. О чём это стихотворение? 2. Опишите главного героя текста. Какой он? 3. Почему поэт называет своего героя «Золотой»? 4. Опишите героиню

стихотворения. Какая она? 5. Почему Марина Цветаева называет женщину «полушка медная»? 6. Что произошло дальше? Где богатства купца? Как вы думаете, что значит выражение «в дырявом лукошке»? 7. Что значит гордец? 8. Где он потерял свой ум? 9. Какие теперь у него щёки? Как вы думаете, почему? 10. Что сделал герой с серебряным крестом? Как вы считаете, что это значит? 11. Скажите, это хорошая, счастливая любовь? 12. Как вы думаете, почему так произошло? 13. Обратите внимание, что в этом тексте много имен прилагательных и мало существительных. Поэт не говорит, кто герои его стихотворения. Как вы считаете почему? [2]»

При обобщении падежных форм имени прилагательного большой интерес у учащихся вызывает рекламный следующий текст и задания к нему:

«Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ) – основной технический университет в Тамбовской области и Центральном Черноземье. 55 лет ТГТУ готовит инженерные и научно-педагогические кадры, оказывает серьёзное влияние на экономику, науку, образование и культуру региона.

Университет динамично развивается в условиях рыночной экономики. Научные исследования, которые ведут учёные и студенты ТГТУ в области информационных технологий, биотехнических систем, радиотехнических средств, нанотехнологий, являются основами для широкого вхождения университета в мировое научно-образовательное пространство.

Особое внимание в ТГТУ обращается на уровень магистерской, аспирантской и докторской подготовки. Основной целью работы вуза является готовность наших студентов, аспирантов и докторантов к карьерному росту в области образования, науки и современной техники для химической, пищевой и перерабатывающей, авиационной и космической промышленности, энергетики, приборостроения, оптоэлектроники и радио, строительства и транспорта».

Ответьте на вопросы: 1. Что значит ТГТУ? 2. Для какого региона вуз готовит специалистов? 3. Сколько лет существует вуз? 4. Какие кадры готовит ТГТУ? 5. Какое влияние ТГТУ оказывает в регионе? Что значит выражение «оказывать влияние»? 7. В каких условиях работает и развивается университет? 8. В каких областях ведут исследования учёные и студенты ТГТУ? 9. Каково значение этих исследований? 10. Что значит выражение «уделять внимание»? Чему в ТГТУ уделяется особое внимание? 11. То является основной целью работы Тамбовского государственного технического университета? 12. В каких областях работают выпускники ТГТУ?

Составьте свой рекламный текст, прорекламируйте:

1. Факультет международного образования ТГТУ. 2. Факультет, на котором вы будете учиться в будущем. 3. Учебное заведение, которое вы уже окончили. 4. Один из вузов вашей страны [2].

На продвинутом этапе изучения русского языка предполагается знакомство с краткими формами прилагательных. Раздел «Краткие формы прилагательных» состоит из трех частей: Образование кратких форм прилагательных, Употребление кратких форм прилагательных и Падежные формы существительных при кратких формах прилагательных.

Образование кратких форм прилагательных, как известно, не вызывает трудностей у иностранных учащихся, однако существенные затруднения представляет подвижность ударения и беглость гласных в этих формах. В связи с этим в качестве справочного материала даны таблицы «Сложные случаи образования кратких форм имен прилагательных» и «Ударение в кратких формах прилагательных».

Особое внимание при изучении кратких прилагательных уделяется разнице в значении полных и кратких форм прилагательных. Трудность снимает таблица, представляющая разницу значений и система упражнений, позволяющая учащимся на практике использовать обе формы.

Следующий раздел учебного пособия, состоящий из двух подразделов, посвящен изучению степеней сравнения имени прилагательного. Оба подраздела построены по единому принципу: теоретический материал, система упражнений, направленных на закрепление форм, задания, формирующие развитие устной и письменной речи.

Особое внимание уделяется употреблению формы сравнительной и превосходной степени имени прилагательного в разговорном, художественном и научном стилях речи: при характеристике человека, природных явлений, деятельности человека и т.д. С этой целью учащимся предлагаются задания такого типа:

1) Прочитайте пословицы. Прилагательные в скобках поставьте в простой сравнительной форме. Объясните значение пословиц: 1. Своя рубашка (близко) к телу. 2. Запретный плод (сладкий) 3. Любая дорога (веселый) вдвоём. 4. Правда (дорогая) денег. 5. Ум хорошо, а два (хорошо).

2) Дайте характеристику предмету, используя превосходную степень.

Алмаз, золото, страус, Россия, Сахара, русский язык, Вторая Мировая война, Тихий океан, Антарктида, Шекспир, Исландия.

3) Составьте свои предложения по данным моделям, используйте превосходную степень прилагательного. Расскажите о следующих фактах или явлениях.

1. Река Ариль в Европе имеет длину 84 метра (маленький). 2. В Китае проживает 2 миллиарда человек (многонаселенный). 3. В столице Италии Риме расположено государство Ватикан (маленький). 4. Тихий океан покрывает 1/3 планеты (крупный). 5. В Долине Смерти в Калифорнии зафиксирована температура 56,7 градусов Цельсия (высокий). 6. В Северном Ледовитом океане расположен остров Гренландия. Его площадь – 2 166 086 км² (большой). 7. Формирование котловины озера Байкал продолжается около 30 миллионов лет (древний). 8. Высота действующего вулкана Этна составляет 3 323 метра (высокий). 9. Большая часть земли, круглый год покрытая снегом и льдом, находится в Арктике и Антарктике (холодный). 10. Атлантическое побережье Ньюфаундленда район Канады (туманный) [2].

В последнем разделе пособия «Тренировочные и контрольные материалы» даны задания, позволяющие еще раз повторить и закрепить изученный материал в системе, а также осуществить контроль усвоения учащимися темы «Имя прилагательное» в целом.

Завершают пособие приложения: Сложные случаи образования кратких форм имен прилагательных, Ударение в кратких формах прилагательных, Простые формы сравнительной степени, Русско-английский словарь имен прилагательных, - которые можно использовать как справочный материал не только на подготовительном, но и продвинутом этапах обучения.

Создавая данное учебное пособие, авторы стремились снять трудности изучения и употребления в речи иностранцами русских имен прилагательных. Практика показала, что коммуникативные по характеру упражнения имеют свое естественное продолжение не только в формировании у учащихся прочных навыков употребления имени прилагательного в устной и письменной речи, но и вызывают интерес к изучению русского языка и осознанию его богатства, и красоты, и красок.

Ссылки на источники:

1. Виноградов В.В. Русский язык / СЛОВАРИ.РУ | ГРАММАТИКА [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=8#s001>
2. Губанова Т.В. Прилагательные – краски русского языка : учебное пособие для студентов-иностранцев / Т.В. Губанова, О.В. Максимова ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. техн. ун-т». – Тамбов : Принт-Сервис, 2017. 128 с.
3. Цветаева М.И. «Полюбил богатый бедную» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.tsvetaeva.com/poems/polubil_bogatyi

Gubanova Tamara Vasilyevna

Candidate of Philology, associate professor, senior additional education teacher of the Tambov state technical university Tambov

gubanowatoma@mail.ru

Maximova Olga Vasilyevna

Candidate of Philology, associate professor, senior additional education teacher of the Tambov state technical university Tambov

OMax.jvfx@yandex.ru

Studying of the subject "Adjective" at Russian lessons as foreign (from experience with foreign pupils according to the manual "Adjectives — Russian Paints")

Summary: In article experience with foreign pupils according to the manual "Adjectives — Russian Paints" by authors Gubanova T.V. and Maximova O.V. is generalized. The system of exercises directed to fast and effective assimilation of the subject "Adjective" by the foreigners learning Russian at preparatory faculty of the Tambov state technical university is described and analyzed.

Keywords: adjective, Russian as foreign, manual.

Иванова Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук, ст. пед. доп. обр., Тамбовский государственный технический университет, Тамбов

Iveera1@yandex.ru

Ильина Светлана Анатольевна

кандидат филологических наук, ст. пед. доп. обр., Тамбовский государственный технический университет, Тамбов

Vaska24@yandex.ru

Презентация феминативов на уроках русского языка как иностранного

Аннотация. Статья посвящена вопросу презентации названий женщин, произведенных от наименований лиц мужского пола, в иноязычной аудитории. Анализируя материалы толковых словарей русского языка, а также учебные пособия по русскому языку как иностранному, на примере соотносительной пары «преподаватель» - «преподавательница» авторы указывают на необходимость не только научить инофонов основным словообразовательным моделям образований феминативов, но и сделать акцент на стилистическую дифференцированность использования их в речи.

Ключевые слова: лексикографический анализ, лексический минимум, методика преподавания русского языка как иностранного, парные образования, род наименований лиц женского пола по профессии, феминативы

Вопрос именования лиц женского пола по профессии в русском языке является проблемным: преобладание андроцентричной составляющей не всегда соответствует нашим коммуникативным потребностям. В современную эпоху, когда в сферах профессиональной деятельности нивелируются границы гендерного статуса, именование по должности в соответствии с именованиями мужского рода не способствует точности речи, стремление к которой порой порождает некорректные сочетания существительных, обозначающих профессию, с определениями и сказуемыми, например: «моя доктор», «инженер сказала» и пр.

В практике преподавания русского языка как иностранного педагог неизбежно сталкивается с вопросом, как научить иностранных учащихся правильно называть людей по тому или иному лексико-семантическому признаку и использовать данный навык с учетом гендерного статуса субъекта речи хотя бы в ограниченном наборе ситуаций.

Иностранцы, изучающие русский язык, помимо собственно лексем, называющих персону, должны усвоить несколько словообразовательных моделей, по которым в русском языке происходит именование лиц мужского или женского пола.

По данным Словаря грамматических вариантов русского языка, различается три основных типа соотносительных мужских и женских суффиксальных образований: 1) группа женских названий, образованных путем присоединения к бессуффиксному имени мужского рода суффикса женского рода (*чемпион – чемпионка, спортсмен – спортсменка*); 2) женские названия, образованные путем присоединения к суффиксальному имени мужского рода суффикса женского рода (*турист – туристка, победитель – победительница*); 3) названия, образованные путем присоединения суффикса к основе и представляющие женскую параллель к суффиксальным образованиям мужского рода (*певец – певица, горожанин – горожанка*) [1].

Изучая русский язык, учащиеся встретятся со всеми этими моделями. По рекомендации составителей Лексического минимума по русскому языку как иностранному, инофоны, владеющие языком на уровне В1, должны знать следующие феминативы: американка, англичанка, артистка, аспирантка, больная (сущ.), госпожа, гражданка, иностранка, испанка, китайка, москвичка, немка, певица, пенсионерка, преподавательница, продавщица, русская (сущ.), студентка, ученица, учительница, школьница [2].

Наиболее продуктивны названия с суффиксами –ка, -ица, поскольку с их помощью образовано около 90% всех женских соответствий, являющихся стилистически нейтральными [1]. Именно с этой моделью иностранные учащиеся встречаются уже на первом занятии на этапе знакомства друг с другом и с преподавателем, когда они учатся представляться, сообщать собеседнику минимальную контактную информацию о себе, сталкиваясь с оппозицией *студент – студентка*. Лица мужского пола учатся произносить: «Я студент», а лица женского пола – «Я студентка». Учащиеся логично делают вывод, что показателем феминности в русском языке служит финалия «-а».

Однако этот вывод иностранцы вполне могут поставить под сомнение, когда услышат от женщины-педагога фразу: «Я преподаватель». Определенное недоумение вызовет и форма «преподавательница», с которой учащиеся, уже привыкшие к тому, что слово «преподаватель» одинаково применимо к лицам и мужского, и женского пола, обязательно встретятся на последующих уроках русского языка.

Лексемы «преподаватель» и «преподавательница» включены в лексический минимум элементарного уровня [3]. Презентуя их на уроке, целесообразно объяснить иностранным учащимся, когда уместно использовать это слово применительно к лицу женского пола.

Обратимся к словарям и проследим закономерности использования лексем «преподаватель» и «преподавательница» в речи носителей русского языка.

В Толковом словаре живого великорусского языка, первое издание которого вышло в свет в последней четверти XIX века, отдельной словарной статьи для рассматриваемой лексемы не выделено, она включена в статью, посвященную глаголу *преподавать – учить чему, наставлять читать или передавать кому науку ... преподаватель, -ница, учитель, наставник* [4].

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова слова «преподаватель» и «преподавательница» помещены в отдельные словарные статьи: «преподаватель - человек, профессионально занимающийся преподаванием чего-нибудь, преим. в учебных заведениях (учитель, профессор и т.п.). || Человек, преподающий в высших учебных заведениях предметы, не требующие специальной ученой квалификации и не имеющий ученого звания» [5], «преподавательница - "женск." к "преподаватель"». [5]. Как видим, у основного значения лексемы, называющей человека по роду деятельности, появилось добавочное лексическое значение, указывающее на квалификационную характеристику лица, которое выполняет эту работу.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова объясняет значение рассматриваемой лексемы следующим образом: преподаватель – это работник средней или высшей школы, преподающий какой-н. предмет, ж. преподавательница [6] - как видим, никаких дополнительных оттенков значения ни форма наименования мужчины, ни форма наименования женщины не имеют.

Вышедший в свет в 2003 году «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.В. Дмитриева. дает очень подробное толкование этого слова. Здесь даны три значения слова преподаватель, ж. преподавательница: «1. Это человек, который обучая кого-либо чему-либо (обычно в среднем специальном или высшем учебном заведении), передает сообщает ему сведения из какой-либо области знания; 2. Когда говорят, что к кому-либо пригласили преподавателя, имеют в виду, что его пригласили для обучения кого-либо на дому. 3. Преподаватель – это одно из званий сотрудников высшего учебного заведения, занимающихся преподаванием, обучением студентов» [7]. Показательно, что, иллюстрируя первое значение слова примерами его употребления, авторы дают фразу «*Она работает преподавателем в театральном училище*»: форма мужского рода для обозначения женщины является равноправной с формой мужского рода для обозначения мужчины, и хотя в начале словарной статьи и дана форма ж.р. *преподавательница*, примеров ее использования в речи не приводится.

Комплексный словарь русского языка под редакцией А.Н. Тихонова, толкуя слово «преподаватель», отмечает: «о мужчине и женщине», но вместе с этим в следующей словарной статье как отдельную лексику для обозначения лица женского пола дает слово *преподавательница*. [8].

И наконец, согласно Толковому словарю названий женщин, *преподавательница* – женщина, преподающая в учебном заведении или частным образом к.-л. предмет, обучающая кого-л. [9].

По данным Словаря русских синонимов, представленного на сайте <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>, частота употребления слова «преподавательница» составляет 225 раз на ≈ 300 млн. слов, тогда как слово преподаватель используется значительно активнее - 1763 раза на ≈ 300 млн. слов. [10].

Как видим, лексикографический анализ словарных статей, представленных в словарях за период, больший чем сто лет, с одной стороны, показал колебания в презентации лексемы «преподавательница», которые являются отражением процесса стабилизации и закрепления обозначения профессиональной принадлежности женщины к изначально мужской профессии, а с другой стороны, демонстрирует сохранение формы мужского рода для обозначения статуса женщины в сфере образования.

Начиная обучение иностранцев русскому языку, русист может какое-то время использовать только форму мужского рода, что соответствует свойственной уроку ситуации официально-делового общения, когда предпочтительнее использовать наименования мужского рода для обозначения лица женского пола: «В строгом стиле письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной прозе отчасти и в разговорной речи отмечается тенденция к использованию существительных муж. рода для названия женщин. Даже в тех случаях, когда легко образуется суффиксальная параллель жен. рода, предпочитается “мужской” вариант с обобщенным значением деятеля безотносительно к полу названного лица», - отмечается в Словаре грамматических вариантов русского языка [11]. Приоритет использования наименований мужского рода для обозначения лиц женского пола – своего рода дань традиции, так как только во второй четверти XX века женщины стали заниматься видами деятельности, ранее считавшимися исключительно мужскими. Очень показателен в этом плане пример Софьи Ковалевской, которой еще в конце XIX не было позволено преподавать в высшем учебном заведении в России. [12] В иноязычной аудитории следует обратить внимание учащихся на недопустимость использования фраз типа «Наша преподаватель объяснила», указав на ошибочное согласование подлежащего с определением и сказуемым.

Анализ учебных пособий, адресованных иностранным учащимся, показывает, что слово *преподавательница* чаще всего отсутствует в т.н. вводных курсах, и это несколько «смягчает» фонетический материал урока, понижает уровень сложности репрезентации на первом занятии. Не секрет, что многосложное слово «*преподаватель*» для некоторых учащихся является труднопроизносимым, а артикуляция феминатива «*преподавательница*» сопряжена дополнительными трудностями. Для материала урока вполне достаточно фраз типа «*Моя сестра – преподаватель*» [13], «*А это наш преподаватель Нина Ивановна*» [14], «*Моя мать преподаватель*» [15], «*Наш преподаватель Ольга Ивановна говорит, что мы большие оптимисты*» [16].

Феминатив «*преподавательница*», как правило, вводится в активный лексический запас инофонов на этапе словообразовательной работы.

Именно такой логике следует подача материала в книге Э.В. Витковской и др. «Учебник русского языка для студентов-иностранцев подготовительного факультета»: с лексемой «*преподаватель*» учащиеся знакомятся на этапе презентации звука [л'] [17]. Во второй части учебника для словообразовательной работы предлагаются слова «*школьница*», «*учительница*» - студентам нужно определить состав слова, выделить корень суффикс и окончание в словах *школа, школьный, школьник, школьница, учить, учитель, учительница, учебник*. На этапе изучения творительного падежа в текст упражнений включается слово «*преподавательница*» наряду с лексемами «*переводчица*», «*лаборантка*», «*журналистка*» [18].

Авторы современных учебников русского языка для иностранцев продолжают данную практику, презентуя сначала только лексему «*преподаватель*» как при определении рода деятельности мужчин, так и женщин. Словообразовательная модель на –НИЦА, как правило, представлена позже [19, 20, 21].

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает учебник «Русский язык – мой друг», который во вводном фонетико-грамматическом курсе знакомит учащихся со словом «*преподаватель*» относительно и мужчины, и женщины: «*Здравствуйте, я ваш преподаватель. Меня зовут Андрей Петрович Орлов*»; «*Это его жена. Её зовут Людмила. Она преподаватель*». [22]. Приступая к объяснению категории рода в русском языке, авторы учебника сразу же приводят слова, называющие человека по роду деятельности, которые следует запомнить, т.к. они могут относиться как к мужчине, так и к женщине:

«Эти слова имена существительные - мужского рода:

врач – он врач, она врач,
профессор – он профессор, она профессор,
доктор - он доктор, она доктор,
инженер – он инженер, она инженер,
агроном – он агроном, она агроном,
юрист – он юрист, она юрист,
фармацевт – он фармацевт, она фармацевт» [23].

Здесь же показаны словообразовательные модели, по которым от наименований лиц мужского пола, образуются наименования лиц женского пола: «студент – студентКА, аспирант – аспирантКА, журналист – журналистКА, иностранец – иностранКА, / преподаватель – преподавательНИЦА, учитель – учительНИЦА, школьник – школьНИЦА, ученик – учениЦА». Чуть позже, под заголовком «Обратите внимание на употребление слов!» дается пояснение, что «*преподаватель*» он и она – это официальная форма, а «*преподавательница*» – это разговорная форма [23]. И хотя в словарных статьях, которые мы рассматривали выше, помета «разг.» к слову *преподавательница* не встретилась, очевидно, такой комментарий для иностранцев вполне оправдан, так как на данном этапе владения русским языком глубокий экскурс в стилистику не будет понят учащимися. Между тем, подобное упрощенное объяснение четко доносит до сведения инофонов, что употребление лексемы «*преподавательница*» не

всегда будет уместно, несмотря на то что этот феминатив довольно активно используется в нейтральных стилях речи (примеров тому в учебнике «Русский язык – мой друг» довольно много).

Таким образом, задача преподавателя русского языка как иностранного при презентации именовании, маркированных женским родом, заключается в том, чтобы научить инофонов основным словообразовательным моделям образований лексем, используемых при назывании женщин, сделав акцент на стилистическую дифференцированность использования феминативов в речи.

Ссылки на источники

1. Граудина Л.К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. Яз. Им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стер. М.; Астрель: АСТ, 2008. – 555 с. - С. 137.
2. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина и др. (электронное издание). — 7-е изд. — СПб.: Златоуст, 2015. — 200 с.
3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина, Т.В. Козлова (электронное издание). — 5-е изд. — СПб.: Златоуст, 2015. — 80 с. С. 36.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Рус.яз., 1998 — Т.3. — 555 с. - С.394.
5. Толковый словарь русского языка. Т. III / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: ООО ИЗДАТЕЛЬСТВО Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 720 с. - С. 746.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Рус.яз., 1986. — 797 с. — С 505.
7. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст. свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 1582 с. - С. 992.
8. Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов и др.; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова. — М.: Рус. яз.- Медиа, 2005. — XVI, 1228, с. С. 766.
9. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц / Н.П. Колесников. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. — 608 с. - С. 359.
10. Словарь русских синонимов // <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/преподавательница>, дата обращения 01.10.2018; <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/преподаватель> / дата обращения 01.10.2018.
11. Граудина Л.К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. Яз. Им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стер. М.; Астрель: АСТ, 2008. – 555 с. - С. 138.
12. 12 Воронцова Л.А. Софья Ковалевская, М. изд-во «Молодая гвардия» 1957 г. 341 с.
13. Масленникова И.Л., Ермолаева Н.В., Горохова Л.А., Учебник русского языка для лиц, говорящих на арабском языке. Часть 1. Вводный курс. М. «Военное издательство Министерства обороны СССР», - 1967 г. 342 с. — С. 108.
14. Ермолаева Н.В., Масленникова И.Л., Горохова Л.А., Учебник русского языка. Книга 1. М. «Военное издательство Министерства обороны СССР», - 1976 г. 612 с. — С. 40.
15. Ипатова Т.Н. Практическая фонетика русского языка: Постановочный курс для слушателей, говорящих на арабском языке. М. «Военное издательство Министерства обороны СССР», - 1979 г. 172 с. С. 136.
16. Галеева М.М., Журавлева Л.С., Нахабина М.М. и др. Старт-1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР: Вводный курс. Книга для студента. М., «Русский язык», 1981. С. 148.
17. 17 Витковская Э.В., Горлова Э.К. Маевская Г.Е. и др. Учебник русского языка для студентов-иностранцев подготовительного факультета. Ч.1, Харьков — М.: КОДА — Инфолайн» 1994 г. С. 32.
18. 18 Витковская Э.В., Горлова Э.К. Маевская Г.Е. и др. Учебник русского языка для студентов-иностранцев подготовительного факультета. Ч.2. Харьков — М.: КОДА — Инфолайн» 1994. - С. 37, 153.
19. Овсиенко Ю.Г. Русский язык для начинающих: учебник (для говорящих на английском языке) / Ю.Г. Овсиенко. — 12 изд., испр. — М.: Рус. яз., 2005. 472 с.
20. Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов: Уровень А 1(элементарный). — 2-е изд., испр. —СПб.:Златоуст, 2011. — 320 с.
21. Аникина М.Н. Лестница: Учебник по русскому языку для начинающих / М.Н. Аникина. — М.: Русский язык. Курсы, 2015. — 464 с.
22. Русский язык – мой друг. Базовый уровень: Учебник русского языка для студентов-иностранцев / Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. — 3-е изд., испр. И доп. — М.: РУДН, 2011. С. 52-53.
23. Русский язык – мой друг. Базовый уровень: Учебник русского языка для студентов-иностранцев / Под ред. Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. — 3-е изд., испр. И доп. — М.: РУДН, 2011. С. 83.

Ivanova Irina Sergeevna,

Ph.D. in Linguistics, Senior teacher of supplementary education, Tambov State Technical University, Tambov
Iveera1@yandex.ru

Ilyina Svetlana Anatolyevna,

Ph.D. in Linguistics, Senior teacher of supplementary education, Tambov State Technical University, Tambov
Vaska24@yandex.ru

Presentation of Femininitives at the Lessons of Russian as a Foreign Language

Abstract. The article is dedicated to the issue of presentation of female job titles, derived from male job titles, to the English-speaking audience. The authors study the materials of explanatory dictionaries of the Russian language as well as training manuals on teaching Russian as a foreign language, and they undertake a detailed analysis of the pair of gender-specific job titles 'преподаватель' - 'преподавательница', which is the Russian for teacher in masculine and feminine. As a result, the authors come to the conclusion that inofones (i. e. foreign students) should be taught not only the main models of femininitive formation, but also stylistic differences of their use in speech, and the latter aspect is to be emphasized.

Key words: lexicographic analysis, lexical minimum, methodology of teaching Russian as a foreign language, pairs of gender-specific job titles, gender of words that mean female job titles, femininitives.

Нарбекова Оксана Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный технический университет», г.Тамбов
oksanaa-n@mail.ru

Начёрная Светлана Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
НОЧУ ВО «Московский экономический институт», г.Москва
svetlana_nachrna@mail.ru

Работа с текстом художественного произведения на уроках РКИ: анализ и пересказ

Аннотация. В статье рассматриваются методы работы с текстом художественного произведения (анализ и пересказ) на уроках русского языка как иностранного. Подчеркивается, что при анализе текста художественного произведения необходимо обращать внимание на его грамматические и стилистические особенности; при пересказе текста художественного произведения важным является «квантование» текста и речевого потока. Рабочим материалом при написании статьи послужили тексты современного автора Т.Н.Толстой и классика русской литературы Л.Н.Толстого.

Ключевые слова: слово, предложение, текст, рассказ, анализ, пересказ, вопрос, квант, квантование, модель.

Художественный текст так или иначе отражает национальную картину мира. Чтобы понять особенности национального мышления, необходимо обращаться к текстам художественных произведений как можно чаще.

Обращение к текстам художественных произведений на уроках РКИ «способствует повышению интереса к изучению русского языка»[1]. Преподаватель РКИ работает на уроках с текстами художественных произведений как с целью непосредственного обучения языку, так и с целью расширения границ языковой культуры студентов-иностранцев. Кроме того, такая работа помогает учащимся понять аксиологию русской культуры.

Художественное произведение у иностранцев нередко вызывает трудности в восприятии, в понимании смысла и, конечно, им непросто пересказать текст.

В настоящей статье мы представим следующие методы работы с текстом: анализ художественного текста на примере двух фрагментов рассказа Т.Толстой «На золотом крыльце сидели» и пересказ художественного текста на примере рассказа Л.Н.Толстого «Косточка».

С рассказом Т.Толстой «На золотом крыльце сидели» студентам предлагается ознакомиться самостоятельно, после чего вместе с преподавателем им необходимо пройти путь анализа: от отдельного слова, фразы в контексте самого произведения - к элементам «высшего» уровня – теме, идее, причем, размышление над прочитанным идет в синхронном режиме. Решающая роль тут отводится преподавателю, призванному детально обдумать, грамотно провести такую работу.

Рассказ предваряет известная детская считалка, в первой строке которой повторяется название рассказа:

*На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты такой?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых людей! [2]*

Работа с текстом начинается с попытки осмыслить слова считалки, а значит, и название рассказа:

- Прочитайте название рассказа, прочитайте эпиграф к нему. Как вы думаете, почему Татьяна Толстая первую строчку детской считалки использует в названии рассказа?

Учащиеся предполагают, что в рассказе речь будет идти о детстве: о времени, которое связано с детством, возможно, о воспоминаниях детства, о его радостных или грустных моментах. Детская считалка ставит главный вопрос жизни: кто ты такой? - то есть, кто ты? какой ты? что ты выбираешь?

Далее читаются фрагменты рассказа, и каждый фрагмент анализируется.

Перед чтением первого фрагмента преподаватель ставит перед учащимися вопрос, нацеливая их на определенное восприятие и осмысление:

- Как начинается рассказ? С чем сравнивает детство автор?

Текст читается вслух:

«Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте; золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен; на юг – колодец с жабами, на север – белые розы и грибы, на запад – комариный малинник, на восток – черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки. Говорят, рано утром на озере видели совершенно голого человека. Честное слово. Не говори маме. Знаешь, кто это был?.. – Не может быть. – Точно, я тебе говорю. Он думал, что никого нет. А мы сидели в кустах. – И что вы видели? – Все.

Вот это повезло! Такое бывает раз в сто лет. Потому что единственный доступный обозрению голый – в учебнике анатомии – ненастоящий. Содрав по этому случаю кожу, нагловатый, мясной и красный, похвастается он ключично-грудино-сосковой мышцей (все неприличные слова!) перед учениками восьмого класса. Когда (через сто лет) мы перейдем в восьмой класс, он нам тоже все это покажет.

Таким же красным мясом старуха Анна Ильинична кормит тигровую кошку Мемеку. Мемека родилась уже после войны, у нее нет уважения к еде. Вцепившись четырьмя лапками в ствол сосны, высоко-высоко над землей, Мемека застыла в неподвижном отчаянии.

- Мемека, мясо, мясо, мясо!

Старуха потряхивает тазик с антрекотами, поднимает его повыше, чтобы кошке было лучше видно.

- Ты посмотри, какое мясо!

Кошка и старуха с тоской смотрят друг на друга. «Убери», - думает Мемека.
- Мясо, Мемека!

В душных зарослях красной персидской сирени кошка портит воробьев. Одного такого воробья мы нашли. Кто-то содрал скальп с его игрушечной головки. Голый хрупкий череп, как крыжовина. Страдальческое воробьиное личико. Мы сделали ему чепчик из кружавчиков, сшили белую рубашечку и похоронили в шоколадной коробке. Жизнь вечна. Умирают только птицы»[2;31-32].

После прочтения фрагмента даются вопросы и задания следующего характера:

- Обратите внимание на фразу: «Без конца и края, без границ и заборов...» - как автор развивает, конкретизирует ее?

- Замените существительные с предлогом без существительными с приставкой без-(бес). К какой части речи относятся полученные слова? Какое значение они имеют? Какой возникает образ?

- «...в шуме и шелесте...» - какие звуки наполняют сад? Повторение каких согласных звуков помогает понять это, услышать их?

- Как вы думаете, почему Татьяна Толстая называет детство садом? С чем писательница ассоциирует детство? А какие ассоциации вызывает это слово у вас? Попробуйте составить ряд, цепочку своих ассоциаций.

- Какой эпизод заканчивается словами «Не говори маме»? Подумайте, почему писательница вспоминает о нем?

- Что такое фразеологизм? В вашем языке есть фразеологизмы? Найдите фразеологизмы в тексте. («Раз в сто лет», «через сто лет»). Что они означают? С какой целью автор обращается к этим фразеологизмам? Есть ли похожие фразеологизмы в вашем языке?

- Какие похожие выражения использует писательница, когда вспоминает анатомическое изображение человека, данное в учебнике, и мясо, которым старуха Анна Ильинична кормит кошку? («Мясной и красный», «красное мясо»). Почему автор сопоставляет эти эпизоды из детства?

- «...у нее нет уважения к еде...» - говорит Т.Толстая о кошке. Как вы понимаете выражение «нет уважения к еде»? Почему надо «уважать» еду? Кому это часто непонятно? Уважаете ли вы еду?

- Почему автор вспоминает случай с воробьем? Что испытывали тогда дети, какое чувство? Как они поступили? Найдите слова «личико», «кружавчиков», «рубашечка». Выделите в них корни и суффиксы. Как вы думаете, какое значение, придают словам суффиксы -ик-, -чик-, -ечк-?

В вашей жизни были похожие случаи? Вспомните, что вы делали в таких ситуациях. Как вы поступали?

- Давайте еще раз прочтем последние два предложения этой части текста. Почему ими заканчивается воспоминание, связанное с воробьем? Что дети думают о жизни, как они воспринимают жизнь? Как в детстве воспринимали жизнь вы? Изменилось сейчас у вас восприятие жизни? Почему?

При анализе текста мы обращаем внимание на фонетические особенности отдельных слов, фраз, на морфемику, словообразование, на лексику, фразеологию. Делается это для того, чтобы учащиеся лучше представили образность текста, глубже поняли грамматические нюансы, создающие языковую картину в целом.

Представим вниманию анализ еще одного фрагмента текста:

«А мы ничего и не заметили, а мы забыли Веронику, а у нас была зима, зима, зима, свинка и корь, наводнение и бородавки, и горящая мандаринами елка, и мне сшили шубу, а тетка во дворе потрогала и сказала: «Мутон!»

Зимой дворники наклеивали на черное небо золотые звезды, посыпали толчеными брильянтами проходные дворы Петроградской стороны и, взбираясь по воздушным морозным лестницам к окнам, готовили на утро сюрпризы: тоненькими кисточками рисовали серебряные хвосты жар-птиц.

А когда зима всем надоедала, они вывозили ее на грузовиках за город, пропихивали худосочные сугробы в зарешеченные подземелья и размахивали по скверам душистую черную кашу с зародышами желтых цветочков. И несколько дней город стоял розовый, каменный и гулкий»[2;36-37].

Данный отрывок достаточно поэтичен, насыщен эпитетами и развернутыми метафорами. Картина, которую создала писательница, живая – меняющаяся, движущаяся.

На наш взгляд, здесь будут уместны следующие вопросы и задания:

- Какие события произошли зимой? Что случилось с детьми, что в их жизни было необычного?

- Давайте обратим внимание, как писательница рисует зиму, создает образ зимы. Как вы понимаете выражения «толченые брильянты», «серебряные хвосты жар-птиц».

-Как Татьяна Толстая описывает зимнюю оттепель? Что значит «худосочные сугробы»? Чтобы ответить на вопрос, выделите корни в слове худосочные. О чем идет речь, когда писательница говорит о «душистой черной каше»? Что она так называет? Почему использует эпитет *душистая*?

-Какие прилагательные использует автор, когда дает определения городу? Почему он «розовый, каменный, гулкий»? Какие синонимы вы можете подобрать к слову гулкий?

-Ожидаете ли вы весну? Почему? Какие звуки слышите? Что вы чувствуете, когда приходит весна? О чем думаете или, может быть, мечтаете?

Данный фрагмент достаточно сложный, однако, если у учащихся развито образное мышление, есть определенный запас лексики, под руководством преподавателя в процессе анализа они обязательно поймут его.

Подобным образом ведется работа над другими фрагментами рассказа.

По завершении анализа текст художественного произведения имеет смысл прочитать еще раз, чтобы ответить на вопросы общего плана, выявить идею рассказа.

В заключение рекомендуется дать творческие задания: рассказать о каком-либо герое или о каком-либо событии от лица отдельных героев; написать письмо какому-либо герою от себя или опять-таки от лица другого героя; провести экскурсию по значимым местам, представленным в рассказе; обратившись к словам считалки, данным в начале рассказа, с которых начинается рассказ, написать сочинение-рассуждение на сформулированные преподавателем темы.

Еще один метод работы с текстом – пересказ. Пересказ художественного текста – достаточно сложный вид речевой деятельности, поскольку текст насыщен изобразительными средствами языка, которые надо стараться передать или заменить синонимичными конструкциями.

Тому, кто пересказывает, передает сюжетную линию художественного произведения, необходимо удерживать свое внимание на тексте, также необходимо удерживать внимание слушателей. Здесь включаются две психологические закономерности: запоминание и восприятие.

Как правило, у иностранных студентов, изучающих русский язык, речь замедленная, а мысль на своем языке – быстрее речи, поэтому говорящий «летит» вслед за ней, слушатели также часто мысленно его опережают и не ждут, по-своему додумывая текст.

Учитывая это, текст, а следовательно, и речевой поток необходимо «квантовать», то есть разбивать на смысловые отрезки, сжимать их и потом уже пересказывать. Следует помнить о том, что концентрация внимания говорящего происходит в период длительностью 7-8 минут – это надо учитывать при членении текста и речи.

«Квантуя» текст, в процессе работы над пересказом, необходимо помнить его определенные закономерности, которые заключаются в следующем: «эффект начала и конца» (лучше всего запоминается, с чего начинается произведение и как оно заканчивается); «эффект смысловых границ» (смысловые части текста, а особенно «кванты» речи, должны быть выражены голосом или жестом); «эффект пустых (молчаливых) зон» (зоны заполняются преподавателем, который расставляет смысловые или композиционные акценты); «эффект свободного речевого пространства» (недосказанность, которая может вызвать новый интерес; это могут быть вопросы как студентов, так и преподавателя).

Перед пересказом текст анализируется, потом группируется. Здесь возможны две модели: группировка текста по образам или группировка текста по вопросам. Возможна также смежная модель.

Продemonстрируем это на тексте рассказа Л.Н. Толстого «Косточка», применив главным образом первую модель:

«Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке.

Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

- А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

- Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

- Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

- Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

- Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал»[3].

Построение данной модели «предполагает определенный круг и определенный строй идей»[4].

В данном случае мы обращаем внимание на содержательную сторону, используя модельное построение как структурное членение текста:

Мать – купила слив, хотела дать детям, перед обедом сочла сливы, видит – одной нет, сказала отцу.

Отец – спросил детей, не съел ли кто-нибудь одну сливу, сказал, что в сливах есть косточки, кто не умеет их есть и проглотит косточку, тот через день умрёт.

Ваня – никогда не ел слив, они ему нравились, он их нюхал, ходил мимо, хотелось съесть, не удержался, схватил одну, съел; покраснел, как рак и сказал: -Нет, я не ел; побледнел и сказал, что косточку бросил за окошко.

Все – засмеялись

Ваня – заплакал.

Текст рассказа диалогичный, глагольный, он включает в себя 26 глаголов, имеет три смысловые части, в нем три действующих лица.

Квантуем текст следующим образом.

Квант первый – начало речи, вступление к тексту.

Мать купила слив, хотела дать детям. Перед обедом посчитала сливы, а одной нет, сказала об этом отцу.

Квант второй – развитие действия.

Ваня никогда не ел слив. Он ходил мимо них, все нюхал, хотелось съесть, не удержался, схватил одну и съел.

Квант третий – кульминация.

Отец перед обедом спросил детей, не съел ли кто-нибудь из них одну сливу. В сливах есть косточки. Кто не умеет есть сливы, проглотит косточку. И через день умрёт.

Квант четвертый – экспозиция.

Все дети сказали: нет. И Ваня покраснел, как рак и тоже сказал: - Нет, я не ел. А потом побледнел и сказал, что косточку бросил за окошко.

Квант пятый – развязка.

Все – засмеялись, а Ваня – заплакал.

Каждый квант должен длиться не дольше 3-5 минут (смысловые отрезки данного текста небольшие): тезис, объяснение, пояснение, словарь, вопросы.

Вопросы ставятся только при необходимости и оцениваются как помощь, как дополнительная возможность лучше раскрыть содержание текста.

В заключение, после пересказа, следует ответить на вопрос, почему все засмеялись и почему Ваня заплакал.

Словарь:

Слива – фрукт темно-синего цвета, фиолетового, иногда желтого цвета, у которого одна косточка.

Горница – комната в верхнем этаже; чистая половина (может быть комната) в крестьянской избе.

Схватить – быстро взять что-либо.

Сочла – посчитала, сосчитала.

Покраснеть как рак – фразеологизм. Неожиданно сильно покраснеть.

Беда – несчастье.

Ссылки на источники

1. Попова И.М., Губанова Т.В., Глазкова И.М., Жукова Т.Е., Любезная Е.В., Максимова О.В., Нарбекова О.В., Шахова Л.А. Русская женская проза рубежа веков: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во Там.гос.техн.ун-та, 2008. – с.3.
2. Толстая Т.Н. Ночь: Рассказы. – М.: Подкова, 2002. – с.31.
3. Толстой Л.Н. Косточка / Л.Н. Толстой // Книга для чтения: басни, рассказы, сказки. – М, 2010. - с. 55-56.
4. Маслов П.П. Моделирование в социологических исследованиях //Вопросы философии.- М.,1962.- №3 - с. 64.

Narbekova Oxana Vladimirovna,

candidate of Philology, associate prof., Russian Philology Department,

FSBEI HPE Tambov state technical university, Tambov

oksanaa-n@mail.ru

Nachernaya Svetlana Vladimirovna,

associated prof., PhD, The chair of Russian language as foreign of Moscow economic institute

svetlana_nachrna@mail.ru

Work with the text of the artwork in the lessons of the Russian as a foreign: analysis and retelling

Anotation. The article discusses the methods of working with the text of a work of art (analysis and retelling) at the lessons of Russian as a foreign language. It is emphasized that when analyzing the text of a work of art, it is necessary to pay attention to its grammatical and stylistic features; when retelling the text of a work of art, it is important to "quantize" the text and the speech flow. The working material for writing this article was the texts of the modern author T.N. Tolstoy and the classic Russian literature by L. Tolstoy.

Keywords: word, sentence, text, story, analysis, retelling, question, quantum, quantization, model.

Толмачева Оксана Васильевна,

кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования
кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техниче-
ский университет», г. Тамбов

oxvt@rambler.ru

Инфографика как инструмент при обучении говорению на занятиях по русскому языку как иностранному

Аннотация. Обучение говорению представляет собой задачу, которая решается на протяжении всего времени изучения иностранного языка. Статья посвящена вопросу использования зрительных опор-стимулов при обучении говорению студентов на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях подготовительного отделения. Особое внимание уделяется организации работы по инфографике, приводятся примеры заданий.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, обучение говорению, визуальные опоры-стимулы, инфографика.

Одним из наиболее сложных аспектов при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) является говорение. А. Н. Щукин определяет говорение как продуктивный вид речевой деятельности, который совместно с аудированием реализует устное вербальное общение [1, с. 211]. Авторы книги «Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика» Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез конкретизируют, что говорение – это такая форма устного общения, в результате которой идет обмен информацией, реализуются контакт и взаимопонимание, оказывается влияние на собеседника «в соответствии с коммуникативным намерением говорящего» [2, с. 190]. Выделяют монологическую и диалогическую речь. В «Государственном стандарте» уже на элементарном уровне предъявляются достаточно серьезные требования к степени сформированности умений осуществлять не только диалогическую речь, но и монологическую. Так, при создании монолога обучающийся должен уметь без помощи преподавателя строить связные высказывания на предложенную тему согласно заданной коммуникативной установке, объемом не менее 7 фраз, а также на основе прочитанного текста продуцировать монологическое высказывание репродуктивного типа [3, с. 10]. Если на элементарном уровне текст может быть специально составлен или адаптирован, то уже при достижении первого сертификационного уровня владения языком тексты должны быть аутентичными с минимальной адаптацией. Кроме того, в стандартах базового и первого сертификационного уровней говорится о том, что студент должен уметь высказывать свое отношение к фактам, событиям, о которых ранее прочитал, действующим лицам текста и их действиям [4, с. 10; 5, с. 10]. К диалогической речи предъявляются требования понимать собеседника, отвечать на его реплики, начинать диалог согласно уровню владения языком [3, 4, 5].

Таким образом, в рамках занятий по РКИ должна вестись систематическая работа по обучению как диалогической, так и монологической речи. Надо отметить, что более высокую степень заинтересованности студенты проявляют при построении диалогов. Вероятно, это связано, в том числе, и с бытовой стороной вопроса, поскольку в первую очередь обучающиеся стремятся усвоить язык для удовлетворения своих бытовых потребностей проживания в среде носителей языка. Действительно на раннем этапе обучения языку предпочтение отдается диалогу в связи с необходимостью овладения разговорными и этикетными формулами, характерными для ряда ситуаций, например, «Знакомство», «В поликлинике», «В магазине» и т.д. На более старших ступенях обучения языку большее внимание уделяется развитию навыков монологической речи. Прежде всего имеются в виду продвинутой и профессиональный

уровни подготовки, но целенаправленную работу по развитию навыков монологического высказывания следует начинать с самых первых занятий, поскольку «монолог может входить в качестве составной части в беседу, протекать в форме рассказа, выступления или доклада», – отмечают Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез [2, с. 174]. Таким образом, необходимо стимулировать студента к развернутым ответам с самого начала обучения. На занятиях РКИ важно формировать навыки не только грамотно оформлять свою мысль с позиции фонетики, грамматики и лексики, но и строить логичные и законченные высказывания, а также развивать тему своего сообщения, расширять, комментировать и давать ее оценку. Можно сделать вывод о том, что обучение любому виду речевой деятельности, но в особенности монологическому, представляет собой весьма сложную и трудоемкую задачу, решаемую совместными усилиями преподавателя и студента в течение всего времени овладения языком.

При обучении говорению ведущее место занимает моделирование ситуаций для общения. Одним из инструментов-помощников, активно использующихся на занятиях по РКИ, с целью формирования навыка говорения – привлечение зрительных опор для стимулирования устного высказывания обучающимися. Так, М. П. Чеснокова отмечает, что одним из неперенных условий успеха на занятиях по развитию устной речи является использование в учебном процессе наглядности, например, серии рисунков [6, с. 95]. Визуальные опоры помогают создать необходимую атмосферу на занятии, способствующую речемыслительной деятельности. В тоже время Е. И. Пассов, акцентирует внимание на том, что изобразительные содержательные опоры в первую очередь являются «способом управления высказыванием», поскольку они всегда содержат в себе много информации, но при этом опора это только стимул для размышления [7, с. 180]. Наглядные материалы задают план содержания высказывания студента, давая возможность сосредоточиться на плане выражения. Таким образом, использование визуальных опор-стимулов способствует созданию благоприятных условий для формирования навыка говорения и, как следствие, повышению качества усвоения материала.

Для создания учебной ситуации на занятиях РКИ часто используются сюжетные картинки, иллюстрации, репродукции картин, комиксы, а также «подручный» материал: рекламные проспекты, объявления, афиши концертов, буклеты из магазинов и т.д. Кроме того возможно привлекать информационную графику (сокращенно инфографику), которая представляет собой один из способов передачи информации и широко используется в настоящее время в журналистике. В инфографике информация передается с помощью вербального и графического компонентов. Цель инфографики – сжато представить результаты анализа какого-либо одного вопроса или проблемы. «Современная инфографика больше напоминает статью или доклад, чем график. Цель инфографики сводится к решению трех основных задач, таких же, как и при публичном выступлении: проинформировать, заинтересовать и убедить аудиторию», – пишет известный специалист в сфере визуализации данных и инфографического дизайна Рэнди Крам. [8, с. 37].

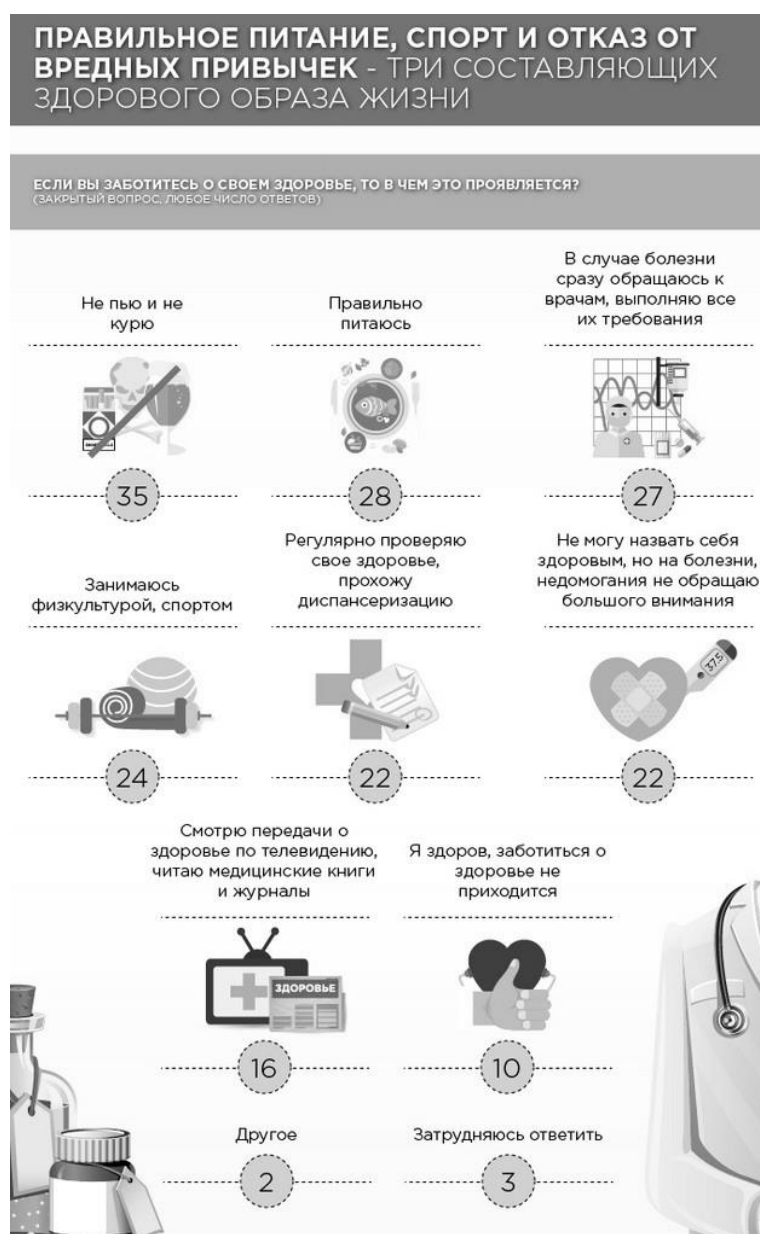
На уроках РКИ представляется возможным использовать инфографику в качестве опоры-стимула для высказывания при обучении разным видам речевой деятельности. При этом ценность инфографики состоит в ее четкой структурированности, цельности, логичности подачи материала. Здесь нет готового текста, но есть информация, которая необходима для конструирования связного высказывания. Это своего рода развернутый план будущего сообщения. Еще одно из важнейших достоинств инфографики – аутентичность (в нашем случае мы имеем в виду инфографику, созданную российскими авторами-дизайнерами и основанную на российских реалиях), т.е. качество, позволяющее ближе познакомиться со страной и жителями изучаемого языка.

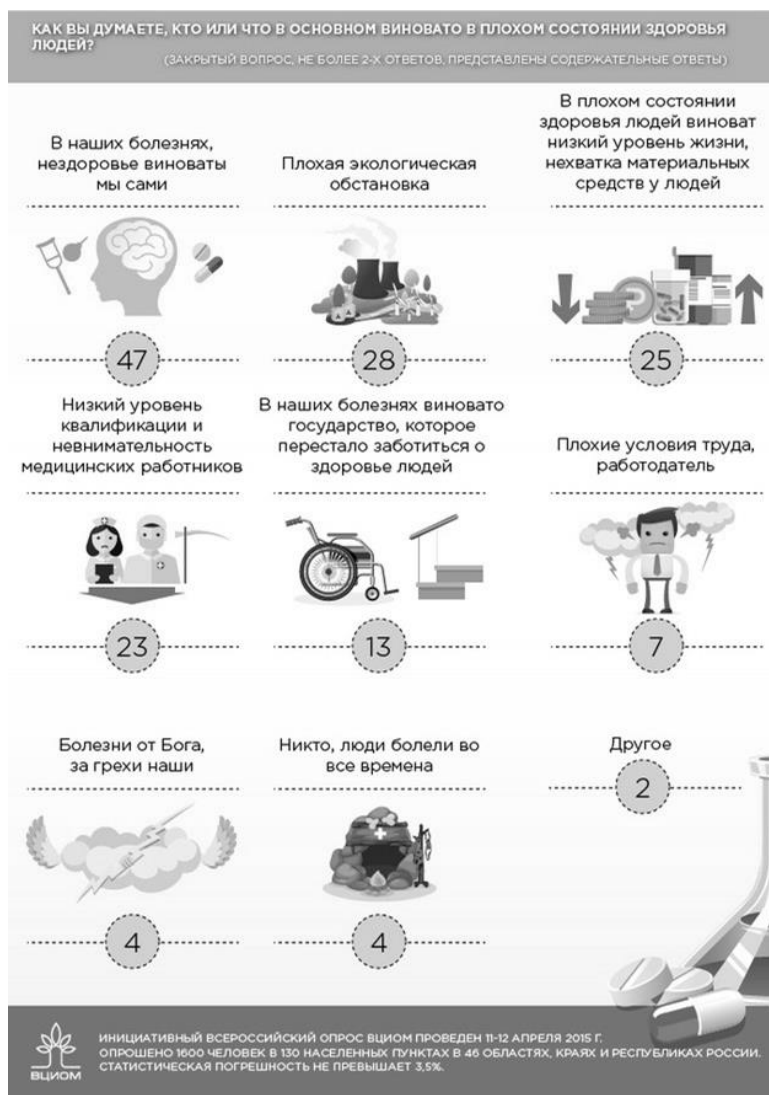
Инфографика подходит для работы со студентами разных уровней и способностей, для выполнения заданий на уроке и дома, для описательных и творческих

упражнений, для индивидуальной и групповой работы. С помощью инфографики можно организовать диалог, она же может послужить отправной точкой для создания монологического высказывания. Как правило, студенты принимают активное участие в работе по визуальным опорам, что способствует накоплению положительного языкового опыта.

Представляется целесообразным использовать инфографику как дополнительный материал при изучении лексических тем на завершающем этапе. Например, по теме «Здоровье» можно взять информационную графику с сайта ВЦИОМ (см. рисунок 1) [9], на основе которой можно спланировать работу по проблеме организации здорового образа жизни. Инфографика «Правильное питание, спорт, отказ от вредных привычек – три составляющих здорового образа жизни» состоит из двух частей: «Если вы заботитесь о своем здоровье, то в чем это проявляется?» и «Как вы думаете, кто в основном виноват в плохом состоянии здоровья?». В каждой части приведены суждения и цифры, обозначающие количество опрошенных (в процентах), которые согласились с той или иной позицией. На занятиях возможно использовать как обе части, так и каждую в отдельности в зависимости от интересов учащихся, уровня подготовки, имеющегося времени и других условий.

Рисунок 1

Проследим этапы работы с инфографикой. Прежде всего, следует снять трудности, связанные с произношением и пониманием. Для этого организуем чтение вслух содержимого инфографики. Параллельно надо попросить студентов подчеркнуть незнакомые слова, некоторые из которых можно прокомментировать. Затем, при необходимости, надо дать несколько минут для самостоятельной работы со словарем. Когда сняты фонетические и лексические трудности, можно приступить к обсуждению проблемы. Отметим, что, работая с инфографикой, представляется возможным несколько раз «прокрутить» материал. Например, можно предложить выполнить следующие задания:

1) Используя материал инфографики, расскажите, как люди заботятся о своем здоровье. Используйте модель: 45 процентов опрошенных (человек) думают (считают, сказали), что ...

2) Выберите в инфографике ответы на вопрос «Что надо делать, чтобы сохранить здоровье?», с которыми вы (не) можете согласиться. Используйте модель: Я согласен (согласна) с тем, что (не) надо ...

3) Опросите товарищей в группе и составьте свой рейтинг ответов на вопрос «Если вы заботитесь о своем здоровье, то в чем это проявляется?» Сравните результаты.

4) Опираясь на информацию в инфографике, составьте диалог на тему «Что вы делаете, чтобы быть здоровым?» Расскажите группе о том, что вы узнали о своем друге. Дайте критическую оценку этой информации (*Я считаю (думаю), что...*).

5) Как вы думаете, отвечая на вопрос «В чем проявляется забота о здоровье?», можно выбрать только один из предложенных в инфографике ответов? Аргументируйте свою позицию.

6) В качестве домашнего задания можно попросить подготовить рассказ о том, как заботятся о своем здоровье члены семьи студента, при этом надо дать оценку их действиям (правильно / не правильно, я бы рекомендовал(а)...)

По второй части «Как вы думаете, кто в основном виноват в плохом состоянии здоровья?» предлагаем организовать работу иначе. Заранее разрезаем изображение на части, содержащие формулировку возможной причины плохого состояния здоровья и иконку, убрав при этом цифры, обозначающие количество выбравших тот или иной ответ. Работу в аудитории, как и в предыдущем случае, начинаем со снятия трудностей, связанных с произношением и пониманием. Для этого читаем содержимое инфографики и комментируем незнакомые слова, при необходимости обращаясь к словарю. Затем выполняем упражнение на прогнозирование: просим студентов, основываясь на их личном опыте, разложить «квадратики» в порядке убывания количества голосов, поддержавших то или иное утверждение. После этого проверяем задание, начиная с самого, по мнению студентов, распространенного ответа. При этом надо аргументировать свое решение. Выполняя такое упражнение в группе, таким образом можно организовать дискуссию, спрашивая согласны ли другие студенты с позицией отвечающего и, если нет, то объяснить почему. В итоге мы получим вариант инфографики, скомпанованной на основе мнения учащихся одной группы. Затем преподаватель читает информацию из «авторской» инфографики, а студенты записывают на соответствующих «квадратиках» цифры, после чего сравниваем результат, полученный в ходе реального социального опроса и прогнозирования, и пытаемся понять и объяснить, почему не совпали те или иные позиции. Надо заметить, что очень интересным, как правило, получается обсуждение проблем, на основе инфографики в многонациональных группах, когда каждый студент не только высказывает свой взгляд на проблему, но и сравнивает свое мнение с мнением представителей других стран.

Работая со зрительными опорами представляется чрезвычайно важным обращаться к личному опыту учащихся, просить их давать комментарии в своих ответах, пропуская ситуацию «через себя», поскольку «личностная ориентация, как показывает опыт изучения иностранного языка, значительно повышает эффект его усвоения, т.к. наряду с интеллектом подключаются эмоции», – замечают авторы издания «Методика обучения иностранным языкам в средней школе» [10, с. 125]. Выполнение таких заданий активизирует мыслительную деятельность учащихся, а при ответе заставляет их использовать весь арсенал знаний, полученных на уроках, в чем проявляется практическая ориентированность курса РКИ, поскольку на первом месте для обучающегося стоят не теоретические знания, а умение использовать их в процессе речевого общения.

Инфографика позволяет придумать множество заданий и при этом будет выступать в качестве стимула для высказывания. Преподаватель может варьировать упражнения в зависимости от уровня владения языком учащимися, от интересов группы. Очевидно, что инфографика дает возможность реализации на занятиях одного их ведущих принципов в организации учебного процесса, заключающегося в индивидуальном подходе к каждому студенту, поскольку с помощью инфографики можно создавать дифференцированные задания, которые учитывают способности каждого обучающегося.

Использование на занятиях инфографики в качестве зрительной опоры способствует активному приобретению знаний, стимулирует к размышлению, высказыванию своего мнения, помогает студенту построить логически правильное высказывание,

направлено на развитие навыка монологической и диалогической речи, формирует умение внимательно слушать собеседника, вступать в дискуссию, оценивать реплики оппонента. Являясь реализацией одного из основных дидактических принципов обучения иностранному языку, использование наглядности на занятиях РКИ способствует созданию на уроках позитивной атмосферы для обсуждения, позволяет высказаться каждому учащемуся, согласно его уровню подготовки и способностей, что в свою очередь ведет к возникновению условий для реализации принципа успешности для каждого студента и повышению мотивации к изучению русского языка.

Ссылки на источники

1. Щукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. – М.: Издательство Икар, 2011. – 454 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т. Е. и др. – М.–СПб.: «Златоуст», 2001. – 28 с.
4. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М. М. и др. – М.–СПб.: «Златоуст», 2002. – 32 с.
5. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Андрюшина Н. П. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 1999. – 36 с.
6. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: МАДИ, 2015. – 132 с.
7. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.
8. Крам Р. Инфографика. Визуальное представление данных. – СПб.: Питер, 2015. – 384 с.
9. Инфографика «Правильное питание, спорт, отказ от вредных привычек – три составляющих здорового образа жизни». [Электронный ресурс]. – URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/health/article/pravilnoe-pitanie-sport-i-otkaz-ot-vrednykh-privyчек.html> (дата обращения 14.09.2018).
10. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 288 с.

Tolmacheva Oksana Vasilyevna,

Candidate of Philology, senior additional education teacher of the Tambov state technical university, Tambov
oxvt@rambler.ru

Infographics as the tool when training in speaking at occupations on Russian as foreign

Summary. Training in speaking represents a problem which is solved throughout all time of a learning of foreign language. Article is devoted to a question of use of visual support incentives when training in speaking of students at classes in Russian as foreign in the conditions of preparatory office. Special attention is paid to the organization of work on infographics, examples of tasks are given.

Keywords: Russian as foreign, training in speaking, visual support incentives, infographics.

Товт Анастасия Михайловна,

кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Tovt_tasya@mail.ru

Шахова Лариса Александровна,

кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Castomelchor@yandex.ru

Диалог культур на примере праздника «Масленица» при обучении русскому языку как иностранному

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса межкультурной коммуникации на примере праздника как эффективной формы педагогического обучения.

Изучение праздников при помощи интегрированного урока способствует формированию у иностранных студентов социокультурной компетенции, позволяющей точно понять традиции, культуру и обычаи русского народа. В ходе обучения учащиеся получают культуроведческую информацию о стране изучаемого языка, что способствует адаптации студентов к новой языковой среде.

Ключевые слова: язык, культура, русский народный праздник, межкультурная коммуникация, социокультурная компетенция, интегрированный урок.

Развитие языковой картины мира, лингвоконцептуальный анализ культуры национально-культурная особенность языкового сознания, образуя единое проблемно-теоретическое пространство современной русистики, получили достаточно широкое распространение в зарубежной лингвистике. Ученые разных стран, лингвострановеды активно используют новые направления социолингвистических учений, методы сопоставительного анализа с целью изучения и понимания проблем языка и культуры.

Давая характеристику межкультурным связям между Россией и иностранными государствами, ученые определяют для себя ряд важных факторов. К ним прежде всего относят национально-психологические, историко-культурные, материально-культурные факторы на основе сопоставления русской и иностранной лексики с национально-культурной семантикой, сравнение культурных элементов в традициях и обрядах разных стран на примере праздников.

В любой стране существует много праздников, каждый из которых несет свой смысл и имеет определенное значение. Праздник, в широком смысле, – это отрезок времени, обозначенный в календаре в честь какой-либо выдающейся личности или события, имеющий особый смысл и связанный с культурными и религиозными традициями страны [1]. Обычно праздник ассоциируется в нашем сознании с официальными выходными, различными развлекательными мероприятиями, хорошим настроением и предвкушением радостных событий.

В то же время большинство отечественных ученых рассматривают праздники не в контексте приятного времяпровождения, а больше как атрибут социально-культурной жизни, несущий прежде всего воспитательное значение.

М.М. Бахтин определил феномен праздника как «первичную форму человеческой культуры». Праздник, по его мнению, как элемент культурного континуума, состоит из совокупности разных культур: культуры слова, движения, игры, музыкального звука, моды, этикета, ритуала, обычая [2].

Праздник, выступая важнейшей составной традиции, является своеобразным стабилизатором общества. Он помогает сохранять и передавать от поколения к поколению социально значимую информацию, а само участие в праздничных торжествах способствует приобщению людей к существующим общепринятым нормам и ценностям социума. Праздник можно характеризовать как универсальную и значимую черту цивилизации, в то же время особенности праздников показывают различия между цивилизациями.

Для понимания народов других стран мало знать только язык, важно понимать культуру и историю этой страны. Изучение особенностей празднования фестивалей, обычаев, принятых народами разных стран, говорит об актуальности данной темы. Основные праздники, существующие в разные времена и не потерявшие значение в настоящее время, служат неотъемлемой частью жизни каждого человека и народа в целом.

Важность праздников очень сложно переоценить, пишет Г.П. Черный. Поскольку праздник – это не только «часть духовного наследия народа», он (праздник) предполагает прежде всего творческое сотрудничество участников во время его подготовки и проведения, определяет «некие социальные рубежи, вехи, перспективы, на которые ориентируются, ждут» [3].

Праздник обращен как ко всем участникам процесса, так и к каждому в отдельности, тем самым создавая ощущение общности, общего настроения, сопереживания, так совершается эмпатийное единство всех участников. [4].

На празднике происходит обновление и подтверждение ценностей коллективной жизни. Он помогает расширить кругозор, сохранить традиции, самовыразиться, стимулирует интерес к творчеству, способствует всестороннему развитию.

Иностранные студенты, приехав в Россию на обучение, воочию видят, как проходят русские национальные праздники, как в них проявляются национальные традиции, местный колорит и менталитет, причем сами студенты стараются принимать в них активное участие. Они проявляют интерес не только к государственным праздникам, таким как Новый год, День Защитника Отечества, Международный женский день, День Победы и т.д., но и религиозным – Рождество Христово, Крещение Господне, Пасха.

Преподаватели русского языка как иностранного на примере специально составленных текстов практикуют тематические уроки с использованием лингвоэтнокультурологического метода. В результате студентами намного легче воспринимаются слова, имеющие культурную семантику, так как они даны в контексте, и знакомство с культурой страны происходит более естественно, чем если бы лексика была дана отдельно, вне контекстного поля

Благодаря овладению новой лексикой, глагольным управлением в процессе работы с подобными текстами, учащиеся могут свободно реализовывать межкультурную коммуникацию в условиях русской речевой среды. На основе усвоенных и выученных словосочетаний, типа: **праздновать что?**, **отмечать что? где? как?**, **встречать что? кого?**, **поздравлять кого? с чем?** **желать/пожелать что? кому?**, **дарить/подарить что? кому?**, **угощать чем? кого?**, студенты поздравляют с праздниками преподавателей, других иностранных студентов, рассказывают о традициях и обычаях в своей стране, семье. На занятиях во время комментирования текстов, описывающих русские праздники, необходимо выделять слова-концепты, которые наиболее точно отражают языковое сознание русского народа.

Один из любимых иностранными студентами праздников – это Масленица, демонстрирующая древнейшую модель мира с ее солнечной символикой в виде золотистых круглых блинов.

Обычно перед началом празднования Масленицы студентам на уроках по страноведению предлагается на рассмотрение текст с целью формирования социокультурной компетенции и экстралингвистических знаний о русских народных праздниках. Целесообразно, на наш взгляд, провести интегрированный урок, поскольку в нем объединены несколько дисциплин для изучения одной темы или явления. Сначала студенты знакомятся с общей информацией о празднике, дается небольшой экскурс в историю.

Масленица – древнейший народный праздник, объединивший языческую и христианскую культуру. Праздник длится целую неделю до начала Великого Поста. Однако мясо не едят уже во время масленичной недели. Поэтому у Масленицы, помимо определения *широкая, честная, раздольная*, есть еще одно интересное определение – *мясопустная*. Однако отсутствие мяса не нарушает главного правила Масленицы – как можно больше вкусной еды. Это разнообразные пироги, лепешки, оладьи, ватрушки, кисель из ягод, сметана, творог и, конечно, блины – символ солнца, массовое поедание которых программирует скорое возвращение весны с теплой погодой и обильным урожайным годом.

На масленичной неделе обязательно поминали усопших родственников. Им на ночь оставляли еду, чтобы усопшие не обиделись, а, наоборот, весь год помогали в хозяйстве, способствовали увеличению урожая и скота.

На Масленицу для каждого дня недели существовало свое название и обряд. В понедельник – *встреча* – родственники навещали друг друга; во вторник – *заигрыш*

– женихи присматривали себе невест; в среду – *лакомка* – теща угощала зятя блинами; в четверг – *разгуляй-четверток* – развлекались, катались на санях, кочелях, устраивали всенародное гуляние; в пятницу – *тещины вечера* – теща приходила на блины к зятю; в субботу – *золовкины посиделки* – девушки собирались вместе; в воскресенье – *Прощеный день* – все просили друг у друга прощение и провожали Масленицу [5]. В этот день сжигали заранее подготовленное чучело. Сожжение Масленицы, одетой в женский наряд, – это не просто развлечение, а прощание с зимой, ее «похороны», приглашение весне и теплу.

После культурологических сведений студентам может быть предложена на рассмотрение репродукция картины Б. Кустодиева «Масленица». Здесь важен диалог-распрос: какие чувства вызывает картина, на что студенты обратили внимание в первую очередь, какими цветами художник передает масленичное гуляние и общее настроение. Интересно было бы рассмотреть репродукцию картины В.И. Сурикова «Взятие снежного городка». Важно обратить внимание студентов на символическое значение картины. В ходе рассуждения учащиеся должны понять, что снежная битва – это не просто веселая забава, а изгнание зимы. По окончании этой части урока студенты пытаются составить устные рассказы, чтобы передать свое понимание увиденного.

Не менее важно показать использование образа Масленицы в творчестве композиторов. Студентам можно дать прослушать пьесу П.И. Чайковского «Февраль. Масленица», А.Н. Островского «Снегурочка», оперу Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Стоит обратить внимание учащихся на разнообразие мелодий в сценах масленичных гуляний, попросить рассказать о своих чувствах во время прослушивания. Подобная работа не только знакомит студентов с русским музыкальным искусством, но и помогает подготовиться к более точному восприятию основного материала.

Далее студентам предлагается текст. Это может быть текст, составленный педагогом, или адаптированный отрывок из художественного произведения. Например, иностранным учащимся всегда интересно работать с отрывком из повести Ивана Шмелева «Лето Господне», в котором автору удалось создать один из самых ярких литературных образов Масленицы:

«Масленица в развале. Такое солнце, что разогрело лужи. Сарай блестят сосульками. Идут парни с веселыми связками шаров, гудят шарманки. Фабричные, внавалку, катаются на извозчиках с гармонью. Мальчишки «в блина играют»: руки назад, блин в зубы, пытаются друг у друга зубами вырвать - не выронить <...>

Широкая печь пылает... На сковородках, с тарелку, «черные» блины пекутся и гречневые, румяные, кладутся в стопки... Пар идет от блинов винтами. Я смотрю от двери, как складывают их в четверку, макают в горячее масло в мисках и чавкают. Пар валит из ртов, с голов... Стоит благодатный гул: довольны <...>

Масленица кончается: сегодня последний день, «прощеное воскресенье». Приносят «масленицу» - в подарок. Такая радость!... Я люблюсь-любуюсь «масленицей», боюсь дотронуться, - так хороша она. Вся - живая!... Смотрю и думаю: масленица живая... и цветы, и пряник - живое все <...>» [6].

Для понимания национально-культурных значимых языковых единиц преподаватель обязательно комментирует коннотативную лексику: *масленица, блины, костер, кататься на санях, водить хоровод, петь песни, сжигать чучело и т.д.* Далее студентам может быть предложено задание, например, написать письмо семье и рассказать о празднике, передать максимально точно полученную информацию, свои чувства, эмоции, т.е. рассказать о своем отношении к данному празднику.

Иностранные студенты, наблюдая подобные обычаи, с интересом пытаются найти связь Масленицы и похожих традиций в своей стране. В странах Западной Европы во время празднования Масленицы уходят споры и ссоры, улицы наполняются смехом, весельем, шутками, а сам праздник плавно переходит в карнавал. Например,

в Германии весну встречают блинами, оладьями и домашней колбасой, а зиму провожают в костюмах ведьм, шутов и героев детских сказок. В Чехии весну начинают встречать с 6 января, а особый пик веселья приходится на неделю перед постом. Символом Масленицы считается больше не блин, а пончик. Масленица во Франции близка русской. Здесь также пекут блины, активно веселятся и сжигают чучело. В Великобритании Масленица длится всего один день, в «покаянный вторник», и сопровождается «блинными гонками» [7]. Некоторые атрибуты русской масленицы можно найти и в культурных элементах традиционных китайских праздников. Например, праздник «Чунь Фэнь», или «весеннее равноденствие». В этот день обычно едят лепешки, как обязательный атрибут праздника. Считается, если на следующий день заняться посевными работами, высадкой деревьев и т.д., то осенью обязательно получишь обильный урожай. Здесь отчетливо прослеживается сходство с русской культурой, ведь, как известно, в русском народном календаре всегда обозначался цикл сельскохозяйственных работ. Язык фиксирует извечные ценности культуры, имеющие национальную специфику у разных народов.

Таким образом, праздник, выступая посредником в диалоге различных культур, помогает формировать у иностранных учащихся такие важные компетенции, как страноведческая, лингвистическая, коммуникативная, расширяя общий кругозор, воспитывая уважительное отношение к русской культуре, с ее традициями и обычаями. Праздник как эффективная педагогическая форма обучения способствует развитию креативного мышления учащихся, ответственности, инициативности, организаторским способностям, помогает социально-психологически адаптироваться студентам к новой социокультурной и социопедагогической среде.

Ссылки на источники

1. Раджабова А. С., Сырескина С. В. Сравнение праздников Великобритании и России // Филология и лингвистика. – 2016. – №2. – С. 30-32. – URL <https://moluch.ru/th/6/archive/33/925/> (дата обращения: 31.10.2018).
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [Шпр://Lea&lib.ru/Library/Bahtin/esthetic/]. - (Дата обращения: 30.10.2018).
3. Черный Г. П. Педагогическая технология массового праздника. М.: Молодая гвардия, 1990. - 157 с.
4. Генкин Д. М. Массовые праздники: учебное пособие для студентов институтов культуры. - М: Просвещение, 1975. - 140 с.
5. Лобашкова С.Г. Между прошлым и будущим: учеб. пособ для иностранцев, изучающих русский язык. М.: ИКАР, 2001. – 144 с.
6. Шмелев И. Лето Господне. Детская литература, 2015 г.
7. Ключкина О. Народный праздник Масленица в разных странах. – URL <http://www.restbee.ru/guides/razvliechieniia-i-prazdniki/narodnyi-prazdnik-maslenitsa-v-raznykh-stranakh.html> (дата обращения: 30.10.2018).

Anastasia Tovt,

candidate of Philological Sciences, senior teacher of additional education the Department of Russian Philology FSBEI HE Tambov state technical university, Tambov

Tovt_tasya@mail.ru

Larisa Shakhova,

candidate of Philological Sciences, senior teacher of additional education the Department of Russian Philology FSBEI HE Tambov state technical university, Tambov

Castomelchor@yandex.ru

The dialogue of cultures on the example of the holiday "Maslenitsa" in teaching Russian as a foreign language

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the issue of intercultural communication on the example of a holiday as an effective form of pedagogical education. Studying holidays with the help of an integrated lesson contributes to the formation of sociocultural competence in foreign students, allowing them to accurately understand the traditions, culture and customs of the Russian people. During training students receive cultural information about the country of the language being studied which contributes to the adaptation of students in a new language environment.*

Key words: *language, culture, Russian national holiday, intercultural communication, sociocultural competence, integrated lesson.*

Авторы

Архипова Любовь Владимировна

Баркова Татьяна Петровна

Гальцева Анжелика Александровна

Глазкова Марина Михайловна

Губанова Тамара Васильевна

Жукова Татьяна Евгеньевна

Иванова Ирина Сергеевна

Игумнова Елена Сергеевна

Иконникова Яна Владимировна

Ильина Светлана Анатольевна

Максимова Ольга Васильевна

Нарбекова Оксана Владимировна

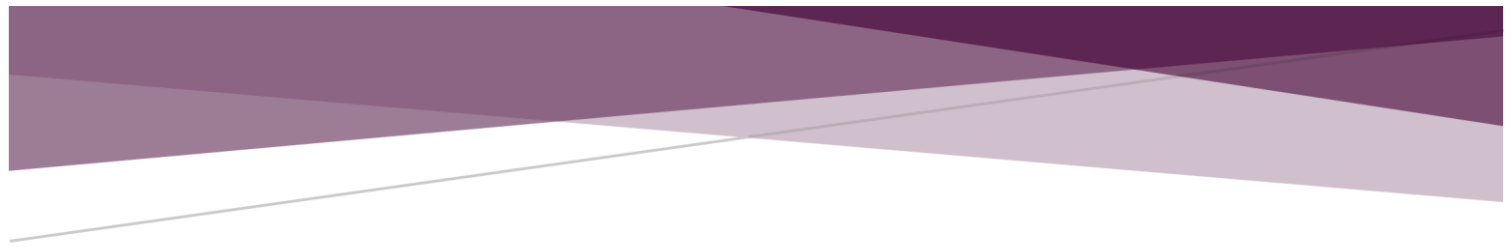
Начёрная Светлана Владимировна

Попова Ирина Михайловна

Товт Анастасия Михайловна

Толмачева Оксана Васильевна

Шахова Лариса Александровна

ISBN 978-5-907091-28-3

9 785907 091283